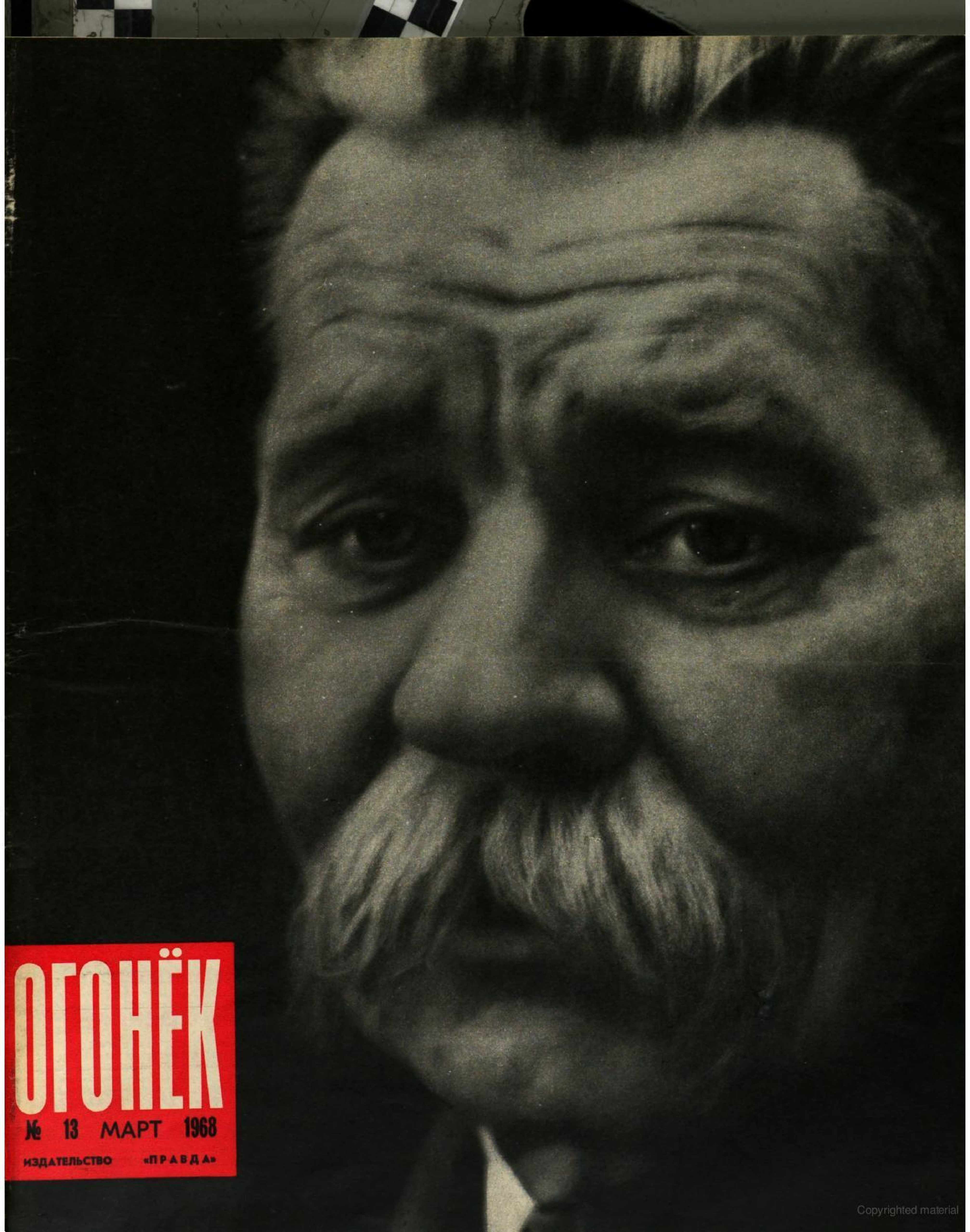


ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 13 (2126)

23 МАРТА 1968

Основан 1 апреля 1923 года

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

В. И. Ленин

Владимир Ильич Ленин и Алексей Максимович Горький. 1920 год.

1868 1968

НАШ ГОРЬКИЙ

Ал. ОВЧАРЕНКО,
доктор филологических наук

Я хотел — и хочу — видеть всех людей героями труда и творчества, строителями новых, свободных форм жизни.

М. ГОРЬКИЙ.

В одном из писем к Федору Шаляпину Горький назвал его «символом русской мощи и таланта». «Когда я смотрю на тебя,— писал он другу,— я молюсь благодарно какому-то русскому богу: спасибо, боже, хорошо ты показал в лице Федора, на что способна битая, мученая, горестная наша земля! Спасибо,— знаю, есть в ней сила! И какая красавица-сила!»

С еще большим восхищением то же самое мы говорим о самом Горьком. Могучей красавицей силой обладает земля, в которой некто Алексей Пешков, преодолевая невероятные препятствия, воздвигаемые на путях трудящегося человека частнособственническим обществом, проходит все девять кругов ада, поднимается на самую вершину человеческой культуры, входит в один ряд с гениальными писателями Л. Толстым, Ф. Достоевским, А. Чеховым, стоит у колыбели нового мира рядом с величайшим революционером всех времен — В. И. Лениным. Еще при жизни писателя в восприятии крупнейших умов нашей эпохи представление о России, русском народе, движущемся к революции, соединялось с именами Толстого, Достоевского и Горького. Смерть же писателя была воспринята народами нашей страны и прогрессивными слоями всего человечества как самая тяжелая утрата после смерти Ленина.

Горький терпеть не мог слов «великий», «могучий», «гениальный» и не раз потешался над любителями «измерять рост писателей» с помощью подобных эпитетов. Для него существовал лишь один титул, которым он дорожил: «хороший работник». Среди неопубликованных заметок, относящихся к последним дням жизни писателя, есть и такая: «Когда меня называют «великим», я чувствую себя как мальчишка, которого мальчишки дразнят, как они дразнят хромого за то, что хром, кривого за то, что крив. Как литератор, я — не «велик», «я просто хороший работник».

Работа, которую делал сам Горький и старался делать так, чтобы ею можно было гордиться,— это и неутомимая его учеба, и художественное творчество, и непосредственное участие в освободительной борьбе пролетариата России, и колоссальный редакторский труд, и руководство крупнейшими издательствами, журналами, газетами, и систематическое чтение рукописей, беспримерная по своему размаху переписка с общественными и государственными деятелями, рабочими, крестьянами, учеными, писателями, художниками, журналистами, учителями...

В нашей стране выходило Собрание сочинений Горького в 30 томах. Ныне же объявляется подписка на новое, на этот раз полное академическое собрание сочинений в 63 томах. Но это будет именно собрание с о ч и н е н и й, а не всего, что было сделано писателем. Как включить в него, скажем, гигантский редакторский труд Горького, запечатленный в «правке» бесконечного количества рукописей? Или пометки на тысячах прочитанных книг? Или многочисленные беседы с людьми, оставлявшие неизгладимый след в судьбе почти каждого, кто хоть раз встречался с Горьким? И как включить самое блестящее произведение Горького — его сказочную жизнь, существенной частью которой, но именно частью, являются его бессмертные художественные произведения?

Горький любил составлять в родственные ряды слова на основе заключенной в них образности и многозначного смысла. Слово «работник», очищая его от исторической «пыли», он ставил рядом со словами «работа» и «рабочий». В превосходных рассказах «Емельян Пиляй», «На соли», «Челкаш», «Коновалов», в гениальной пьесе «На дне» он неповторимо рассказал о том, как извращается великая, всеразрешающая сила работы, труда в капиталистическом обществе. Из смысла жизни, вдохновенного творчества работа превращается в средство порабощения человека. Великое понятие «работа» теряет свои живительные соки, сжимаясь в звено страшной цепи, именуемой «рабство». Действительные созидатели всех ценностей на земле теряют «душу живу», обезличиваются, их как бы усекают со всех сторон, превращая из «работников», «рабочих» в «рабов». От слова остается половина, от человека — и того меньше.

На себе самом испытав все ужасы подневольного труда, Горький, однако, не впал в отчаяние, не разочаровался в жизни. «Я,— рассказывал он впоследствии,— очень рано узнал людей и еще в молодости начал выдумывать Человека, чтобы насытить мою жажду красоты. Мудрые люди — неутомимые творцы ошибок — убедили меня, что я плохо выдумал утешение себе. Тогда я снова пошел к людям и — это так понятно! — снова от них возвращаюсь к Человеку...»

В этой заметке Горького пропущено несколько звеньев. Возвратившись к людям, он вскоре взялся за перо и стал создавать произведения, которые с тех пор не оставляют равнодушным ни одного читателя. И тот, кто берет их в руки впервые, и я, человек, имеющий отношение к их изданию, вот уже в течение двадцати лет, раскрыв книги, читаем их не отрываясь.

Волшебной силой настоящего искусства мы переносимся в Россию конца XIX века, зачарованно слушаем у ночного костра рассказ старого цыгана об удалом Лойко Зобаре и красавице Радде, вместе с Емельяном Пиляем бредем на «проклятущую» соль... Рядом с нами, за нами, впереди нас — люди, люди, люди. ...Горемыка Павел и старуха Изергиль, Челкаш и Коновалов, Шакро и Промтов, Кирилка и Финоген Ильич, Фома Гордеев и Павел Грачев... Одни из них пристально рассматривают нас, другие загадочно усмехаются, третьи зовут куда-то. «А ты можешь научиться сделать людей счастливыми?» — скептически спрашивает Макар Чудра, выпуская изо рта и носа густые клубы дыма. «Права! Вот они права!» — кричит Емельян Пиляй, потрясая внушительным жилистым кулаком. «Рази мне надо что?..»— пронзительно вопрошает дед Архип. «Жутко жить»,— шепчет Хромой. «Какую там я могу иметь в себе жалость, ежели на моих глазах всегда людей били... и вижу я, что человек дешевле скота ценится?» — строго замечает старый каторжанин. «Так я никакого геройства и не совершил»,— сокрушается Гришка Орлов. «Таких делов, чтобы высоко торчали,— не нам делать...» — медленно выговаривает седобородый грузчик. И сам рассказчик, глядя на отчаявшегося Коновалова и сравнивая его с покрывающимися пеплом углями, горестно думает: «Так и все мы... Хоть бы разгореться ярче!»

Десятки, сотни, тысячи людей сдвигаются с насиженных мест, бредут по бескрайним дорогам России, гибнут от непосильной работы, «спиваются с круга». Что же их гонит? Нужда, голод? Да. Бесправие? Да, с нарастающей силой.

Внутренняя неудовлетворенность жизнью охватывает все более широкие круги народа. Люди задумались и уже не хотят жить как скот. «Вот так жизнь, ведьма ее бабушка! И зачем только она мне

далась? Работища да скучища, скучища да работища...» Так рассуждает не один Гришка Орлов. Глубоко задумавшись, на распутье стоит Россия, страдающая и вопрошающая, уповающая и бунтующая.

Мучительно ищет она дорогу «к свободе, к свету!». Художественное воссоздание самого этого процесса — одна из сильнейших сторон творчества Горького. Мы видим, как рождается, растет, крепнет «юная Русь». «Боюсь я! — признается мещанин Бессеменов.— Время такое... страшное время! Все ломается, трещит... волнуется жизнь!..» Машинист Нил, считая себя законным хозяином жизни, заявляет: «Прав — не дают, права — берут...» Измученный жизнью рабочий Грачев радостно возвещает: «Я чувствую — нашел я друга! И ясно вижу — кто мой враг!..»

Горький прочно связывает свою судьбу с революционным пролетариатом России, становится активным участником рабочего движения. В 1931 году, вспоминая о мучительных духовных исканиях, которые ему пришлось пережить в молодости, сожалея, что недостаточно читал до 1903 года работы Ленина и это мешало «разобраться в самом себе», он с гордостью напишет: «В конце концов я нашел какой-то свой путь и вот уже почти сорок лет шагаю этим путем, и он привел меня как раз туда, куда следовало. Рабочий класс принял меня как своего человека, я чувствую себя вполне на своем месте и в этом черпаю силы для жизни и работы вот уже около 30-и лет».

В результате мечта Горького о Человеке начала приобретать реальные очертания, вдохновляя на создание таких произведений, как «Песня о Буревестнике», поэма «Человек».

Как художник Горький сделал все, что мог, чтобы и в жизни и в литературе два величайших слова: «работа» и «рабочий» — засияли заново, превратились в синонимы слова «революция». Накануне и в период грозы 1905 года он слагает одну за другой героические песни о Человеке, Рабочем, Товарище. Они звучат «как радостная весть о будущем, о новой жизни». В ярком и стремительном, как молния, «Послании в пространство», написанном в самый разгар первой русской революции, писатель сам соединяет в одном ряду слова Рабочий — Герой — Человек — Товарищ, заканчивая призывом к нему бороться до конца за свою победу: «Все храмы на земле созданы твоими руками — иди дальше, чтобы создать храм истины, свободы, справедливости!

Иди, товарищ!»

Вслед за тем Горький показал миру русского революционера, с полным правом сказав о нем: «феномен, равного которому по красоте духовной, по силе любви к миру — я не знаю». Таковы прежде всего революционеры, коммунисты, нарисованные в драме «Враги», в повести «Мать». «Победим мы, рабочие!» — говорит Павел Власов, и это звучит как самая великая правда нашей эпохи. Борясь за собственное раскрепощение, они несут свободу всему человечеству. С ними в мир идет Человек с большой буквы.

Революционный народ — «юная Русь» — остается определяющей силой во всем последующем творчестве Горького, вплоть до венчающих всю его деятельность повести «Дело Артамоновых», романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина», драматургической дилогии «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие», в которых показан вызванный ростом пролетарской революции разлом старого мира изнутри.

Вместе с новым человеком — революционером, преобразователем жизни, творцом новых форм ее — в искусство приходит целый мир новых тем, конфликтов, сюжетов, образов, меняется общий тон искусства, внутренние связи, соотношения разных начал, меняются эстетические отношения искусства и действительности. В развитии мирового искусства наступает новый этап.

Леонид Андреев как-то с завистью сказал Горькому: «Счастлив ты, Алексей, черт тебя возьми! Всегда около тебя какие-то удивительно интересные люди...» Горький действительно был «счастлив на людей», встречался и подолгу беседовал с Л. Толстым, дружил с В. Короленко, с А. Чеховым, Ф. Шаляпиным, К. Станиславским, В. Стасовым, И. Репиным, знал Н. Михайловского, В. Фигнер, П. Кропоткина, Г. Плеханова, А. Бебеля, К. Либкнехта, Е. Дебса... Его «строгим учителем» и «добрым заботливым другом» был Ленин. И, кажется, не было ни одного выдающегося сподвижника Ленина, с которым писатель не был бы знаком. Он видел их «в работе», поражался их нечеловеческой выносливости, их разносторонней талантливости, чистоте свойственного им чувства классовой ненависти, целомудрия их любви к народу. Многие из них погибли в царских тюрьмах, ссылках, на каторге, другие — на фронтах гражданской войны или надорвавшись в налаживании хозяйства первого в мире государства рабочих и крестьян. И, преодолевая тяжесть утраты, Горький писал: «Что значит горе одного в сравнении с горем множества товарищей, которые видят, как редеют их ряды, как испытанные, но еще не старые, энергичные работники уходят один за другим в небытие. Но — разве в небытие? Человек умирает — дело его живет, и сам он еще живет в памяти людей, которые призваны его энергией к работе, работали с ним. И, вероятно, скоро уже кто-нибудь из новых художников слова, возбужденный тем, что сделано ушедшими от нас полулегендарными людями, создаст из них для людей будущего... удивительные образы».

Как всегда, Горький первым попытался сделать это, создав один из самых впечатляющих образов в нашей литературе — образ В. И. Ленина.

Вот перед нами самые ранние наброски к знаменитому произведению, сделанные сразу же после получения известия о кончине В. И. Ленина и первых откликов на нее. Возмущенный отношением к смерти В. И. Ленина «непогребенных трупов» — белоэмигрантов из «бездарной газетки» «Дни», из «насыщенного гнилой желчной злобой» «Руля», Горький дает им, «политическим банкротам, людям, совершенно чужим и ни на что не нужным русскому народу», сокрушительный отпор. При этом он оговаривается: «Можно бы не упоминать об этих несчастных крысах, трусливо убежавших с корабля, который они преждевременно сочли погибающим. Но Владимир Ленин был человеком великого гнева и его покой не нарушат несколько слов, сказанных по адресу людей, слишком ничтожных для того, чтоб их можно было назвать его врагами».

Уже в этих набросках Горький намечает основные черты художественного образа Ленина: «Для меня Ленин — герой легенды, Данко, Человек, который вырвал [из своей груди сердце, чтобы осветить людям дорогу из душного болота]», «Героизм Ленина был совершенно лишен внешнего блеска...» На этих доминантах он затем и воссоздал неповторимый образ Человека Человечества (в одной из редакций очерк так и озаглавлен — «Человек»), «одного из крупнейших представителей русской воли к жизни и бесстрашия русского разума», нового вождя новых масс, человека «истории, которую он воодушевил новою силою».

К этому Человеку, к мысли его, к его деятельности внимание Горького было приковано на протяжении всей жизни после Октября. Ленин как выражение интеллектуальных, нравственных, творческих сил революционной России, Коммунистической партии, российского пролетариата, русского народа, его будущего и будущего всего человечества; Ленин как символ нового мира, нового человечества, новой культуры; Ленин как знамя, осеняющее народы мира на пути к действительному освобождению, видится или угадывается во всем, о чем думает, говорит, пишет Горький. В нем он видит осуществление своей мечты о «безумстве храбрых», о Человеке с большой буквы.

Не раз возвращаясь к своим разногласиям 1917 года с В. И. Лениным, он стремился, чтобы из них был извлечен весь «поучительный смысл», и поэтому со всем бесстрашием делал такие, например, признания: «В. И. Ленин говорил мне: «Вы — анархист и романтик. Вы смотрите на мир детскими глазами»; «В тех университетах, где я учился, «маниловщину» не преподавали, но должно быть именно поэтому я все-таки вырос «мягким» человеком,— В. Ильич очень остроумно высмеивал это мое качество». И так раскрывал смысл того, что при этом имелось в виду: «В 906 г. я видел, как интеллигенция бежала и пряталась от революции, как легко и безболезненно она отрывалась от рабочих. Видеть это было весьма противно. Разумеется — тем более непростительно глуп мой «нейтралитет» 917 года». И в другом месте: «С 903 г. я считаю себя большевиком, т. е. искренним другом пролетариата и до Октября 17 г. по мере сил помогал русским рабочим всем, чем мог.

В. Ильич Ленин в Октябре смутил меня, как и многих большевиков, своей фантастической дерзостью, ибо мне показалось, что двинуть русских рабочих партийцев на передовые посты в стране крестьянской и анархизированной войною,— это значит погубить единственную подлинно революционную силу страны.

Но Ленин оказался гениальнее, чем думали о нем, его товарищи — оказались достойными сотрудниками и друзьями гения, а сознание и воля рабочего класса сильнее, чем представлял я, литератор».

Так же, как В. И. Ленину, будущее, открытое перед человечеством Октябрьской революцией, виделось Горькому совершенно конкретно. Накануне своего приезда в СССР в 1928 году он писал, что большевиками «поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чем мечтали мудрейшие и наиболее искренно человеколюбивые люди мира». Он не сомневался, что эта задача будет успешно решена. В набросках к только что цитированной статье находим следующие замечательные слова: «Осуществят ли сегодняшние большевики эти мечты? Вероятно — нет. Но за ними встанут другие люди, воспитанные ими для той же цели, люди, которые практически, на деле, а не на словах, будут продолжать все ту же великую и необходимую миру работу — устранения из жизни всего, что искажает человека».

Горький жил всеми интересами своего необычайно сложного, противоречивого, очень бурного времени. Это самым непосредственным образом сказывалось на его творчестве. Люди, стремящиеся рассматривать произведения писателя в отрыве от породившей их действительности, находят в них немало противоречий. Было время, когда многие литературные критики и ученые сосредоточивали на отыскивании таких противоречий все свое внимание. Потом наступила пора, когда о сложности творческого развития писателя почти не говорилось. Ныне, особенно за рубежами нашей страны, снова все усилия посвящаются отыскиванию всевозможных противоречий у Горького. Знакомясь с подобного рода «трудами», невольно вспоминаешь одну из заметок самого писателя: «Раз пятьдесят, а может быть двести раз меня спрашивали:

— Как же, в конце концов, вы смотрите на этот мир?

И указывали на неисчислимое количество противоречий в моих мнениях. Кое-кто находил эти противоречия даже преступными, большинство считало их результатом моего невежества, люди любезные — а также и трусливые — великодушно пытались затушевать их».

Сам писатель советовал соотносить особенности своего творчества с изумительной сложностью, противоречивостью жизни человека в XX столетии. Он видел мир в подлинных противоречиях, в многогранности. Это придавало отражению мира в творчестве Горького исключительную сложность. Об этой сложности писатель превосходно рассказал в статьях «Заметки читателя», «О том, как я учился писать», «О «маленьких» людях и о великой их работе», «С кем вы, «мастера культуры»?», «О социалистическом реализме», «О культурах», убедительно доказав, что человек честного труда «значит неизмеримо больше, чем принято думать о нем, и больше того, что он сам думает о себе». Поэтому писатели нового мира не могут не быть жизне- и человекопоклонниками, не могут не утверждать жизнь как непрерывный революционный рост человека и человечности.

В одном из первоначальных набросков к статье «Заметки читателя» Горький так отвечал тем, кто упрекал его в оптимистическом отношении к жизни, к человеку: «Самая высокая правда, которую я знаю и люблю, формулирована словами Гейне:

«Каждый человек — целый мир, под каждым гробовым камнем погребена вселенная».

Да, это — самое лучшее, что я знаю и во что я верю. Именно поэтому я нередко переоценивал того или другого. Естественно: самая лучшая женщина та, которую любишь.

М. Горький и К. Федин

И если в любви ошибаешься,— каяться в этом и бесполезно, и глупо».

В другом наброске, сделанном тоже до приезда в СССР в 1928 году, он снова подчеркивал:

«Я — человек верующий сердцем и умом в органическое тяготение людей к «хорошему». Не скрываю от себя, что почти каждый из них желает заплатить за хорошее возможно дешевле — это тоже естественно в мире, где все еще командуют торгаши. А все-таки основным стремлением каждого является стремление к лучшему,— цель, которая может быть достигнута только при условии, если все будет хорошо. Разумеется, что для этого прежде всего совершенно необходимо уничтожение классового государства».

Но именно этого убеждения родоначальнику искусства нового мира кое-кто не может простить до сих пор.

Не будем говорить об убежденных противниках социалистического реализма: они сознательно «не понимают» подлинных источников веры писателя в жизнь и человека. Есть, однако, в мире немало и честных людей, которых оптимизм Горького приводит в недоумение. В самом деле, в мировой литературе вряд ли найдется другой писатель, который видел своими глазами, сам пережил столько горя, несчастий, страданий, скорби, как Горький. Уже став всемирно знаменитым писателем, он не раз с недоумением спрашивал: почему именно к нему непрерывным потоком идут люди со своими горестями, несчастьями, исповедуются в своих грехах?

Тем значительнее тот факт, что писатель, до дна измеривший глубины человеческих падений, знавший подлинные масштабы жизненных невзгод, преследующих людей, не только сохранил веру в жизнь и человека, но и неустанно пел славу жизни и творцу ее — человеку.

«...Очень странно,— говорил Горькому еще Л. Толстой,— что вы все-таки добрый, имея право быть злым. Да, вы могли бы быть злым. Вы крепкий, это хорошо...» Именно потому, что Горький по-рабочему был крепким человеком и сумел на действительных весах жизни взвесить ее действительные радости и горести, он утверждал: «Жизнь — удовольствие», «Чело-век!.. Это звучит... гордо!»

Как любой из нас, Горький нередко ошибался в оценке того или иного отдельного человека, но он был непоколебим в самой высокой оценке человека труда, совершившего «величайшую революцию», героически строящего новый мир.

«Товарищ! — обращался к нему писатель.— Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир.

Учись и учи!»

Ему писатель и отдавал бескорыстно все свои знания, весь свой опыт, запечатленный в превосходных художественных произведениях, страстной публицистике, нескончаемых письмах.

Горький видел мир не только конкретно, но и широко. Он был убежден: этот мир наш, весь будет наш. Октябрь — лишь начало. И неустанно твердил, «что настоящий господин жизни—рабочий народ и что прошло то время, когда «каждый сверчок» должен был знать только «свой шесток». Человек должен знать все». Должен вместить в своем сердце, обнять своей мыслью весь мир, то есть жить всеми его заботами. Только в этом случае начатое им дело не превратится в его повелителя.

Именно такой смысл Горький вкладывал в понятие коллективизма, говоря, что коллективизм должен превратиться у нас «в шестое чувство». Коллективизм — это прежде всего творческое отношение человека к своей работе, умение соотнести все делаемое с общими усилиями класса, общества, создающего новый мир. «Человек должен быть выше и шире своей работы, тогда его работа будет лучше. На работу надо смотреть, как на игру оркестра музыкантов: они играют на различных инструментах, а получается превосходная музыка. Вот к такой музыкальности, к такому единодушию в труде и должен стремиться рабочий класс».

Здесь, кстати, главная причина поистине фантастической жадности к знаниям, отличавшей самого Горького. «Я чувствую себя моложе моих лет потому, что не устаю учиться»,— записывал он на склоне лет. В дошедшей до нас последней библиотеке Горького насчитывается 10 тысяч книг; на полях многих из них пометки, свидетельствующие о внимательном чтении. Для Горького познание было действительным наслаждением; мысль о том, что он мог чего-то не узнать, была для него непереносима. Сохранился очень характерный в этом отношении набросок, в котором сквозь шутку прорывается ненасытное стремление писателя знать все:

«Память работает уже с «перебоями» и все чаще вскакивают серые пузыри весьма отдаленных глупостей. Ночью сегодня вспомнил: Лаптев, здоровенный канавинский подросток и боец, спросил меня, мальчишку лет 8—10:

— А знаешь, кто был Ирмоген Кумоха, по прозванию «На Рождестве»?

Он спросил подавляюще, величественно, а я считал его дураком.

М. Горький и Л. Леонов на террасе виллы Горького в Сорренто. Снимок 1927 года.

Очень обидно было убедиться, что он знает что-то, чего я не знаю. И долго, во всех книгах, которые попадали в мои руки, я ожидал, что встречу этого Ирмогена. Так и до сего дня не знаю: кто был Ирмоген, да еще — Кумоха, да еще с прозвищем «На Рождестве»? А Лаптев-то — жив, недавно прислал мне письмо, просит помочь ему, бедствует. Он старше меня должно быть лет на 5—7. Да, жив, и, возможно, думает: знаменитый стал, а Ирмогена Кумоху — не знает».

И хотя Горький так и не узнал, кто такой Ирмоген, да еще Кумоха, да еще с прозвищем «На Рождестве», он больше, чем кто-либо другой, имел право сказать, что писатель обязан знать все или как можно больше.

Удивительна жизнь Горького, сказочен его путь на вершины мировой культуры. Вместе с тем сам писатель был глубоко прав, когда утверждал, что Октябрьская революция лишила исключительности «историю Алексея Пешкова», смысл которой «не в том, что некий Алексей Пешков, преодолев малограмотность и кое-какие внешние препятствия на своем пути, сделался известным литератором; — суть и смысл факта в том, что если человек захочет, он может сделать себя таким, каким желает быть. Вот что должна понять молодежь, и это очень важно для нее, как пример для соревнования. Однако следует помнить, что соревнование не есть подражание и что цель соревнующегося — быть не таким, каков Икс, а — лучше Икса.

Вообще случай М. Горького,— продолжал он,— уже нельзя считать исключительным случаем...

Случаи выдвижения различных талантов принимают характер явления массового, это свидетельствует о душевном здоровье рабоче-крестьянской массы, о ее воле к творчеству новых форм жизни и о том, что идея коммунизма нашла в русском трудовом народе действительно плодотворную почву, и что Октябрьская революция действительно дает выход творческим стремлениям массовой энергии».

Самому Горькому это давало дополнительные силы в колоссальной работе, которую он выполнял в последние годы своей жизни. То был один из самых трудных периодов истории человеческого развития. Капитализм все сильнее запутывался в неразрешимых противоречиях. Над миром сгущалась атмосфера ненависти. В Италии, в Германии господствовал фашизм. Социальная ложь, цинизм потоками заливали землю.

Встречаясь с писателями, учеными, журналистами многих стран, получая от них письма, Горький все острее чувствовал, как они растеряны, как им трудно жить и работать, чувствовал, что это усложняет и дело строительства социализма в нашей стране. Живя в Сорренто, он записывал: «На каждого нового человека я набрасываюсь с жадностью, которая, наверное, многими принимается как выражение «тоски по родине» и как старческая болтливость. Но — я хорошо знаю, что это не так. Нет. Меня все более одолевает и волнует жалость к человеку,— безразлично, каков он. Особенно больно жалеешь людей талантливых и честных. Невыносимо трудно им и будет все трудней. Вероятно, не было эпохи, когда бы честный человек являлся в такой ужасающей степени лишним человеком, как он является в эти дни».

Вместе с Барбюсом, Ролланом Горький развивает кипучую деятельность, стремясь объединить всех честно мыслящих людей мира в едином антифашистском движении. Он пишет сотни писем, множество статей, в которых неутомимо разъясняет «гуманитариям всех стран», что капитализм больше не нуждается в их «товаре». «Для целей капитализма гораздо более удобен фашизм — последний крик буржуазной мудрости, последний, но не новый... Фашизм — это псевдоним социального цинизма,— я имею в виду не цинизм Диогена, а настроение старого разбойника, который привык убивать, грабить...»

Известно, с какой бескомпромиссностью ставил Горький перед интеллигенцией всех стран проблему выбора: с кем вы? Конечно же, он хорошо знал, насколько сложна эта проблема, знал, что далеко не каждого, кто не понимает принципов коммунизма, можно причислить к прямым или косвенным идеологам мещанства. Воинствующий противник индивидуализма, он в то же время призывал к осторожности, когда мы сталкиваемся с такими, например, явлениями, как защита многими писателями из капиталистических стран «свободы духа», «личной независимости». «Стремление к личной независимости,— подчеркивал он,— у многих объясняется отвращением к этой грязной, бесстыдно обнаженной, болезненной жизни». Но именно поэтому он и считал, что в данном случае наш диалог с интеллигенцией капиталистических стран должен быть откровенным, ясным, принципиальным. Посылая Бела Куну свою антифашистскую статью «Пора уже понять», Горький писал: «...Мне кажется, что с интеллигенцией, наиболее радикально настроенной, следует говорить именно таким языком. Напугает или возмутит он только тех людей, которые ни в каком случае не пойдут с пролетариатом».

Сохранились заметки, которые Горький, уже зная, что умирает, делал на небольших листочках бумаги. По ночам, когда засыпали «сиделки», он брал в руки перо или карандаш и записывал фамилии, прозвища людей, когда-то встреченных на дорогах жизни, но не попавших в созданную им человеческую галерею. Записывал афоризмы, диалоги, не использованные в работе. Записывал особенно дорогие мысли, которые нужно было сообщить или еще раз напомнить людям. Чтобы закончить статью, я выбрал из них следующую: «Единственная идея, общечеловечески умная, несокрушимо выкованная всей историей, историей классовой борьбы, идея необходимости перехода власти от буржуазии к пролетариату, с каждым годом все более утверждает свою обязательность, неизбежность, несокрушимость, свою победу».

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

Сейчас вспоминая...

С помощью Горького я
поступил
на литфак МГУ.
Но вскоре заныл:
«Нет моих сил!
Студентом быть не могу!
Пухнет от книг моя голова,
наверно, читать мне вредно!»
Горький ответил на эти слова
с улыбкою чуть приметной:
«Ручаюсь, опухоль пройдет,
а знания сохранятся!
Пойми, по тем, кто идет
вперед,
другие будут равняться».
И — чтоб не сорвался с пути
к седым вершинам культуры —
велел немедленно сколотить
литгруппу из бывших «ўрок».
В эту литгруппу вошел мой
друг,
поэт Муравьев Георгий.
Поверив, что он стремится к
добру,
помог ему щедро Горький.
Помощь понадобилась вновь
Георгию этим летом.
Привратник буркнул:
«Сюда Железнов
ходит от вас полпредом».
Георгий был из ростовских
«жор».
Решил:
«Что я время трачу?
Нельзя в ворота? Так через
забор
заберусь на дачу!»
Забрался. И с Горьким
поговорил.
И закусил «мало-мало».
Сам Горький его до ворот
проводил.
Привратнику дурно стало...
При мне шла об этом в Горках
речь,
и кто-то заметил резко,
что Горький все же должен
беречь
время свое и средства,
что он-де забросил свои дела,
забыл о своем таланте.

Горький встал из-за стола
и басом сказал:
«Отстаньте!..
Когда в преферанс играем иль
в вист,
мы время и средства тратим...
А помощь людям?
Так я ж эгоист!
Мне нравится помогать им!»
Сейчас, вспоминая на склоне
лет,
с каким говорил он пылом,
мечтаю:
побольше бы на Земле
таких «эгоистов» было!

«Золото!», «Золото!», «Золото!» — панически кричат заголовки газет.

В ворота лондонского банка въезжает очередной грузовик с золотом из Соединенных Штатов.

Полиция вынуждена наводить порядок в огромной толпе, заполнившей золотой рынок Парижа.

Золотой шок

Он болен давно. И безнадежно. Поставленный в свое время диагноз оказался точен. Развитие болезни многократно это подтвердило.

Но он отчаянно цепляется за жизнь. Его главный принцип: «Чем хуже, тем лучше». Да, чем хуже другим, тем лучше для него. Пока бедствовало почти все человечество, он преуспевал, выглядел этаким бодрячком-оптимистом. Но уже и тогда смертельная болезнь медленно, но верно начала разъедать его. И не удивительно! Ведь, как мы уже сказали, он был вскормлен несправедливостью, страданиями.

Но страдающие взроптали. С годами их ропот становился громче и перерастал в борьбу. Все больше и больше людей вырывалось из удушающей атмосферы, созданной деспотом. Вырывались пока не телом, а только духом. Но каждая навсегда утраченная для него душа приближала неминуемую его кончину.

Не в силах отравить непокорных своим тлетворным дыханием, деспот делал все, чтобы уничтожить их физически. И многих уничтожал. Но в конечном итоге каждая такая победа над очередной жертвой оборачивалась для него пирровой победой. И болезнь все прогрессировала.

И пришло время, когда люди, миллионы людей, стали освобождаться от его власти не только духом, но и телом. И владения деспота, имя которому капитализм, стали стремительно сжиматься, словно шагреневая кожа.

Сейчас самое время если еще не писать некролог, то уже делать к нему наброски. В нашем случае это вполне этично: обреченный на верную смерть больной проживает в так называемом западном мире, где редакционные некрологи на всех мало-мальски заметных личностей составляются еще при их жизни.

Анамнез его длительной и тяжелой болезни хорошо известен. Сейчас следует добавить несколько слов о приступах, сотрясающих больной организм в наши дни. Их со скрупулезной точностью описывают в эти дни на тысячах тысяч газетных страниц. Именно со скрупулезной! Про обычного больного скажут: «Состояние здоровья значительно ухудшилось». А про этого уточнят: «Ухудшилось на 14,3 процента».

В данном случае речь идет лишь об одном проявлении болезни: в конце 1967 года была проведена девальвация английского фунта стерлингов на 14,3 процента от его курса по отношению к золоту и иностранным валютам. Американская газета «Нью-Йорк таймс» писала на исходе прошлого года, что девальвация фунта стерлингов «неизбежно поднимает вопрос о будущем доллара». И вот уже этот жуткий для капитализма вопрос налицо. Лавиной нарастает обмен долларов на золото. Лавиной нарастает скупка золота.

Доллар прибегает к золотым инъекциям в «международный золотой пул»: 3 декабря на сумму 475 миллионов долларов, 28 декабря — еще на 450 миллионов, 11 марта — снова на 450 миллионов долларов. Американский сенат срочно отменил существовавший уже более полувека закон о неприкосновенном золотом запасе для обеспечения доллара. А «золотая лихорадка» все равно нарастает. В ночь на 15 марта американское правительство потребовало немедленного закрытия рынка золота в Лондоне, где за один день 14 марта было куплено 200 тонн золота. Английское правительство выполнило приказ из-за океана. Вслед за этим закрыли свои двери биржи во многих других странах.

Предпринимаются поистине отчаянные попытки спасти доллар. Правительство США и финансовые власти шести западноевропейских стран: Англии, ФРГ, Италии, Швейцарии, Бельгии и Голландии—договорились не продавать больше золота из своих резервов частным покупателям. Мало этого. Отныне американское правительство будет сохранять нынешнюю цену на золото — 35 долларов за унцию — лишь в расчетах с «финансовыми властями». Таким образом создана система двух цен на золото — официальная, для расчетов между центральными банками и правительствами, и неофициальная — для рынка. Соединенные Штаты нажали на своих партнеров и вынудили правительства шести западноевропейских государств дать обещание не обменивать имеющиеся у них доллары на американское золото.

Такой нажим Соединенных Штатов, разумеется, не проходит бесследно, их партнеры протестуют, кто вполголоса, кто и погромче. Западная печать отмечает, что создавшаяся ситуация является следствием потери доверия не только к доллару, но и к политике США вообще, особенно во вьетнамском вопросе. Английская газета «Обсервер» заявила, что «Америка из-за своего собственного дефицита наводняла мир долларами» и сейчас открыто выражено недоверие к стабильности доллара.

В числе попыток спасти положение не последнее место отведено и наступлению на жизненный уровень широких трудящихся масс. Старый, испытанный прием капитала! Сам президент США призвал американцев потуже затянуть пояса. В Англии подготовлен новый государственный бюджет, который тяжелым бременем ляжет на плечи простого народа.

Невольно приходят на память события, связанные с началом кризиса 1929 года... Лондонская газета «Ивнинг стандард» пишет: «Англия и США в настоящее время полностью погрузились в пучину отчаянной финансовой битвы, чтобы спасти себя и весь западный мир от катастрофы величайшего финансового кризиса за последние сорок лет».

События развиваются точно по диагнозу, установленному еще в прошлом веке Марксом и Энгельсом.

В. НИКОЛАЕВ

ВИЛЬСОН НЕДОВОЛЕН ВИЛЬСОНОМ

Девальвация фунта стерлингов принесла с собой массу неприятностей и неожиданных последствий в первую очередь, естественно, для англичан. Пострадали и рабочие, и фермеры, и клерки, и мелкие коммерсанты, и даже... гангстеры. Да, да, гангстеры. Но расскажем все по порядку.

Прошло уже около месяца, как Чарльз Вильсон, один из участников «ограбления века» — нападения на почтовый вагон в Англии, вернулся на родину. Правда, не по своей воле — его привезли в наручниках. Недавно стали известны подробности этой вторичной поимки. Вторичной, ибо Вильсон был уже однажды схвачен, отдан под суд и приговорен к 30 годам тюремного заключения. Не просидев и десятой доли своего срока, он сбежал.

Взяться за новые поиски Вильсона было поручено опытному детективу Тому Батлеру.

В маленький канадский городок Риго Тома Батлера привела поездка одного из родственников Чарльза Вильсона. Два месяца следил за домом Вильсона Батлер, пока не удостоверился, что мужчина со светлой бородой, недавно поселившийся в Риго, и есть Вильсон. Гангстер был схвачен.

Потом они летели вместе в самолете из Монреаля в Лондон, и Чарльз Вильсон, сидя рядом с Томом Батлером, высказывал свое недовольство. Нет, не в отношении Тома Батлера: они старые знакомые. Против другого Вильсона — Гарольда, премьер-министра Великобритании.

— Подумать только,— говорил Чарльз,— ведь все свои деньги я вложил в бумаги казначейства! Я думал, что можно доверять государству. А тут девальвация. Нет, этого я никогда не прощу Вильсону. Да и вообще, кому теперь можно верить в Англии?!.

А. ИГНАТОВ

Генрих БОРОВИК,
собственный корреспондент АПН

СЕНСАЦИИ ПРЕДВЫБОРНОГО СТАРТА

Та же комната предвыборных собраний в старом здании Сената. Гранитные колонны. Старинная тяжелая люстра. Восемь лет назад сенатор Джон Ф. Кеннеди объявил здесь о своем решении участвовать в предвыборной борьбе за пост президента. О том же объявил здесь в прошлую субботу сенатор Роберт Ф. Кеннеди. Ему сейчас сорок два года — столько же, сколько было в 1960 году Джону Кеннеди.

Комната заполнена до отказа журналистами, фоторепортерами, кино- и телеоператорами, друзьями и сторонниками сенатора. По обеим сторонам трибуны сидят девять из десяти детей сенатора (отсутствует лишь младший — Дуглас Гарриман Кеннеди,— ему всего несколько месяцев) и жена Этель. Младшие строят рожицы, залезают на стулья с ногами, хлопают в ладоши, позевывают. Старшие сидят в торжественной неподвижности. Сам сенатор выглядит несколько усталым.

«Я выступаю кандидатом в президенты не для того, чтобы просто противостоять какому-нибудь лицу,— сказал Кеннеди в официальном заявлении,— но для того, чтобы предложить новую политику... Я выступаю, чтобы найти новую политику, которая закрыла бы пропасть, существующую сейчас между белыми и черными, богатыми и бедными, молодыми и старыми... Я вступаю в борьбу, так как теперь безошибочно ясно, что мы можем изменить эту катастрофическую и сеющую рознь политику, только сменив людей, которые теперь проводят ее...»

Еще в прошлом году Роберт Кеннеди заявил, что не выставит свою кандидатуру на президентских выборах 1968 года. И совсем недавно, в конце января, сказал: «Я не представляю себе условий, при которых я мог бы выступить против Линдона Джонсона». Однако последние несколько недель были неделями споров в лагере Кеннеди. Американские журналисты считают, что главными противниками участия Кеннеди в предвыборной борьбе в качестве кандидата в президенты были его брат сенатор Эдвард Кеннеди и ближайший советник покойного президента Джона Кеннеди Теодор Соренсен. Решение выставить свою кандидатуру в президенты было окончательно принято на совещании Кеннеди со своими ближайшими помощниками поздно ночью с 14 на 15 марта, то есть через два дня после первичных выборов в скромном северном штате Нью-Гэмпшир, где сенатор Юджин Маккарти, выступающий с программой деэскалации войны во Вьетнаме, получил массовую поддержку членов демократической партии и даже части (5 тысяч голосов) членов республиканской партии. В ту ночь лагерь Кеннеди принял решение («в общей форме», как пишет газета «Нью-Йорк пост») вступить в предвыборную борьбу.

Совещание закончилось в три часа ночи в квартире Роберта Кеннеди в Нью-Йорке. А в восемь утра он уже был в Вашингтоне. «Вы счастливы тем, что приняли решение?» — спросили его. «Да». «Тот парень (имеется в виду сенатор Маккарти.— Г. Б.) сделал дьявольскую штуку, а?» «Да». «Смогли бы вы решиться без него?» «Нет».

Джим Бреслин, корреспондент «Нью-Йорк пост», провел с Кеннеди некоторое время в то утро. Заговорили о войне во Вьетнаме. «Вы знаете,— сказал Кеннеди,— несколько недель назад я получил письмо от Джорджа Скейкела, двоюродного брата Этель (жены Р. Кеннеди). Он был в армии во Вьетнаме. Ему оставалось пробыть там шесть недель. Он собирался потом ехать в Японию, изучать японскую философию... На прошлой неделе его убили».

Потом речь зашла о битвах в предстоящей предвыборной кампании. «Нью-Йорк,— сказал он,— я должен получить Нью-Йорк. Это будет ужасающая кровавая баня. Но я вынужден сделать это».

Поздно вечером, накануне 16 марта, когда Р. Кеннеди должен был формально заявить о выдвижении своей кандидатуры в президенты, он связался по телефону с одним из помощников президента Джонсона и сказал о своем решении. Реакция президента стала известна утром 17 марта, во время его выступления перед конференцией бизнесменов, возглавлявшейся Генри Фордом-вторым. На трибуне президент был сдержан и медлителен. Паузы между словами и фразами, и без того обычно долгие, на этот раз были долгими до предела. Президент сказал: «Я не хочу (пауза)... рассказывать вам о всех своих чувствах сегодняшним утром (смех бизнесменов, долгая пауза)... Нынче все спекулируют. Некоторые спекулируют золотом (очень долгая пауза) — первичным металлом... А некоторые (весьма долгая пауза) спекулируют первичными выборами... (смех бизнесменов, улыбка одними губами на лице президента). Когда я узнал, что он (долгая пауза) вытолкнул Генри Форда из завтрашней «встречи с прессой» (популярная телевизионная воскресная программа.— Г. Б.), я подумал... все это слишком рано... и заходит слишком далеко» (улыбка губами, смех аудитории).

В истории Соединенных Штатов президент, желающий выставить свою кандидатуру для переизбрания, обычно автоматически выдвигался соответствующей партией. Это объясняется теми преимуществами, которые баллотирующийся президент имеет над любым другим кандидатом. Только уж очень непопулярного президента партия может заменить другой кандидатурой. Последний раз такое случилось в 1884 году, когда руководители республиканской партии сочли необходимым не выдвигать кандидатом тогдашнего президента Честера Артура. Насколько реальна для Джонсона подобная перспектива, покажет будущее.

Ричард Никсон (отличная спортивная форма, загорелое лицо, навазелиненные волосы), победитель республиканских первичных выборов в Нью-Гэмпшире, считает, что съезд демократической партии, который состоится в Чикаго 26 августа, все-таки выдвинет своим кандидатом в президенты Линдона Джонсона.

Сразу после того, как Роберт Кеннеди сделал свое официальное заявление в комнате для предвыборных собраний, лагерь Кеннеди, который «находился в состоянии готовности со дня гибели Джона Кеннеди» (так утверждает газета «Нью-Йорк пост»), начал разворачивать национальную предвыборную кампанию. В этой кампании примут участие почти все члены «клана Кеннеди», включая мать сенатора и Жаклин Кеннеди. Вдову покойного президента, находящуюся сейчас в Мексике, спросили, как она относится к решению Роберта Кеннеди. «Что бы ни сделал сенатор Кеннеди, я знаю, что это будет правильно. Я всегда буду с ним всем моим сердцем. Я всегда буду поддерживать его...» «Считает ли она результат первичных выборов в Нью-Гэмпшире поражением администрации Джонсона?» «В моей семье на такие вопросы отвечают мужчины».

Сейчас «менеджером» предвыборной кампании Роберта Кеннеди является Стивен Смит — шурин сенатора. Для штаб-квартиры сенатора в Вашингтоне подыскивается нижний этаж какого-нибудь здания. Стивен Смит считает, что для руководства предвыборной кампанией нужен именно нижний этаж — это облегчит добровольцам участие в предвыборной работе. Управлять же трехсотмиллионным капиталом семьи Кеннеди (это официальная функция Смита в «клане») Смит предпочитает с тридцатого этажа небоскреба «Пан-Америкэн».

Среди ближайших помощников сенатора Кеннеди в проведении предвыборной кампании — сенатор Эдвард Кеннеди, Теодор Соренсен, Фредерик Даттон — помощник государственного секретаря США при Джоне Кеннеди, Пьер Сэлинджер — бывший помощник президента Кеннеди по печати, Кеннет О'Доннел — бывший секретарь президента Кеннеди.

«Пройдет время, и эти двое должны будут сесть вместе, выпить и поговорить. И когда они выйдут из комнаты, оба будут улыбаться, но только один из них искренне». Эти слова сказаны корреспондентом «Нью-Йорк пост» о Роберте Кеннеди и Юджине Маккарти.

Решение Роберта Кеннеди выставить свою кандидатуру на выборах вызвало бурю негодования в лагере Джонсона и противоречивые чувства среди сторонников сенатора из Миннесоты — Юджина Маккарти, противников политики Линдона Джонсона. Аргумент: вступление в игру «Бобби» расколет лагерь демократов — противников Джонсона и тем самым усилит его позицию. Обвиняют Роберта Кеннеди и в другом — политическом оппортунизме. Аргумент: сенатор Юджин Маккарти нашел в себе мужество вступить в предвыборную борьбу против президента Джонсона, когда мало кто еще представлял себе возможность поражения Джонсона в рядах демократической партии. Сенатор Кеннеди решился выдвинуть свою кандидатуру лишь тогда, когда выборы в Нью-Гэмпшире показали эту возможность.

Между сенаторами Маккарти и Кеннеди в эти дни не было личной встречи, но косвенный диалог между ними идет непрерывно — через газеты, радио и телевидение. Вот краткие выдержки из этого вежливого, но напряженного диалога.

Кеннеди: «Я дал понять сенатору Маккарти, что выдвижение моей кандидатуры находится не в противоречии с ним, а в гармонии».

Маккарти: «Ирландец, который объявляет накануне дня святого Патрика (национальный ирландский праздник.— Г. Б.), что он хочет выступить против другого ирландца, не должен бы утверждать, что отношения между ними будут дружественными».

Кеннеди: «Сейчас очень важно, чтобы он (Маккарти.— Г. Б.) получил как можно большее число голосов на первичных выборах в Висконсине, Пенсильвании и Массачусетсе. Я решительно поддерживаю его усилия в этих штатах (Кеннеди не будет принимать участия в этих первичных выборах в качестве кандидата, его первые выборы — в штате Небраска.— Г. Б.). И я прошу всех моих друзей отдать ему свою помощь и голоса».

Маккарти: «Я принял свое решение, когда очень многие политики боялись спуститься на поле брани. Они предпочитали оставаться высоко в горах, разжигать там сигнальные костры и танцевать при лунном свете. Но никто из них не спустился. И я должен сказать вам, что в Нью-Гэмпшире было довольно одиноко».

Кеннеди: «Если бы я принял участие в первичных выборах в Нью-Гэмпшире,— независимо от того, выиграл бы я их или просто добился бы успеха,— в то время это было бы расценено как личная борьба. Каждый раз, когда в течение нескольких лет я говорил о Вьетнаме или о том, что, по моему мнению, нужно предпринять по вопросу о наших городах,— это сейчас же вставлялось в контекст личной борьбы между мной и президентом Джонсоном... Мое участие в выборах увело бы нас от тех вопросов, которые разделяют нашу страну. Я думаю, что первичные выборы в Нью-Гэмпшире установили, что раскол в стране и раскол в демократической партии существуют, что не я вызвал этот раскол, что его вызвал не кто иной, как президент Джонсон, политика, которая проводилась президентом Джонсоном. Прежде всего, я думаю, мы должны понять: чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты съездом демократической партии, требуется, я полагаю, 1 312 голосов (делегатов.— Г. Б.). Если вы выиграли все первичные выборы, это еще не значит, что вы подошли близко к 1 312 голосам, которые требуются... И не значит, что вас выдвинули кандидатом. Что действительно требуется — так это признание демократической партией и теми, кто собирается участвовать в съезде, того факта, что политика, проводимая в настоящее время Соединенными Штатами и правительством,— ошибка. Я думаю, я расширяю понимание этого. Я не думаю, что я его сужаю... Сенатор Маккарти имеет определенную силу. Полагаю, что у меня тоже есть определенная сила и вместе мы усиливаем оппозицию, которая в настоящее время существует...»

Таков — очень коротко — этот диалог, который, видимо, закончится только в Чикаго в конце августа. Вот тогда-то, по словам «Нью-Йорк пост», и состоится тот окончательный разговор между Кеннеди и Маккарти, после которого они оба, улыбаясь по-разному, выйдут из комнаты. А сейчас молодая часть избирателей, как считают американские обозреватели и свидетельствуют многочисленные опросы, разделена между своими «двумя идолами»: Кеннеди и Маккарти. Причем, как показывает изучение этого вопроса газетой «Нью-Йорк таймс», пожалуй, большая часть студенчества стоит на стороне Маккарти.

Ну, а что происходит в республиканской партии? Пока что единственный кандидат, который выступает в первичных выборах, это Ричард Никсон, получивший подавляющее большинство республиканских голосов в Нью-Гэмпшире. В эти дни в своей квартире на Пятой авеню (он занимает этаж — 13 комнат — большого кооперативного дома) он готовится к следующим первичным выборам — в штате Висконсин.

Роберт Кеннеди решился...

В том же доме, но только пятью этажами выше, живет другой возможный республиканский кандидат в президенты, губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер (он занимает два этажа этого дома и примыкающего здания). Рокфеллер пока не заявил определенно о своем решении баллотироваться в президенты, но обещал принять решение до 22 марта.

И кандидат и возможный кандидат используют два разных подъезда в доме для того, чтобы не встречаться друг с другом. Квартиры в доме, где проживают Рокфеллер и Никсон, стоят в среднем двести пятьдесят тысяч долларов, а ежегодная квартирная плата составляет двадцать пять тысяч долларов. Некоторые жильцы дома весьма недовольны шумом, который поднимают многочисленные фотокорреспонденты и телеоператоры, часто навещающие этот дом. По этому поводу уже было несколько жалоб в правление кооператива. Что касается Кеннеди, то он живет в другом кооперативном доме, около здания ООН, в шестикомнатной квартире. Некоторые жильцы здесь тоже недовольны активностью корреспондентов. Один из жильцов сказал на днях, что 20 марта состоится общее собрание членов кооператива. И тогда «пусть Кеннеди либо прекратит этот цирк, либо убирается отсюда». Свою фамилию, правда, жилец назвать отказался...

Нет никакого сомнения, что главный вопрос, который определяет ход нынешней избирательной кампании, конечно, война во Вьетнаме. Очень коротко позиция кандидатов такова.

Ю. Маккарти: «Три вопроса должны быть подняты по поводу нашего вмешательства во Вьетнаме. Первый: возможна ли победа, предполагая, что мы понимаем, что имеется в виду под словом «победа»? Второй: какова была бы цена такой победы? Третий: какую уверенность мы имеем в том, что в результате нашей победы мир или общество во Вьетнаме станут лучше? Ответы на каждый из этих вопросов должны были бы быть положительными. Но я не верю, что эти ответы положительны» (из книги Ю. Маккарти «Границы власти»).

Р. Кеннеди: «Я за деэскалацию борьбы (во Вьетнаме). Я за то, чтобы южные вьетнамцы прилагали больше усилий и меньше усилий приходилось на долю правительства Соединенных Штатов и американских солдат... Я за переговоры с Национальным фронтом освобождения... И я думаю, что мы должны ясно сказать: Национальный фронт освобождения будет участвовать в политической жизни Южного Вьетнама... Я за эту остановку (бомбардировок Северного Вьетнама.— Г. Б.)» (из выступления на пресс-конференции 16 марта).

Мистер Никсон, который обещает «прекратить войну», если будет избран, считает, что не может заранее намекнуть, как он собирается сделать это, так как это непоправимо подорвет его позиции в «торговле» (предвыборной.— Г. Б.). «Однако он уже успел закрыть достаточно много дверей, ведущих к столу переговоров. Он против перерыва в бомбардировках... Он отвергает коалиционное правительство даже на временной основе...» (газета «Нью-Йорк таймс», 16 марта 1968 г.).

«От губернатора Рокфеллера исходит только молчание по самой острой из международных проблем... Если не считать нескольких весьма общих деклараций о его склонности к «умеренным решениям» как альтернативе военным провалам, мистер Рокфеллер не сообщил стране о своих взглядах на то, что делать во Вьетнаме» (газета «Нью-Йорк таймс»).

Ну, а президент Джонсон? Куда идет он? В 1964 году избиратели, отдавая за него свои голоса, полагали, что знают направление политики. Барри Голдуотер был тогда за эскалацию и «победу». Линдон Джонсон был тогда за деэскалацию. Но прошло несколько месяцев после избрания Джонсона, и он отдал приказ о систематических бомбардировках Северного Вьетнама. 18 марта 1968 года президент Джонсон призвал США к «общенациональному усилию для победы в войне».

Этот зловещий призыв — новое подтверждение все более распространяющегося здесь мнения, что президент Джонсон в скором времени предпримет новую значительную эскалацию войны во Вьетнаме. Как утверждают, нынешняя администрация видит в эскалации и «решительных военных победах» единственный путь для сохранения президентского кресла за Линдоном Джонсоном.

Таковы некоторые штрихи только еще начинающейся в США предвыборной кампании, которая проходит, может быть, в самый критический год истории Соединенных Штатов.

В тот вечер, когда стали известны итоги первичных выборов в одном из самых консервативных штатов, Нью-Гэмпшире, я вспомнил о тех, кто уже давно будил совесть Америки. Вспоминаю молчаливых людей, стоявших по субботам с плакатами «Долой войну во Вьетнаме!» на самом шумном перекрестке Нью-Йорка. В ушах стоит похихикивание обывателей: «Вот дураки, что, им больше всех нужно? Что они изменят?» Я вспоминаю историю, рассказанную недавно Питом Сигером. Вот она. На площади поздно ночью стоял, поеживаясь от холода, одинокий человек и держал в руках антивоенный плакат. Мимо проходили люди. А один подошел и насмешливо спросил: «Ну что ты стоишь? Разве ты кого-нибудь изменишь?» И тот, с плакатом, ответил: «Я стою здесь для того, чтобы никто не изменил меня». Именно эти сильные и беспокойные люди с наивными на первый взгляд плакатами начинали. Это они добились того, что стало меньше равнодушных.

Но ох как еще много их!

Нью-Йорк, 19 марта.

ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» — ПОЛКОВОДЦЫ

Открыл встречу генерал армии М. М. Попов.

Недавно в редакции «Огонька» за «круглым столом» собрались участники исторической битвы на Курской дуге. Минуло почти четверть века со времени грандиозного контрудара наших войск, перешедших вскоре в решающее наступление по всему фронту Великой Отечественной войны. Своими воспоминаниями о легендарных днях битвы в июле — августе 1943 года поделились генерал армии М. М. Попов, генерал-лейтенант М. А. Козлов, генерал-лейтенант Д. И. Смирнов, заведующий отделом Музея Вооруженных Сил СССР полковник Н. П. Ваулин.

Свидетели и организаторы победы на Курской дуге рассказали, как бойцы и командиры, вдохновляемые победой на берегах Волги, во всеоружии встретили новое наступление немецко-фашистских войск. Именно на полях под Курском впервые появились бронированные чудовища «тигры», «пантеры» и «фердинанды», и именно здесь был переломлен хребет фашистского зверя. В честь победивших в битве на Курской дуге, освободителей Орла и Белгорода впервые салютовала Москва!

Участники «круглого стола» напомнили немало интересных эпизодов исторической битвы. Словно ожили многие страницы боевой летописи нашей страны. Время не стерло в памяти ни деталей, ни имен людей. Войска четырех фронтов — Брянского, Центрального, Воронежского и Степного — перемололи и технику и живую силу противника, задумавшего, как утверждают теперь империалистические историки, дать в центре России «последнее сражение за Германию». К обороне советские войска готовились уже весной 1943 года. Имея задачей добиться перелома в ходе затянувшейся войны, гитлеровские полководцы сосредоточили на Курском выступе отборные войска, создавая одновременно новую угрозу для Москвы.

Наше командование знало еще в апреле о замысле немцев. Как сказал на встрече генерал армии М. М. Попов, шила в мешке не утаишь! И вот летом 1943 года грянул бой. Имея все основания сразу же развернуть наступление, советское командование решило проявить выдержку, принять врага на грудь, измотать его силы в боях жесткой обороны, а затем уже мощным ударом отбросить по всему фронту и обратить в бегство. Так и было сделано.

5 августа 1943 года, летний вечер, первый салют в Москве! Это незабываемо... Незабываем и подвиг победителей! Большой разговор об исторических событиях двадцатипятилетней давности, начатый полководцами за «круглым столом» «Огонька», несомненно, продолжат наши читатели. Редакция просит ветеранов Отечественной войны, Курской битвы поделиться своими воспоминаниями. И тех, кто бил и жег «тигров» и «пантер», и тех, кто на Урале вооружал наших славных бойцов, и тех, кто шел в контратаку, кто врывался в Белгород и Орел, кто с широких полей срединной России до самого Берлина пронес знамя нашей Победы! Пишите, товарищи,— никто и ничто не должно быть забыто. Присылайте фотографии. Ваши свидетельства нужны истории, нужны новым поколениям, юным наследникам дедовской славы.

ДИССЕРТАЦИЯ ГЕРОИНИ

Однополчане поздравляют Марину Павловну Чечневу с защитой диссертации.

Фото автора.

...Маленький «У-2» поднялся к вечерним, еще неярким звездам. Его вели военный летчик Марина Чечнева и штурман эскадрильи Лариса Розанова. Несмотря на плотный зенитный огонь, «небесный тихоход» прорвался к цели, выполнил задание и с пробоинами на плоскостях улетел на свой аэродром.

...И вот более чем четверть века спустя Герой Советского Союза Марина Павловна Чечнева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тема работы: «Коммунистическая партия — вдохновитель боевого подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны».

На защиту диссертации в Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова пришли бывшие однополчане Чечневой: командир полка Е. Д. Бершанская, комиссар полка Е. Я. Рачкевич, зам. командира полка С. Т. Амосова, Герой Советского Союза Л. Н. Литвинова-Розанова, Герой Советского Союза Е. Б. Пасько и другие. В работе диссертанта говорилось и об их подвигах.

М. П. Чечнева подчеркивала, что женские авиационные полки были созданы не потому, что не хватало мужчин,— война была подлинно всенародной, и женщины не могли в ней не участвовать. Сначала предполагалось создать один женский авиационный полк, его формирование было поручено Герою Советского Союза Марине Михайловне Расковой. Но желающих было много...

И эти женские авиационные полки показали высокое боевое мастерство, в жестоких боях с фашистами покрыли себя неувядаемой славой. Отважные летчицы совершили тысячи боевых вылетов. Уничтожили на аэродромах сотни самолетов противника, множество боевой техники и укреплений врага. Советский народ высоко оценил их подвиг.

А. ГОЛИКОВ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

АВТОГРАФЫ ГОРЬКОГО ВО ФРАНЦИИ

Сейчас невозможно ответить исчерпывающе на вопрос о том, какие рукописи художественных произведений, статей и писем Горького находятся за рубежом, каково их количество... Невозможно прежде всего потому, что еще не приступлено к планомерному выявлению таких автографов, к тому же работа эта весьма трудоемка: она требует обращения в сотни заграничных государственных архивохранилищ и рукописных отделов библиотек, выяснения, в каких частных зарубежных коллекциях имеются рукописи Горького, тщательного просмотра огромного числа каталогов аукционов и антикварных фирм по продаже автографов. В нашей печати была пока сделана лишь одна попытка дать сводку сведений о местонахождении автографов писателя за пределами его родины — в моей статье «Рукописи Горького. Поиски и находки» («Литературная газета», 1967, № 16), но она касалась в основном лишь тех, что находятся в США. Все же не сомневаюсь, что количество автографов Алексея Максимовича, хранящихся за границей, доходит до четырехзначной цифры.

Во время пребывания во Франции я, естественно, искал и рукописи Горького. Трижды побывал я тогда у З. А. Пешкова, получившего от великого писателя не только фамилию, но и многократную жизненно важную помощь. Как недавно сообщалось в печати, сорок неизданных писем Алексея Максимовича к Зиновию Пешкову уже поступили в Архив А. М. Горького в Москве. О своих встречах с З. А. Пешковым я сейчас говорить не буду,— это особая тема, которой надеюсь посвятить один из дальнейших очерков.

Видел я в Париже и других людей, знававших Горького. Кое у кого сохранились его письма, у других уцелели книги с его дарственными надписями, третьи записали и даже напечатали воспоминания о нем, у нас неизвестные. О некоторых из этих обнаруженных мною во Франции материалах и фотографиях, которые удалось получить, я и расскажу.

1. БОРИС ГРИГОРЬЕВ В РАБОТЕ НАД ПОРТРЕТОМ ГОРЬКОГО

Около пятидесяти русских и иностранных художников писали и рисовали Алексея Максимовича на протяжении его жизни. Среди них было немало выдающихся мастеров. Но Горькому нравились лишь очень немногие из этих портретов. Больше всего ему были по душе два: исполненный в 1905 году в Москве Валентином Серовым и в 1926 году в Позиллипо (предместье Неаполя) Борисом Григорьевым. В Париже оказались до сих пор неизвестные в печати письма Горького к Борису Григорьеву, а также документальные материалы, относящиеся к работе художника над портретом писателя.

В этом очерке не место подробной характеристике творческого наследия большого и своеобразного мастера, каким был Борис Дмитриевич Григорьев (1886—1939). Но все же необходимо, хотя бы вкратце, рассказать о нем, так как он известен лишь узкому кругу художников и лицам, причастным к изучению русского изобразительного искусства. Несмотря на то, что талант Григорьева обогатил русскую живопись, даже в специальной нашей литературе о нем говорится мало, да к тому же противоречиво. Отчасти это объясняется тем, что в 1919 году Григорьев поселился за границей и его произведения последних двадцати лет жизни — наиболее зрелые и лучшие из созданных им — остались неизвестными на родине. Высокого мнения о творчестве художника были такие видные авторитеты, как Горький, Алексей Толстой, Репин, Александр Бенуа. Крупные же иностранные искусствоведы посвятили Григорьеву немало хвалебных статей, писали о нем книги.

Уже в молодые годы Борис Григорьев проявил себя как виртуозный рисовальщик и блестящий акварелист. К тому же у него был свой собственный «почерк», совершенно отличный от того, как писали и рисовали лучшие мастера этого столь богатого талантами поколения.

Как свидетельствует К. И. Чуковский, «искусство Бориса Григорьева всегда привлекало Репина своим артистизмом... Борис Григорьев был неутомимым рисовальщиком и никогда не расставался с альбомом. Я даже и вспомнить его не могу нерисующим». О том же пишет А. М. Комашка, ученик Репина: «Частым гостем на средах был Борис Григорьев. Он был неутомимый рисовальщик,— и этим вызывал одобрение Репина» (кстати сказать, в 1915 году великий художник исполнил превосходный карандашный портрет Григорьева).

Наиболее содержательные оценки созданного Григорьевым принадлежат, пожалуй, Александру Бенуа, внимательно следившему за творческим ростом молодого художника и посвятившему ему несколько статей. Еще в 1913 году Бенуа писал, что «Художественное бюро» Н. Е. Добычиной в Петербурге знакомит «с несколькими весьма приятными новинками. На первом месте стоят восхитительные рисунки Григорьева,— целая стена остроумных альбомных набросков животных, уличных типов, пейзажей, моделей,— все это исполненное с совершенной маэстрией и с обостренной наблюдательностью».

В появившейся в 1915 году статье превосходного искусствоведа Н. Н. Пунина, посвященной Борису Григорьеву, автор дал такие оценки художнику: «блестящий талант», «необыкновенный талант», «какой рисовальщик, какой исключительный рисовальщик!». Заканчивалась статья таким пассажем: «Только раз в жизни я позволил себе... неумеренные восторги перед рисунками Григорьева, и то только потому, что у меня не хватило иронии, поэзии или позы, не хватило мужества и дерзости пройти мимо этого подлинного искусства, и в этот единственный раз я написал эту статью».

Говоря о том, что в живописи Бориса Григорьева ощущается «чудесная плоть искусства», Алексей Толстой в очерке, посвященном художнику и напечатанном в 1922 году, восклицал: «Вот крупный талант!.. Всматриваюсь в его полотна — они цвета спелых хлебов, цвета северной зелени,— прозрачные, в них много алого, легкого, незлобивого: славянские цвета».

А когда в следующем году известный карикатурист и искусствовед Николай Радлов выпустил в Петрограде книгу «От Репина до Григорьева», то в ней о последнем было сказано: «...трудно, казалось мне, найти яркие и новые слова о таком ярком и новом явлении, как искусство Григорьева».

Увидев в 1937 году в Париже выставку произведений Григорьева, Александр Бенуа выступил с большой статьей, в которой восхищался «чудодейственной, типично григорьевской, виртуозностью». И далее: «Как не назвать чудодейственной его быструю, но схватывающую все самое типичное, манеру и его столь же меткую и острую красочность? Как не любоваться смелостью его красочных противопоставлений, в которых он всегда остается гармоничным и при всей дерзости сочетаний красивым? Час, проведенный на этой выставке, не только может заменить поездку по Бразилии, Эквадору, Перу и Чили, но и доставить массу чисто художественных радостей».

В начале 1939 года Борис Григорьев скончался. В посвященном ему некрологе Александр Бенуа утверждал, что «даже в узкоживописном смысле Григорьев неизменно за последние годы шел вперед. Он осво-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 49, 52 за 1966 год; №№ 3, 5, 6, 8, 12, 13, 31, 33, 35, 48, 49, 50 за 1967 год; № 11 за 1968 год.

Борис Григорьев. А. М. ГОРЬКИЙ. 1926.

В. Цыплаков. А. М. ГОРЬКИЙ НА ВОЛГЕ (фрагмент). 1946.

бождался от некоторой жестокости и от тех формальных условностей, которые проникли в техническую сторону его работы вследствие временных увлечений... Палитра стала богаче, но и ярче, фактура... приобрела предельную виртуозность. К удивительно блестящим достижениям принадлежат его бретонские портретообразные этюды».

Многогранный художник, Борис Григорьев прославился не только как автор превосходных «портретообразных этюдов», но и как первоклассный портретист. Одно из лучших его произведений в этой области — портрет Горького, к созданию которого Григорьев впервые собирался приступить в Петрограде в 1919 году, а затем за границей в 1924 году. 15 сентября этого года художник отправил Алексею Максимовичу, жившему тогда в Сорренто, письмо, в котором были такие строки: «Я бы приехал туда, где вы, чтобы начать большую работу около вас. Мою работу: «Максим Горький». Кончается письмо фразой: «Я ваш старый почитатель и верный друг».

Ясно, что у Бориса Григорьева зрела идея картины, центром которой должен был быть Горький. Но приступить к ее осуществлению художник смог лишь во второй половине января 1926 года. Работа продолжалась в течение всего февраля и закончилась 1 марта. Сеансы происходили в Позиллипо под Неаполем, где в то время находился Горький. На протяжении этих недель Григорьев часто писал жене, сообщая ей о том, как проходит работа над портретом, о своих беседах с Горьким. В 1951 году Д. Д. Бурлюк выбрал из этих писем некоторые отрывки, опустил даты, внес большие изменения в тексты Григорьева, дал подборке фантастический заголовок «Наброски на песке» и напечатал эту произвольную контаминацию в Нью-Йорке, в 23-м выпуске своего издания «Color and rhyme» [1]. А в письме к Горькому Бурлюк почему-то утверждал, хотя это и не соответствовало истине, что «Борис Григорьев... сам написал очень интересный очерк, воспоминание о часах, проведенных вместе с вами».

Письма Григорьева к жене с сообщениями о работе над портретом Горького сохранились и принадлежат парижскому коллекционеру С. А. Белицу; они настолько интересны, что их необходимо опубликовать целиком. Привожу некоторые выдержки из этих писем. К сожалению, в моем распоряжении только три подлинника, которыми я мог пользоваться.

Еще до начала работы над портретом Григорьев делился с женой своими планами: «Я хочу нарисовать Горького на фоне русской деревни, среди крестьян, их жен и детей, в живописных праздничных одеждах. Я взволнован и возбужден, полон энтузиазма».

Передо мной первое из писем, в котором идет речь о портретных сеансах. Оно просто помечено «средой», но письмо следует, по-видимому, датировать 20 января 1926 года. «Сюда переехал вчера вечером»,— говорится в начале; затем, восторженно описав вид, открывавшийся из окна гостиницы, Григорьев продолжал: «Горький меня очаровал, он до того прост, мил, умен, сердечен, что одно наслаждение у него проводить время! Позирует 2—2½ часа, всегда зовет чай пить, завтракать, обедать. Портрет идет хорошо и уже приводит всех в восхищение. Задумал и уже вижу сложную картину. Горький это все видит, деликатно помогает в работе советами и, видимо, очень доволен. Говорит, что вот бы эту вещь в Россию устроить, ибо там его очень хотят иметь портрет, и даже хотели кого-то посылать к нему — писать, чуть ли не Бродского... Вытащил свою новую книгу «Дело Артамоновых» (роман) и подарил мне с надписью. И все сам. У меня такое чувство, что нахожу впервые истинного друга. Все в нем мне нравится и всему верится. И так много он знает, чувствует, понимает. Как родной».

В одном из последующих писем Григорьев продолжает рассказывать жене о самих сеансах: «Сначала над портретом Горького трудно работать. Он кажется невнимательным, не проявляет нужной сосредоточенности... Позируя мне, он продолжает работать. В его кабинете и гостиной, которая одновременно служит ему и спальней, нас только двое. Он попросил всех уйти... Горький волнует мое воображение. Он прост, лишен претензий. Он удивителен, блестящ и по-человечески добр».

Сведения о сеансах имеются и в других письмах Григорьева. Вот одно из них: «Уже 16 дней он позирует мне по два, два с половиной часа в день. Он сейчас даже не читает газет. Инстинктивно, под влиянием удивительной интуиции, он создает то состояние, которое я ищу. Рисовать его — наслаждение. Портрет почти окончен. Я едва могу поверить этому».

«Четверг 18. 1926. Неаполь» — так датировал художник письмо, явно относящееся к февралю. «Тебе не писал два дня, ибо не было минутки времени. Заработался и целыми днями у Горького от 11 утра до 1 часа ночи... А. М. всегда с серьезным видом подходит ко мне в уголок, где я пишу фоны... Сегодня он вдруг сказал: «Я много читал о вас хорошего, но знаете, вот я бы написал о вас... Вчера всю ночь думал о вас. Узнал вас, и это хорошо, что вы этак как-то к о с о на все глядите [2]. Вот узнал и еще больше понравились. Я напишу, а вы там куда хотите и помещайте, хорошо бы в вашу книгу «Visages du Monde» [3]. Он угощает меня..., водит в синема и даже в «Cafè Rouge» — дансинг. Говорит, как с братом, всю жизнь рассказал мне, я очарован им. А портрет хочет непременно устроить в России».

Далее художник пишет о портрете Горького: «Вещь такая, что все ахают, а он сам в восторге. Вещь большая, пошире, почти квадратная... Сходство полное, но есть еще такое, что и его и всех поражает. Изобразил я так: он идет полем, вдали крыши, церквушка, а за ним — толпа его героев... Он отмахивается... правой рукой, подняв ее высоко, ладошкой к зрителю, другая рука его с миром говорит, почти до колен взят в натуральную величину. На лице столько всего, что мне тут говорят, что «только я один и мог понять Горького», что «это лучший его портрет». Я сам вижу, что это и лучшая моя вещь. Ведь я три года ношу его в сердце, а задумал Горького еще в 1919 году. Эта вещь и дружба сильная, крепкая с Горьким меня двинут так, как этого никто не думает... Какое счастье, что на Всемирной в Венеции он будет выставлен. Меня в Италии все знают сейчас... Без отдыха работаю и выставляю. Горький получил из Праги письмо, его просят мне сказать, что моя там выставка налаживается. А там музей и энтузиазм к русскому, в частности, ко мне. Пишу десятки писем в разные страны, работаю не покладая рук, завтра Горький получит от меня подарок... хороший рисунок. Какое счастье, что я сюда забрался! Я не замечаю природы Италии, у меня нет времени. Я сейчас как никогда — русский... Как с ним легко и хорошо! Как много я получил от него!»

Вновь возвращаясь к «сюжету» портрета, Григорьев писал жене и такое: «За Горьким толпа героев его книг. Его лицо светится. Он как будто бы прислушивается к пению голосов в воздухе. А его глаза!»

Сутки спустя Григорьев отправляет жене новое письмо: «Сегодня — 27 дней нашей непрерывной работы. Она завершена. И я чувствую себя снова живым, пробудившимся к жизни... Все это время я жил для Горького и воспринимал окружающее через него».

И уже совсем обессиленный ко времени завершения картины, художник признавался: «Моя работа над портретом исчерпала всю мою энергию. Для меня просто говорить, и то сейчас затруднительно. Я похудел, ослаб. Я сейчас поправляю свет, воздух в картине, пытаюсь еще больше подчеркнуть огромную духовную глубину Горького».

Трогательны строки григорьевских писем, посвященные Горькому-человеку: «С ним жизнь — источник постоянной радости, вдохновения»; «В моих глазах Горький — самое удивительное человеческое существо»; «Он обладает неистощимым запасом знаний. Это человек исключительного интеллекта»; «Горький похож на ребенка. Я в этом абсолютно убежден. Это — редчайшая душа удивительной чистоты. Душа, которую можно встретить один раз в течение всей жизни».

Любопытно письмо, на котором Григорьев поставил: «Март. Понедельник. 1926»; хотя число не указано, его можно определить: 1 марта. В этом письме есть такие строки: «Сегодня у меня великий праздник. Я подписал Горького и закончил вещь, о которой мечтал семь лет. Вещь поразительная — это все в один голос говорят. Сам Горький говорит, что он «впервые себя чувствует на портрете, что эта вещь лучше всех других с него сделанных!» ...П. М. Керженцев [4] был, просил фотографию, ее просят изо всех концов мира. Ищу хорошего фотографа».

Существует и ряд других косвенных и прямых свидетельств того, как высоко оценивал Горький это произведение художника.

В письме к жене от начала марта Григорьев сообщал: «Сделали фотографию портрета, а мы с Горьким по обеим его сторонам. Я уже пять недель в Неаполе. Это были пять недель непрерывной работы, ничего, кроме работы». С. А. Белицу принадлежал, а в недавние годы был подарен им Музею А. М. Горького в Москве, экземпляр этой фотографии с автографом писателя: «Борису Григорьеву преклоняясь пред его талантом. М. Г о р ь к и й. Napoli. 10. III. 26». А до этого писатель подарил художнику одну из своих книг, снабдив ее надписью: «С большой симпатией — человеку, с великим восхищением — таланту».

Интересны упоминания об этом портрете в письмах Горького. 23 февраля 1926 года он извещает Е. П. Пешкову: «Борис Григорьев отлично написал мой портрет». На следующий день Горький сообщает Д. А. Лутохину, экономисту и литературному критику, жившему тогда в Праге: «Вам кланяется Борис Григорьев, отлично написавший мой портрет. Сейчас он хочет писать портрет снохи моей. Проживет здесь до апреля» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького). А 25 февраля 1926 года Горький делится с В. М. Ходасевич своими впечатлениями о работе художника и о нем самом: «Борис Григорьев отлично написал мой портрет в окружении отвратительных рыжих морд из «На дне». Оный Григорьев, хотя и не Аполлон и стихов не сочиняет, критических статей не пишет, но — талантлив удивительно. Голова же у него путаная. Но это — ничего». Еще в одном из писем Горького к Д. А. Лутохину — от 15 марта 1926 года — снова говорится о художнике: «Б. Григорьев, превосходно написав мой портрет... поехал в Рим... Талантливейший он человек и, пожалуй, был бы гениален, если б не «мудрствовал лукаво» и не играл сам собою... Но, несмотря на все это,— хороший парень, а главное — талантлив!» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького).

Горький был дружен с пианистом И. А. Добровейном — тем самым, что 20 октября 1920 года исполнил по просьбе В. И. Ленина, пришедшего в этот день навестить Алексея Максимовича, бетховенскую «Аппассионату». 3 апреля 1926 года, приглашая Добровейна к себе, Горький извещал его: «Был здесь Борис Григорьев, отлично написал мой портрет... Талантлив — на троих... Б. Григорьев хочет на лето приехать в Сорренто. А вы — не передумали? Приезжайте!» (письмо не издано; автограф хранится у М. А. Добровейн, вдовы пианиста, Осло).

Рассказывая, что в его доме все занимаются изобразительным искусством, Горький в шутливой форме писал К. И. Чуковскому 2 ноября того же года: «Да, я уже дедушка, внуку мою зовут Марфа, и, кажется, она будет комической актрисой. А может быть,— художницей, эдак вроде Виже Лебрен, ибо уже и сейчас заинтересована живописью, любит тыкать пальцами в картины и рассказывать о них на неизвестном языке весьма забавные истории. Картины пишут ее родители, сын Шаляпина Борис, сын Бенуа и Соловей Ракитский, и еще многие, в том числе Борис Григорьев, который, написав портрет Горького, придал рукам его какое-то масонское положение и еще раз — в свою очередь — прославил писателя; и теперь здесь говорят: «А Г[орький]-то масон, видите?»

Сохранился ответ К. И. Чуковского, датированный 14 декабря 1926 года: «Мне этот «масонский» портрет очень нравится. И очень мне нравится тот снимок..., где вы, задрав кверху веселую голову, братае-

[1] Цвет и рифма (англ.).
[2] Объяснение этих слов Горького имеется в публикуемых ниже письмах его к художнику.
[3] Лики мира (франц.).
[4] Советский посол в Италии.

А. М. Горький и Б. Д. Григорьев у портрета писателя, исполненного художником. Италия. 1926 год.

Внизу надпись: «Борису Григорьеву преклоняясь пред его талантом. М. Горький. Napoli. 10. III. 26.»

тесь с Борисом Григорьевым. Очень бы любопытно взглянуть на этого маэстро теперь. Я знал его в древнее время, тогда он восхищал меня своей «сумасшединкой», писанием стихов... Его рисунки и портреты я люблю до сих пор до волнения. Как-то привился он в Европе? Должно быть, его влияние очень большое, потому что я получил из Америки негритянский журнал, и там рисунки какого-то негра явно слизаны с Бориса Григорьева» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького).

Друзьям, жившим в Советском Союзе, Григорьев говорил о своей работе с чувством большого удовлетворения. Так, он уведомлял 17 сентября 1926 года поэта В. В. Каменского: «Я Максима Горького написал, а он мне так сказал: «Впервые чувствую себя на холсте» — и еще: «Учиться будут, да, талантище»... Шлю тебе обложку немецкого лучшего журнала (расходится 2.000.000 экземпляров) с Горьковским изображением» (письмо не издано; хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР).

После завершения портрета дружеские отношения Горького с Григорьевым не прерывались, и они стали переписываться. Среди сохранившихся в бумагах Алексея Максимовича писем художника есть три, которые были отправлены вскоре после его отъезда из Позиллипо. В датированном 13 марта 1926 года Григорьев писал из Рима: «...После вас не хочется ни с кем сближаться; хочется поносить в себе то ценное, что вошло в душу от сближения с вами... Я очень, очень к вам привязался, сердечное спасибо за многое, что вы мне дали за эти светлые пять недель на вилле Галотти». А через пять дней — 18 марта — художник отправил из Венеции новое письмо Горькому, где были такие слова: «Как я рад, что узнал вас лично, теплее стало жить. Гораздо легче. Надеюсь скоро вновь увидеть вас. Но думаю о вас всегда». Касаясь доброты Горького, Григорьев писал ему 21 марта 1926 года, что она его «ушибла, как ушибает всегда гениальное произведение. Вы гениальны не только в произведениях ваших, но и в жизни».

Благодаря любезности С. А. Белица, которому принадлежат не изданные до сих пор письма Горького к художнику, я получил возможность опубликовать три письма. Вот первое, написанное в той же излюбленной писателем шутливой форме, к которой он часто прибегал в переписке с друзьями:

Сиятельнейший Граф!

О том, что я получил ваши книги и рисунки, вы были своевременно извещены мною, доказательством тому служит ваше письмо — ответ на мое, в котором я спрашивал: сколько времени могу я держать у себя книги ваши?

Неопределенное время, ответили вы. А теперь вот пиявите меня. За что?

В том же письме вы сообщили, что тема усатой души прельщает вас, а ныне — увы! — уже «прошло с вами». Не надежный вы человек!

Разрешите проклясть вас: вы убили светлейшую надежду жизни моей. Мне так хотелось видеть себя написанным во образе херувима: головка и крылышки, а больше ничего — и сидеть — не на чем. Обманщик вы.

Письмо ваше мне не понравилось. Чего вы все кукситесь, поэт? Мир не хорош? Создайте свой, хороший. Создайте и — хохочите от гордости, от радости, оттого что ваш мир ничем не похож на все другие.

Нет, серьезно, вам пора научиться жить веселее, легче. Чего вам надо? Талант есть, большой. Ну и радуйтесь. А философию оставьте сих дел мастерам. Я, вот, скоро помру не дописав романа, а — живу смешно, чего и всем желаю.

Мои не могут поклониться вам, ибо они — в Риме.

Я — сердечно приветствую.

Здесь тихо, работается хорошо. Скоро приедет Добровейн.

Жму руку. Пишите.

А. Пешков.

13. V. 26.
Sorrento

Спустя пять лет — в марте 1931 года — Борис Григорьев отправил Горькому письмо. О его содержании дает представление ответ Горького:

Дорогой Борис Григорьев —

буду очень благодарен вам, если вы пришлете фотографию с «920—931», — меня весьма интересует ваше своеобразное творчество. Относительно покупки портрета буду говорить в Москве с разными учреждениями.

Если пришлете рисунки, акварели, бабушку — тоже хорошо будет, — я отдам все это в музей моего имени.

А русский народ вы зря ругаете, о народе не судят по интеллигентам и по художественным критикам. Не забудьте, что вы тоже русский.

И вообще — пишите картины, а ругаться буду я, ибо я лучше вас знаю, кого надобно ругать.

Жму вашу лапу, испачканную красками. Привет.
А. Пешков.

27. III. 31

Сегодня мне стукнуло 63! Здорово? Жить мне осталось еще 16 лет. Трудно, дядя!

Григорьев, находившийся в ту пору во Франции, получив это письмо, отправил Горькому в начале апреля ответ, одновременно с фотографией картины и рисунками. Он писал:

Дорогой Алексей Максимович,

Как я вам благодарен за обещание поговорить в Москве с земляками относительно продажи вашего портрета. Я все время берегу эту вещь именно для русского народа. Вы угадали, я не люблю именно интеллигенцию и критиков русских и судить весь народ по этим немногим людям, конечно, не думаю. Более всего огорчили меня эмигранты, т. е. все те же люди, кто меня давил и травил еще в России. И из Академии изгнали они же. От них я и бежал сюда в угол, где, поверьте мне, абсолютно один живу, с моей тоской по России.

Если пригласят земляки — приеду, но без дела не приеду; или как портретист-психолог, или как профессор Академии художеств. Вот, повлияйте. Вы сами сказали однажды: «Вот бы я мог о вас написать, думаю, что хорошо бы написал». Этих слов я не забыл и жду от вас вашего обещания написать. На этих днях я вам пошлю большую фотографию с моей работы «1920—1931» с объяснениями, жду из Парижа. В газетах было о том, что я Сталина написал в этой вещи, — все это ерунда. Центральная фигура не Сталин, а вообще революционер. Но там есть фигуры: Брешковской, митрополита Платона, епископа Wedgwood, Мейерхольд etc... Но на первом плане бретонцы — народ.

Пока посылаю вам два листа с раскрашенными рисунками, сделанными под впечатлением вашего «Детства». Если вам покажется ваша бабушка и вы сами неказистыми, то ведь я иначе не умею, что мне кажется правдою, то и есть правда, я в это верю очень и никого не слушаюсь, не подсахариваю и не льщу — в этом весь я. В будущем я присылать вам стану еще и еще, потому что всегда о вас думаю и всегда рисую для вас.

В Аргентине я поймал ужасную болезнь, она бросилась позднее в Уругвае мне на глаза, и вот я очень страдаю, время от времени боюсь ослепнуть.

Душевно же я изнемогаю, горжусь же некоторыми работами и дружбой с вами, дорогой Алексей Максимович, надеюсь, что через вас протяну трудное мое существование и увижу Россию, Родину. Людям про все это не скажешь, ну а вы сверхчеловек, знаю я вас, изучил с любовью и с кистями в руке, верю вам и в вас, как в единственного настоящего и большого человека.

Вам 63 года, а мне 44 и я раньше вас уйду, нет сил больше, и то, что я узнал [т. е. пережил], это так печально и так много для меня — все.

Душевно ваш Борис (Дмитриевич) Григорьев.

К этому письму Григорьев приложил отдельный листок, заполненный им «на другой день», в котором сообщал, что картина «1920—1931» создавалась «целых десять лет» и ее размер пять на два с половиной метра. Далее он писал: «Вещь вся — революционная. Вот бы такую вещь показать нашим рабочим в Москве — они бы ее сразу поняли. Эмигранты эту вещь возненавидели, мне все труднее среди них». (Нынешнее местонахождение этой монументальной картины неизвестно.)

Ответ Алексея Максимовича на только что приведенное письмо не заставил себя долго ждать. Вот его текст:

Дорогой Григорьев —
получил фотографию и рисунки, очень благодарю вас!

Странно, что вы, человек физически здоровый, видите мир в формах не очень лестных для него и что красота и величие мира как будто недоступны вашей кисти. Мне кажется, что большой талант ваш должен бы воздать жизни хвалу за то, что он создан ею.

Ваше озлобление на эмигрантов очень понятно мне, но ведь не все люди эмигрировали из той области, где искренно и мощно создаются новые условия жизни. В Европе, как и в Союзе Советов, тоже есть немало прекрасных людей. Почему бы вам не поискать их? Найдите и перестаньте чувствовать себя таким одиноким.

На днях еду в Москву и там буду говорить о вас. Адреса своего — не знаю, но наша почта действует отлично и, если вы захотите писать, пишите просто: Москва, М. Горькому.

Крепко жму вашу руку.

А. Пешков.

8. IV. 31.

Лишь несколько строк из этого письма процитировал известный режиссер Н. Н. Евреинов в своей статье о Борисе Григорьеве, напечатанной в 1957 году в Париже.

Уцелело еще три письма Горького к Григорьеву, но они пока недоступны для публикации.

В Архиве А. М. Горького имеется двадцать четыре письма Григорьева к Алексею Максимовичу. В вышедшем в 1964 году сборнике «Горький и художники», подготовленном И. А. Бродским, приведено по нескольку строк из шести писем. Выше впервые опубликовано полностью интересное письмо Григорьева, отправленное им Горькому в начале апреля 1931 года. Привожу целиком и последнее из сохранившихся писем художника.

23 января 1935. Нью-Йорк.

Дорогой Алексей Максимович и «ваше преподобие», неужто можно забыть Неаполь, Posillipo, нашу совместную работу и ваш замечательный, знаменитый теперь портрет, который я не продаю никому и берегу, когда вернусь домой.

Я не забываю друзей и всегда буду считать, что мы с вами неразрывны. Жалею, что давно от вас не имею писем; просто не верю, чтобы на меня можно было бы чихнуть, как на прочих. Много у меня ваших книг, надписанных вами, как человеку и художнику необыкновенному; много и я написал о вас хорошего в мировых газетах; а портрет мой? Ведь это уже близко к вечности?

Хочу получить от вас письмо; хочу, чтобы вы сделали что-нибудь для моего брата-труженика, брата старшего Дмитрия; у него большая семья и ему трудно. Той самой гениальной рукой, которою вы на моем портрете пророчествуете на благо народов — сделайте помощь моему брату, всегда живущему дома.

Читал «Жизнь Клима Самгина», вещь, которую вы писали при мне и которая должна была называться «40 лет» — гениальное произведение, слышу ваш голос; слышу и музыку на трубе милого вашего Макса, который ушел от нас так рано. Я ничего не забыл из тех дней, когда мы были вместе: когда у меня не было даже времени, чтобы уйти от вас к себе, за письмами от жены.

Я ничего за себя не прошу, но вы, дорогой Алексей Максимович, знаете, как я тоскую и как одинок здесь с моим искусством, которое не может нравиться буржуям.

Вспомните же Бориса Григорьева.

Письмо это свидетельствует не только о душевном, беспредельно-восторженном отношении Григорьева к Горькому,— в письме знаменательны слова о том, что, создавая портрет, художник, в частности, задался целью показать великого писателя как учителя жизни.

Удалось ли это Борису Григорьеву? В какой-то степени — да. Прежде всего он почти единственный художник из тех, кому позировал Горький, создавший портрет-картину. Григорьеву хотелось изобразить писателя в окружении созданных им литературных персонажей, тесно связанного с родной землей. Превосходно передан жест Горького — беседуя, Алексей Максимович неизменно «говорил» и руками, как бы помогая себе жестами. Из всех художников, писавших его до Бориса Григорьева, один только Валентин Серов счел нужным зафиксировать выразительный жест молодого Горького в момент взволнованной речи. Нет сомнений, что задолго до начала работы над портретом писателя Григорьев хорошо изучил серовского Горького,— косвенное влияние этого полотна на григорьевскую трактовку изображения писателя вполне вероятно. И это, конечно, самым положительным образом отразилось на замысле Григорьева, создавшего многоплановую вещь, в которой сведены в единое целое Горький — учитель жизни и герои его произведений на фоне родного русского пейзажа.

Что же касается сходства, то все близко знавшие Горького в те годы утверждают, что Григорьев достиг его в полной мере, в частности удачно передано выражение глаз. Наконец, это произведение незаурядно и по достоинствам чисто живописным: сложный, декоративный расчет мастера не заглушил главного — фигуры Горького, как бы рельефно доминирующей в картине.

Григорьевский портрет писателя был показан в том же 1926 году на трех выставках — Международной в Венеции, персональной в Праге и в галерее Жана Шарпантье в Париже. Везде он пользовался большим успехом. Берлинский журнал «Illustrierte Zeitung» поместил на обложке весной того же года воспроизведение портрета с подписью: «Интересный новый портрет русского писателя Максима Горького кисти Бориса Григорьева с Международной художественной выставки 1926 года в Венеции».

Высокую оценку получил этот портрет и в печати. Так, в мае того же года одна из парижских газет напечатала интервью, озаглавленное «У Бориса Григорьева», в первых строках которого было сказано, что художник «весь еще полон живых впечатлений от своей поездки в Италию — в частности, от встречи с Горьким, которого писал ежедневно в течение трех недель». Разбирая же портрет, журналист утверждал: «Художник говорит о России — и я не могу оторваться мысленно от воспроизведенного им русского мира, чудесного раздолья, разгадывая дали того живописного фона, на котором поставлен Горький на портрете Григорьева». Завершалось интервью словами: «...вы все еще в полной власти чар этого портрета» — и признанием: «...портрет Горького, новая русская картина Григорьева, притягивает вас к себе».

В том же интервью журналист сообщал следующее об истоках русской темы в творчестве художника: «Когда-то встреча Бориса Григорьева здесь в Париже с Художественным театром — Станиславским, Качаловым, Лужским, Бакшеевым, Вишневским, Книппер и другими — подсказала ему эту неизбежную для него тему о России, через видения Достоевского, А. Н. Толстого и Горького, тогда он написал свою изумительную галерею «ликов» России. Теперь встреча в Неаполе с Горьким также повелительно подсказала ему поставить рядом с этим тревожащим миром теней и того, кто запечатлел их словесно, отчасти самого творца их — Горького».

В дополнение к этим строкам следует сказать, что во время гастролей МХАТа в 1923 году в Париже Григорьев исполнил большую серию превосходных портретов артистов этого театра в ролях. Из исполнителей спектакля «На дне» художником запечатлены: Станиславский — Сатин, Качалов — Барон, Книппер-Чехова — Настя, Александров — Актер, Лужский — Бубнов, Вишневский — Татарин, Бакшеев — Васька Пепел. Портреты Москвина и Качалова были сделаны в роли царя Федора Иоанновича; Лужского, Вишневского и Бакшеева — в том же спектакле в ролях Ивана Шуйского, Бориса Годунова и Луп-Клешнина; Подгорный был изображен в роли Трофимова из «Вишневого сада»; Москвин, Коренева и Добронравов — в ролях Снегирева, Лизы и Алеши в «Братьях Карамазовых». Все эти портреты воспроизведены в великолепных цветных и одноцветных репродукциях, которые вошли в выпущенное в 1923 году в Париже на французском языке и в 1924 году в Лондоне на английском языке роскошное издание, посвященное Борису Григорьеву, со статьями видного театрального деятеля Андре Антуана, скульптора Клер Шеридан, искусствоведов Луи Рео и Андрея Левинсона (в английском издании имеется и пятая статья, принадлежащая перу известного писателя Клода Фаррера).

В Музее МХАТа хранится французский вариант этой книги, куда Борис Григорьев вклеил свою превосходную акварель, а на форзаце сделал такую надпись: «Дорогому Московскому Художественному театру ко дню Его двадцатипятилетнего юбилея приношу лики сии любимые и родные, так любовно изданные нашими милыми друзьями Л. Г. и А. Ю. Добрыми. Париж. Boris Grigorieff».

Стоит сказать о том, что Горького влекла к себе необыкновенная обаятельность художника. Все знавшие Григорьева писали о его полном очарования облике и удивительной приветливости. Но ярче всех, пожалуй, сказал об этом Александр Бенуа, отмечая в 1940 году первую годовщину со дня смерти художника. Называя его лицо «столь странным и пленительным», Бенуа далее писал: «О, это лицо Григорьева! Сколько было в нем внутренней неусыпной встревоженности, и в то же время сколько детскости, и нежного напряженного внимания... Какое это было красивое в своей одухотворенности лицо... Как бы я хотел снова его увидеть перед собой и испытать на себе ту силу, которая излучалась им, даже испытать то легкое «мучение», которое всегда мне доставляло общение с Григорьевым,— ведь почему-то даже я, сердечно его любивший и пользовавшийся его сердечной симпатией, чуть-чуть «побаивался» этого очаровательного, но и несуразного человека, в котором преданность искусству доходила до фанатического, обжигающего пламенения». Все эти качества Бориса Григорьева пленили, конечно, и Горького.

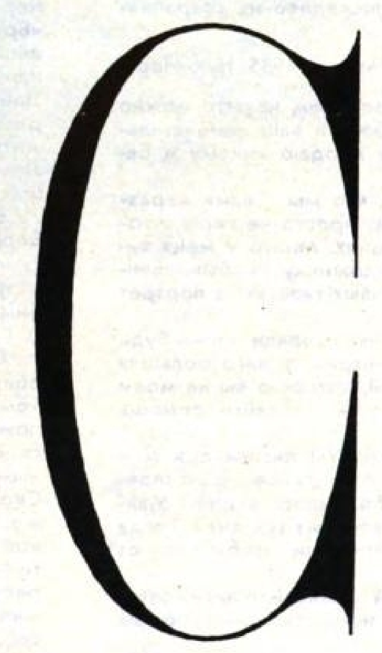
В заключение следует сказать, что одновременно с изображением Горького художник исполнил и портрет снохи писателя — Надежды Алексеевны Пешковой с ее дочкой Марфой. Сам Григорьев сообщил об этой своей работе жене 1 марта 1926 года из Позилиппо: «Я еще пишу одну мадонну, такую нежную — будет вещь замечательная. Италия меня приблизила к Беллини, лучшему художнику из художников». Портрет этот Горький высоко ценил. Так, он извещал Д. А. Лутохина, что художник «совершенно изумительно сделал Мадонну из моей миленькой снохи». А сравнивая этот портрет со своим изображением, писал Добровейну, что Григорьев сделал «...с Тимоши иконописную мадонну, еще лучше». Нынешнее местонахождение этого полотна неизвестно.

Что же касается написанного Борисом Григорьевым портрета Горького, то мечта художника сбылась: теперь это произведение находится на родине Горького и Григорьева. На протяжении многих лет оно хранилось в коллекции нью-йоркского юриста Абрахама Померанца. В июле 1962 года его дочь Шарлотта Померанц привезла портрет великого писателя в Москву и от имени отца передала его в дар Музею А. М. Горького.

Всего пятьдесят два года прожил на свете замечательный русский художник Борис Григорьев. Когда читаешь его письма, в которых он, несмотря на значительный успех за рубежом, жалуется на одиночество и тоску по родине, охватывает чувство глубокого волнения. Уже в первом письме Григорьева к Горькому из Франции, датированном 15 сентября 1924 года, имеются такие строки: «Для нас, художников... Россия — чудо, Россия — мать!» И рядом фраза: «Одиночество мое почти невыносимо». А в его письме, отправленном несколько месяцев спустя другому корреспонденту, подлинный крик души: «Я русский, русский и люблю только Россию». Так и не увидел больше своей родины Борис Григорьев, родины, так горячо им любимой.

Окончание следует.

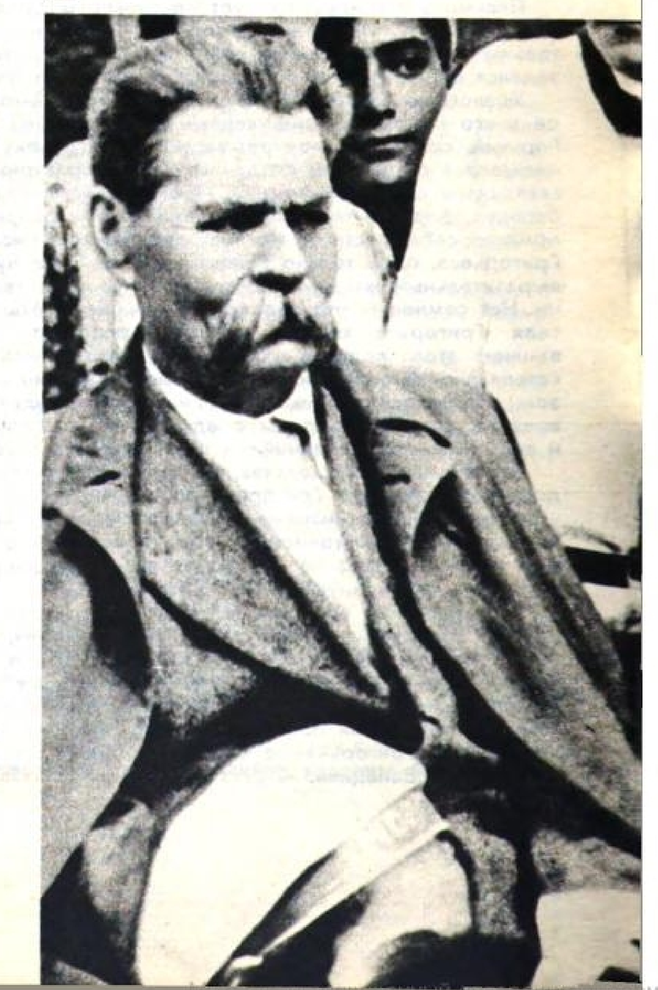
1



ТРАНИ

3

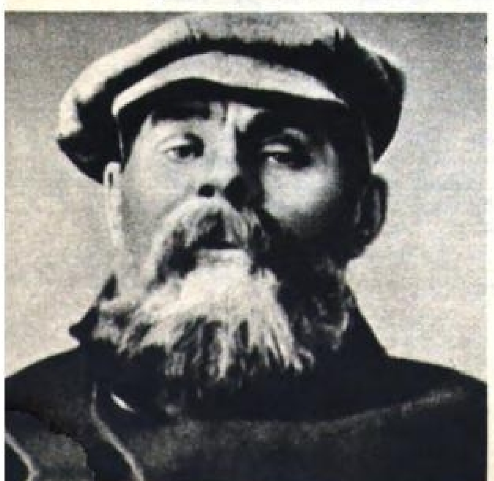
4



1 А. М. Горький и Е. П. Пешкова с детьми Максимом и Катей. Н. Новгород. Весна 1903 г. Фото М. П. Дмитриева.

В 1896 г. А. М. Горький женился на Екатерине Павловне Волжиной, корректоре «Самарской газеты». В 1897 г. родился у них сын Максим, а в 1901 г.— дочь Катя. В письме к другу Алексей Максимович так рассказывает о детях: «Девочка здорова и очень курьезна, некрасивая, неуклюжая, говорит солидно и учит меня по-немецки, если же я вру,— треплет за ухо. Максим все такой же. Для первого дебюта здесь он залез на столб у ворот и произнес прохожим какую-то речь, вызвавшую у них довольно веселое настроение».

2



2 А. М. Горький загримированный. Москва, Машков переулок, д. 1-а, кв. 16. 1928 г. Фото М. А. Пешкова.

«...Ходил я по улицам загримированный, с бородою... Это единственный способ что-нибудь увидеть, не будучи окруженным зрителями. Видел много интересного и, наверное, не раз повторю этот прием наблюдения, ничем не стесняемого»,— писал Алексей Максимович 26 июня 1928 г. Максим сфотографировал отца в то время, когда он собирался выйти на улицу.

3 А. М. Горький, В. В. Стасов, И. Е. Репин. Куоккала. 18 августа 1904 г.

Первый живописный портрет А. М. Горького был написан в 1899 г. И. Е. Репиным. С этого времени начинаются их дружеские отношения. Горький много раз приезжал к художнику на дачу «Пенаты» (Куоккала). Там он и познакомился 18 августа 1904 г. с критиком В. В. Стасовым. «...Еще недавно я мало знал сочинения Горького...— писал Владимир Васильевич дочери.— Но теперь для меня все переменилось. Я его всего прочел и лично с ним познакомился и теперь считаю его великим писателем...; считаю его вместе с тем чудным человеком, одним из умнейших и глубочайших людей России, одним из крупнейших и оригинальнейших наших талантов...»

4 А. М. Горький и Р. Роллан с пионерами Армении. Горки. 1935 г.

Переписка А. М. Горького с Р. Ролланом началась в 1916 г. и продолжалась до смерти Горького. Встретились они только один раз — в 1935 г., когда Роллан приехал в нашу страну. Он был гостем Горького. Жили они на даче в Горках. Туда приезжали писатели и критики, композиторы и кинематографисты, художники-палешане и воспитанники Болшевской трудовой коммуны, пионеры и парашютистки. Вернувшись домой, Р. Роллан писал: «Месяц, проведенный мною в СССР, был полон для меня великих уроков, богатых и плодотворных впечатлений и сердечных воспоминаний: главным из них являются три недели общения с моим дорогим другом Максимом Горьким».

5 Л. Н. Толстой и А. М. Горький. Ясная поляна. 1900 г. Фото С. А. Толстой.

Они познакомились в Москве в хамовническом доме Толстого 13 января 1900 г. Когда 8 октября того же года Горький приехал в Ясную Поляну, жена Льва Николаевича Софья Андреевна сфотографировала обоих писателей. Алексей Максимович писал: «...видеть себя на карточке рядом со Львом русской литературы — мне невыразимо радостно. Горжусь этим — ужасно!»

6 А. М. Горький и М. А. Пешков. Париж. 1912 г.

А. М. Горький очень любил Максима и много внимания уделял его воспитанию. Всегда следил за чтением сына, выписывал ему книги, советовал больше читать Короленко, Аксакова, Л. Толстого, Тургенева, старался пробудить интерес к естественным наукам, всячески поддерживал стремление к коллекционированию. Максим умер в 1934 г. от воспаления легких. Тогда же в письме к Р. Роллану Горький писал: «Он был даровит. Обладал своеобразным, типа Иеронима Босха, талантом художника, тяготел к технике, к его суждениям прислушивались специалисты, изобретатели. У него было развито чувство юмора и хорошее чутье критика».

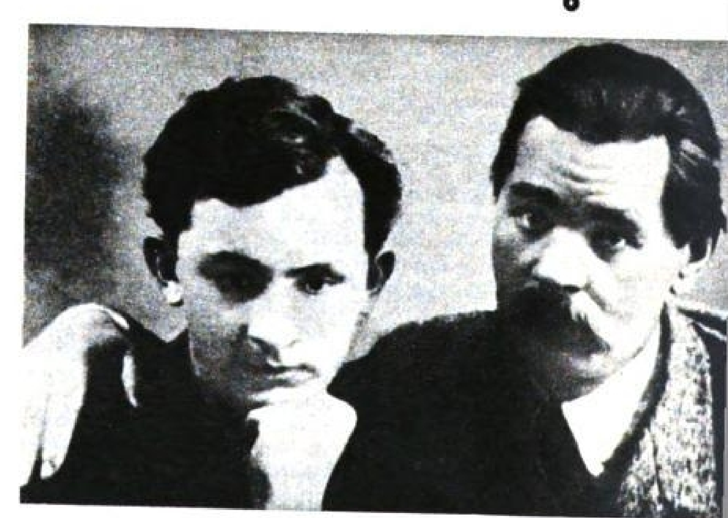
ЦЫ ЖИЗНИ

5

7 А. М. Горький с внучками Марфой и Дарьей. Горки. 1932 г.
Марфа родилась в 1925-м, Дарья — в 1927 г. Алексей Максимович в письмах постоянно рассказывает о внучках, об их характерах и проказах. Сам он охотно беседует с ними и участвует в их развлечениях. Обе они до сих пор бережно хранят нежные и шутливые дедушкины письма. Марфа Максимовна стала хранителем библиотеки Горького, а Дарья Максимовна — артисткой театра имени Евг. Вахтангова.

А. СМИРНОВА,
научный сотрудник Музея
А. М. Горького АН СССР

6



7

СТАРЫЙ ПАРТИЗАН

Рассказ

Николай ТИХОНОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Зной был такой, что, казалось, все на земле горит белым пламенем. От белых стен домов селения Христианского это пламя отбрасывалось на дорогу, и смотреть по сторонам было нестерпимо больно. Густая пыль завивалась тяжелыми раскаленными клочьями. Ни единой души не было в этот пустынный час на улице селения. Куда-то забились куры, спрятались по своим конурам собаки. Примолкло все птичье племя.

Впереди, как миражи, над горами громоздились облака. Было странно видеть громадного, как старый медведь, нашего друга Даукия Такоева в черной лохматой бурке, накинутой на богатырские плечи так плотно, точно навстречу нам шли волны полярного холода. Он говорил, что в бурке прохладнее, и мы ему верили.

Оглянувшись, он сказал:

— Мы не можем проехать Христианское, не остановившись. Надо навестить одного человека, хорошего товарища...

Я и Лео Арнштам запротестовали.

— Друг Даукий, что же это будет? Мы заедем — соорудят стол, будем сидеть, есть и пить. В такую жару, когда глаза слипаются, язык не поворачивается, это просто невозможно! Кроме того, мы приедем в горы только ночью. Право, нет никакой причины делать остановку, поехали дальше...

— Нет, нет,— сказал Даукий Такоев,— никакого стола, питья, еды не будет. Мы заедем к достойному Бедте Тихилову, потому что нельзя к нему не заехать. Он тяжело болен. Он слышал, что мы едем в горную Дигорию, и он обидится очень, что мы миновали такого героя гражданской войны, а сами собираем сведения о временах, когда здесь боролись за Советскую власть. Мы посидим у него совсем немного, так, для приличия, попросим что-нибудь рассказать, скажем, что не могли его не повидать, и поедем дальше. Бедта Тихилов с первых дней гражданской войны на Кавказе принимал участие и в боях и в разных происшествиях тех лет. Сейчас он очень болен, врачи говорят, безнадежно, он лежит главным образом, потому не надо его утомлять особенно. Его дом тут рядом...

Нам пришлось согласиться. Даукий Такоев говорил убедительно. Хотя все окна небольшого дома были закрыты ставнями, домашние Бедты Тихилова усмотрели наше прибытие. Из дома вышел высокий молодой человек, почтительно приветствовал Даукия Такоева. Они поговорили, и молодой человек пригласил нас за собой.

Мы взошли по узенькой, очень чистой, застланной цветными половиками лестнице на галерейку, где висело седло с ярко начищенными стременами, висела винтовка, на которой играли солнечные лучи, проникая на галерейку через вырезы в ставнях.

Здесь же стояла длинная скамейка, покрытая цветной материей. С нами поздоровалась статная, нестарая женщина с мягкими чертами лица, с доброй улыбкой и тотчас же исчезла, после чего молодой человек открыл дверь и мы вступили в горницу, где на первый взгляд никого не было. В полумраке, тихом и прохладном, темнели паласы на стенах, на полу был постелен ковер. Несколько табуреток и скамейка вдоль стены.

Когда мы вошли, кто-то сказал глухим голосом тихое приветствие, и тут, приглядевшись к полумраку комнаты, мы увидели хозяина. Это и был сам Бедта Тихилов. Он лежал на постели в сером домашнем бешмете, с натянутым выше пояса одеялом, точно ему было холодно в эту адскую жару, которая здесь, правда, так не чувствовалась. Бедта Тихилов приподнялся и сел. Молодой человек поправил ему подушки, чтобы ему было удобнее сидеть. Старый партизан молча выслушал короткую речь Даукия Такоева и откинулся на подушки, сделав рукой пригласительный жест — расположиться у его постели.

Теперь, когда мы привыкли к полумраку комнаты, можно было разглядеть нашего хозяина подробнее. Он был очень высок, очень худ. На выступающих скулах блестели капельки пота. Висячие коричнево-желтые усы опускались вниз. На всем лице лежала печать болезни. Сухие тонкие губы были сжаты. Тонкие, почти фиолетового цвета руки с большими синими жилками лежали поверх одеяла, точно больному было трудно делать какие-либо движения. Худые узкие плечи резко обозначались под тонким бешметом. Все говорило о том, что больному тяжело. Он дышал как-то неравномерно, и только пытливые, живые глаза всматривались в нас с большим любопытством.

И вдруг он заговорил. Говорил он, обращаясь к Даукию Такоеву, но говорил по-русски, и мы его понимали, несмотря на то, что говорил он тихо и временами неразборчиво.

— Спасибо, что заехал. Я слышал, вы все вместе собираете материалы о гражданской войне, о становлении Советской власти на Северном Кавказе. Ну, ты им можешь порассказать многое. Вы едете в Черный лес, в Стыр-Дигору, в Махческ?

— Да, всюду будем,— отвечал Даукий Такоев.— Может быть,— обратился он к нам,— вы хотите спросить нашего друга о чем-нибудь? Он у нас первый знаток и первый деятель здесь был...

Бедта закашлялся, вынул из-под подушки платок, вытер рот, и странная улыбка раздвинула его сухие губы.

— Ты помнишь, Даукий, как я был предревкома села Христианского, а ты был заместителем предреввоенсовета — Кирилла Кесаева. Давно это было. Воевали мы тогда много, долго... С баделятами воевали, с белыми, со Шкуро, со всяким сбродом.

Мы попросили его рассказать о защите села Христианского, которое не раз становилось ареной военных действий. Он совсем оживился и называл имена, которые мы записывали, героев, которые погибли в боях, зверства белых, рассказывал, какая была Осетия в те годы, когда крестьяне поднялись против помещиков и реакционеров...

Пока он говорил, я смотрел на него, и он упорно мне кого-то напоминал. Взглянув в дальний угол, я увидел такой удивительный плакат, который никогда и нигде не видел. Этот плакат был портретом Максима Горького, вернее, это был коринский портрет «Горький в Сорренто», увеличенный чуть не до человеческого роста.

Знаменитый мастер изобразил Максима Горького одиноко шагающим по какой-то разноцветной пустыне. Сзади него были горы, сухие, обнаженные, пустынные, земля под ногами какая-то жесткая, каменистая, сам Горький опирался на палку, и его худая, как бы иссушенная беспощадным солнцем, фигура, его суровое узкое лицо со свисающими длинными усами, нахмуренный взгляд, узкие руки с длинными узловатыми пальцами говорили о каком-то мучительном, долгом пути, о каком-то искателе, идущем годы по голой и трудной земле.

И вдруг мне стало ясно, почему против постели старого партизана висит этот портрет великого гуманиста. Они были похожи. Как ни странно, они были очень похожи. И даже мучительное выражение узкого лица, и горьковские усы, и томительный и вместе с тем зоркий взгляд можно было найти и у Бедты Тихилова. Это сходство так поразило меня, что я хотел спросить, как появился этот портрет здесь и где вообще достали этот редчайший плакат. Но Даукий Такоев как будто отгадал мои мысли и, легко наступив мне на ногу, тихо сказал:

— Об этом не говорите... Я все вам потом расскажу.

Но Бедта Тихилов, кончив отвечать на наши вопросы, сам перевел свой взгляд на портрет Максима Горького и, как бы опережая нас, заговорил.

— Трудная была у нас жизнь, у всего народа. А у него разве легкая? — сказал он, протягивая узкую руку к портрету.— Всю жизнь одни мучения, страдания. А он ненавидел страдания.

Голос Бедты Тихилова вдруг стал громким: он говорил, что человек должен быть выше страдания. Презирать его, не подчиняться ему.

— Он и в крепости сидел и много мук всяких принял, когда странствовал по земле, и теперь борется, против фашизма идет, тревогу бьет... Вон он какой! — сказал он уже тише, закашлялся и замолчал.

— Дорогой Бедта, ты много говоришь. Тебе нельзя, ты приляг, а то ты уже устал,— сказал Даукий Такоев.

— Прилягте, пожалуйста,— заговорили и мы.— Вы нас простите, что мы вас утомили, но то, что вы рассказывали, было так интересно, так важно, мы все записали, большое спасибо.

Бедта лег на подушку и утомленно закрыл

глаза. Его худой подбородок как-то заострился, по скулам пробежали какие-то синие тени, усы печально повисли. Через минуту он открыл глаза, и мы начали прощаться.

Он жал нам по очереди руки, говорил с хрипом:

— Хорошо, что заехали, спасибо. Когда будет готов весь материал, приезжайте, покажите.

— Обязательно покажем, заедем,— вразнобой говорили мы.

Вдруг он сказал, повысив голос:

— Какие бывают случаи! Тогда же, в первый год революции, около Дарг-Коха на меня напали бандиты, ограбили, убить из-за кровной мести побоялись. И сняли с меня черкеску хорошую. Я ее тогда справил, и очень она мне нравилась. Сняли. Я совсем не мог сопротивляться, черкеску с газырями забрали, часы, серебряный пояс, серебряный кинжал, деньги — все! Я ни о чем не жалел, о черкеске жалел. Много времени прошло. Габисовы выявили этих грабителей. Трое были из Батакоюрта, есть такое селение, а двое из Дарг-Коха. Один из них, Бурциев такой, сознался в грабеже. А я спрашиваю: «Где моя черкеска?» Не мог новую, с газырями, забыть. А он говорит: «Нельзя ее отдать обратно». «А почему,— говорю,— где она?» «Черкеска и пояс,— отвечает,— на каком-то батакоюртовском покойнике, ее уже нельзя вернуть...» Почему этот случай еще вспомнил, не знаю. Все еще эта черкеска в памяти живет: хороша была...

Когда мы простились со старым партизаном и бросили последний взгляд на портрет Максима Горького, Бедта снова лег, и молодой человек закрывал его одеялом, укутывал его заботливо.

Мы миновали Христианское и продолжали путь. По дороге нам Даукий Такоев рассказал, что было с Бедта Тихиловым.

— Он в старости стал болеть. Болезнь причиняла большие мучения. Лечили его лучшие специалисты, и наконец они определили, что он болен безнадежно. Он впал в меланхолию. Уединился, и все опечалились, не знали, что делать. Кому бросилось в глаза сходство Бедты Тихилова с Максимом Горьким — не знаю, как не знаю, кто достал ему портрет вот этот, что висит там на стене. Все удивились: как похож на Бедту! Но это еще не все. Бедта все узнал про Горького и вдруг начал чувствовать себя легче. Я раз с ним говорил на эту тему, и вот что он мне сказал: «Ты знаешь, что мы недаром похожи. Он болеет такой же болезнью, что и я. Видишь, это даже на портрете заметно. Но он всю жизнь с ней борется, и сила воли его побеждает страдание. Я знаю, что, когда болезнь на него нападает, и моя болезнь оживает. Но он собирает силы, и я следую его примеру, и боли отступают». Он стал моим наставником в борьбе с болезнью. Он старый боец за человека. Он учит меня презирать боль и страдание. И я верю, когда смотрю на него. Пока он так могуч в своей борьбе, и я за его силой свою найду, чтобы тоже бороться». И действительно, вот видели, как он оживился и сколько порассказал сегодня. Помогает ему Максим Горький. Ему только не говорят, что у них болезни разные. У Горького, как известно, туберкулез, а у нашего Бедты, врачи говорят, рак, и безнадежный. Может, он и сам знает,— добавил Даукий,— да не хочет верить, потому что тогда он силу воли потеряет. А так держится. И мы правильно сделали, что к нему заехали. И он доволен, и вы посмотрели на хорошего человека...

В горной Дигории мы углубились в приключения самого разного рода, сменили машину на коня, коня — опять на машину, а то и пешком мерили тропы. Много мы собрали стоящего, что потом вошло в сценарий «Друзья», из которого сделал фильм Лео Арнштам при участии таких замечательных артистов, как Бабочкин, Черкасов, Бирман, Каюков и другие.

Из Комунты через Кионский перевал добрались мы до Садона, оттуда попали в Цей и в горы, окружающие его. Приблизительно через неделю ехали мы ранним утром по плоскости, как называют земли предгорья, по направлению к Орджоникидзе. Было то роскошное летнее утро, когда вся природа в полном расцвете, мы проезжали станицами, тянувшимися так длинно и так быстро сменявшимися, что казалось, мы едем одной непрерывной, растянувшейся на десятки километров станицей.

Вдруг в одной из них, которую мы проезжали быстро, приметили мы у домов траурные, красные с черным, флаги. Но так как проскочили мы станицу быстро, то решили, что это — местное явление, и не остановились.

Но когда во второй станице опять стали нам навстречу появляться маленькие красные с черным флаги, мы остановили машину и спросили у какой-то женщины:

— Кто умер?

Она посмотрела на нас удивленно.

— Откуда знаете, что умер? — спросила она. Мы указали на флаги.— Не знаю,— сказала она, занятая своими мыслями.

Мы остановили подростка, но и он не мог сказать, кто умер. Мы поехали дальше. Но когда в третьей станице нам не могли встречные сказать, почему вывешены флаги, мы уже взволновались и повернули к сельсовету. В такой ранний час там была только какая-то молоденькая девица, которая при виде такой внушительной фигуры, как Даукий в черной громадной бурке, растерялась и сказала:

— Это знает Валентина Ивановна!

— Кто это — Валентина Ивановна? — спросил грозно Даукий.

— Где она?

— Да вот она идет! — сказала девушка восторженно, радуясь, что с нее снята ответственность.

Валентина Ивановна, секретарь технический, посмотрела на флаги и сказала:

— Сейчас вспомню, сейчас вспомню. Да, это умер товарищ Осипов, зампред облисполкома!

Роскошное утро как-то померкло от печальной вести, которая уже обросла траурными флагами и тревожно сопровождала нас до самого Орджоникидзе.

В городе после всяких дел и встреч, очень уставшие от трудной поездки и многих дорог, мы вечер решили посвятить отдыху и, поужинав, расположились в своем номере поудобнее. Мы разбирали свои блокноты, перекидывались всякими соображениями, прилегли подремать и не заметили, как наступил поздний вечер. Разбудили нас неимоверной силы удары грома. Потом на землю начали рушиться стены ливня. Это было феерическое зрелище. Мы благодарили небо, что проскочили в город до этой невозможной бури. На небе и на земле происходило что-то невероятное. Грохот ливня заглушал порой даже раскаты грозы. Все небо разрывалось на куски, в фиолетово-зеленых провалах метались огненные струи, вероятно, где-то с корнями выдирало деревья, где-то потоки уже вышли из берегов, и дороги, размытые и обрубленные обвалами, превратились в смертельные ловушки для машин. Ветер свистел, мешаясь с ударами грома. Это длилось часами. Может быть, начинается снова всемирный потоп? Наверно, было что-то похожее и тогда, когда это событие было записано в библии и в другие древние документы. Да, это было зрелище космического порядка. Дождь все продолжал хлестать, но как будто чуть пореже начали бить громы и молнии.

Часами продолжалась эта канонада и водяное извержение, и в какой-то краткий перерыв грозы к нам в номер раздался стук, и в глухой ночи из мрака и водяной хляби в комнате появился огромный Даукий, с бурки которого лился водопад. Его богатырская фигура стала еще огромней, как будто он пропитался влагой с головы до ног. Отдышавшись и вытерев мокрое лицо, он сказал:

— Зачем я пришел так поздно? Я что-то не понимаю: радио не работает у нас, я ловил Москву. Москва — я мог поймать только обрывки — передает почему-то биографию Максима Горького. Может быть, какой-нибудь юбилей? Вы, литераторы, должны знать.

Но спрашивал он с тревогой и волнением. Никакого юбилея не было. Что бы это могло значить? Мы сидели молча, потому что в голове не было мысли о том, что произошло непоправимое. Никто из нас не хотел вслух высказываться об этом. Мы только вспомнили, что последние недели из Москвы передавали бюллетени о здоровье Максима Горького. Мы сидели и молча слушали раскаты небывалой грозы. Казалось, если выйти на простор и обладать способностью видеть на громадное пространство, то было бы видно, что и горы, и степи, и предгорья, и плоскость охвачены катаклизмом.

Когда бушующая сила сорвавшейся со всех устоев стихии начала выдыхаться, Даукий снова завернулся в свою громадную бурку и утонул в потоках, мчавшихся по улицам Орджоникидзе.

Мы почти не спали эту ночь, а наутро уже стало известно всем, что действительно великий писатель окончил свой земной путь.

Хотя все мысли наши были в Москве, мы не могли не видеть, что наделала вокруг страшная, небывалая гроза. Следы разрушений бросались в глаза. Мы с Арнштамом добрались до аэропорта. На взлетном поле лежал огромный, красиво положенный и ярко выделявшийся на зеленом поле черный крест.

Мы вошли внутрь скромного помещения тогдашнего аэропорта. Нас встретил не очень расположенный к разговору дежурный.

— Что вы хотите, товарищи? — спросил он строго, как будто был нашим начальником, а мы — подчиненными ему летчиками.

— Мы хотим лететь в Москву,— сказали мы.— И как можно скорее. Когда будет ближайший самолет?

Он посмотрел на нас с непонятной яростью и сказал:

— Пойдите и посмотрите на взлетное поле.

Мы вышли и вернулись через минуту.

— Мы посмотрели,— сказали мы скромно и ничего не понимая.— Мы увидели черный крест. Это, вероятно, в знак траура, так как вы уже знаете, что случилось.

— Черный крест! — почти закричал он.— Вы видели черный крест, так подите к нему, посмотрите...

Мы снова вышли из помещения и зашагали к черному кресту. Но мы не сделали и трех шагов, как ноги наши ушли в воду почти до колен. В поле стояла вода. Это было болото, полное глубокой, холодной воды.

Мы снова вернулись к дежурному и сказали, как вестники из хора:

— Мы хотели пройти к черному кресту, поле залито, до колен вода.

Тут он смягчился.

— Черный крест не траур, это знак, что посадка грозит смертельной опасностью, а потому начисто запрещается. Ни один самолет не может ни сесть, ни подняться с этого поля...

— Что же делать?

— Все аэродромы от Ростова до Грозного вышли из строя. Все размыты, залиты, как и наш. Пройдет несколько дней, не раньше, как можно будет взлететь. А до тех пор самолетов и рейсов не будет...

Мы шли расстроенные и спорили, перебивая друг друга. В наших бессвязных речах мы сразу говорили о многом, и это было понятно. Случилось событие огромной важности. Об этом говорили не только мы, говорили все вокруг.

Когда наше волнение немного улеглось, мы направились в свой «Интурист». И тут нас перехватил Даукий Такоев. Мы рассказали ему о своем путешествии в аэропорт.

— Да,— сказал Даукий,— похороны завтра, и никакими силами, ни земными, ни небесными, вы в Москву попасть не сможете. Все аэродромы до Ростова не действуют, а поезд придет в Москву только после похорон...

Весь день мы говорили о случившемся. И вдруг вечером, когда мы ужинали, Арнштам посмотрел на меня какими-то другими глазами и сказал растерянно:

— А как же Бедта Тихилов!

Я не сразу его понял.

— Что Бедта Тихилов? Что ты хочешь сказать?

— Но как же,— продолжал он,— ведь его единственная опора в борьбе с болезнью был Максим Горький. Он помогал ему. Бедта верил в то, что жив Горький — жив и он. Он связал свое существование с жизнью Алексея Максимовича... Что будет теперь?

— Не знаю,— сказал я.— Это настолько сложно, что ничего сразу не сообразишь... Мы не можем ни предсказывать, ни назначать сроков...

...Бедта Тихилов умер через несколько месяцев после этого дня, сохраняя до последней минуты силу воли и ясность сознания, умер стойко, как старый, много сражавшийся за жизнь воин.

Он дорог всем народам

Ян СУДРАБКАЛН

Созрел народ, настает срок, исполняются надежды, и выходит на путь творчества и борьбы писатель, художник или ученый, трибун и учитель. Когда появились первые рассказы и пьесы Максима Горького, по горячему приему, какой был ему повсеместно оказан, стало ясно, что его ожидали, о нем думали, о таком именно писателе мечтал русский народ, давший миру величайших мастеров слова. В самом конце века появилось «Воскресение» Льва Толстого, привлекал сердца Чехов, но не утолена была жажда по новым, ярким словам, которые выжгли бы до глубин ржавчину, муть, гниль, а глаза и души заставили бы сиять пламенно. Русский народ принял, понял и полюбил Горького. Этому не могли помешать ни эпигоны старья, ни декаденты, эгофутуристы, проповедники сексуализма и мещанства в литературе и искусстве в столыпинское лихолетье, ни меньшевики, эсеры и анархисты, индивидуалисты и мистики в политике, социологии и философии. В жизнь русского народа вошел Ленин, входил Горький, настал черед Маяковскому.

Сказалось сразу, что и другие народы царской империи, большие и малые, рабочие, батраки, бедные крестьяне и демократическая, революционная интеллигенция почувствовали правду в призывах Ленина и в художественном слове Горького. Им была необходима русская помощь, все они жадно прислушивались к вескому, мудрому и горячему русскому слову, тянулись, как к неугасимому светочу, к русской литературе. Горького признал, приветствовал и накрепко, на всю жизнь полюбил и латышский народ. Малый и неустрашимый, веками под чужой властью хранивший свой язык, свои песни, на ветреном западном перекрестке он сберег верность, любовь к русским и России, а затем и ко всей братской семье, Советскому Союзу. Горький чутко понял тяжкую судьбу и стремления, историю и мечты латышей, и книги его, пусть иногда с перерывами, неизменно находили в смене поколений все новых читателей, спектакли по его пьесам — восторженных артистов и зрителей.

Первые переводы произведений Максима Горького на латышском языке появились в газетах, журналах и календарях в 1899-м, отдельными изданиями — в 1901 году. В это же время впервые прозвучала у нас «Песня о Соколе» в переводе Яна Райниса. В течение многих лет создавались все новые ее переводы. В 1940 году переводчиком «Песни» стал Андрей Упит, в наши дни — Ояр Вациетис. Каждое поколение прочитывает Горького в первый раз и по-новому. На стыке веков Горьким увлекалась в Латвии школьная молодежь, молодые учителя, рабочие. Предгрозовые настроения и чаяния их находили в его романтике, бунтарстве, революционном пафосе острое выражение. Особенно захватывало то, что приподнятость, своеобразное восхваление бури и натиска соседствовали в творчестве русского писателя с реалистическим, безжалостно правдивым стилем. Горький вскрывал все мерзости, ужасы, пороки и беды жизни босяков, людей дна. Тогдашних прогрессивных латышских критиков не обманула призрачная воля загулявших отверженцев, они видели в них жертвы несправедливого строя, жестокого ига капитализма и услышали в босяцких рассказах призывы к борьбе. Весьма сильно заинтересовался на пороге веков Горьким Райнис, повсюду ищет он о нем более подробных сведений. В примечаниях к своему переводу «Вильяма Ратклифа» Гейне в 1900 году Райнис также говорит о Горьком и считает, что он продолжает и развивает гейневский романтизм. Райнис писал, правда, и о том, что не они, босяки, являются нашими героями, а люди, простые люди, желающие ходить обутыми, в башмаках.

В становлении революции в Латвии пятого года русский Горький и латыш Райнис дополняли один другого, не сговорившись, помогали революции. В своей борьбе латышские революционеры слились с русскими, перенимали опыт русского пролетариата, приветствовали русских рабочих-братьев как соратников, вдохновлялись русской революционной литературой, и они с энтузиазмом приветствовали Горького, крепко державшего в своих руках красное знамя. В то бурное время Горький несколько раз побывал в Риге, видел там постановки своих пьес. В январе 1905 года на его квартире был произведен обыск; писателя арестовали и под стражей отправили в Петербург для формального дознания, где он был заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости.

В первом томе четырехтомной «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» можно проследить всю цепь событий. В Риге писатель познакомился с видным деятелем латышской социал-демократии, критиком и публицистом Яном Янсоном-Брауном, дружба эта возобновилась потом и установилась крепко; впоследствии Янсон написал вводную статью для «Сборника латышской литературы», изданного Максимом Горьким в Петрограде во время первой мировой войны. Постановки пьес Горького «На дне», и «Мещане», и «Дети солнца» в Риге в русском и латышском театрах нашли самый горячий отклик; во взбаламученном море общественности беспрестанно подымались тогда высокие и грозные волны, захлестнувшие злобные наветы черносотенной печати. Театр Незлобина и лучшие латышские артисты на своих сценах были захвачены глубиной, актуальностью, действенностью горьковских пьес и достойно создавали незабываемые образы, чутко и четко доносили мысли писателя публике, и мысли эти волновали умы и сердца. С тех лет не угасало внимание Максима Горького к латышской литературе и латышскому народу. Проходили весны и осени, в 1926 году двое латышских писателей, Карклиньш и Розитис, приехавшие в Италию, посетили Сорренто, где тогда жил Горький, и они, радостно изумленные, убедились, что Горький отлично осведомлен о латышской культуре, читал все, что было переведено на русский язык, знал даже немецкие переводы. Он расспрашивал гостей о трагедии Райниса «Илья Муромец», которую он тогда еще не смог прочесть, о прославленном латышском пейзажисте Пурвите, о композиторе Витоле, долгие годы преподававшем в Петербургской консерватории, о новых талантах и, прощаясь, просил передавать приветы Райнису и Аспазии, К. Скалбе и Андрею Упиту и другим писателям. Снова летели годы, и в 1935 году в Крыму латышскому художнику Бирзгалу, посетившему Горького, писатель сказал, что он прочел с большим интересом «Избранные сочинения» Райниса, недавно выпущенные издательством «Академия», а некоторые стихотворения перечитывал несколько раз.

В 1916 году издательство «Парус» выпустило в Петрограде под редакцией Валерия Брюсова и Максима Горького «Сборник латышской литературы». В нем первый раз с известной полнотой, стихами и пьесой «Золотой конь», был на русском языке представлен Райнис, в первый раз русские читатели познакомились со многими латышскими писателями, дотоле совершенно им неизвестными. Переводы в общем были на хорошем или приличном уровне, некоторые заслуживают и поныне похвалы. Главным переводчиком произведений Райниса являлся Брюсов; замечательный «Реквием» Плудона прекрасно, проникновенно перевел Александр Блок. На Первом съезде советских писателей Максим Горький назвал Райниса в ряду великих писателей, которых дали человечеству народы нашей страны, чудесно тем скрепив свою давнюю дружбу с Латвией.

Знакомство Горького с Латвией в начале века, значение «Сборника латышской литературы», дружба русского писателя с латышами, влияние его творчества и всей его жизни на латышскую литературу, к сожалению, еще недостаточно освещены ни в Риге, ни в Москве. Главные обязанности всей своей тяжестью, разумеется, ложатся на нас. Горький своими книгами, газетными статьями, речами и письмами, своей отзывчивостью, любовью к людям, сложной общественной деятельностью, вечными поисками нового, всем своим истинно могучим гением оказал явно ощутимое и глубоко благотворное влияние на развитие латышской литературы и всей латышской культуры. Андрей Упит пишет: «Начиная с 90-х годов прошлого века его влияние сказывалось во всем росте латышской прогрессивной литературы, с перехода от наивного, созерцательного реализма к реализму критическому, изобличающему, до исторического периода советского социалистического реализма».

Да, вот уже семьдесят лет в жизни латышского народа ощущается присутствие Алексея Максимовича Горького.

По всей громадной Советской стране один за другим встают писатели, и каждый на своем родном языке, а затем по-русски, чтобы поняли все, говорит приблизительно такое: «Мой народ любит Горького, он дорог нам, он наш друг». То же самое хотел и я сказать. Он дорог всем народам земли.

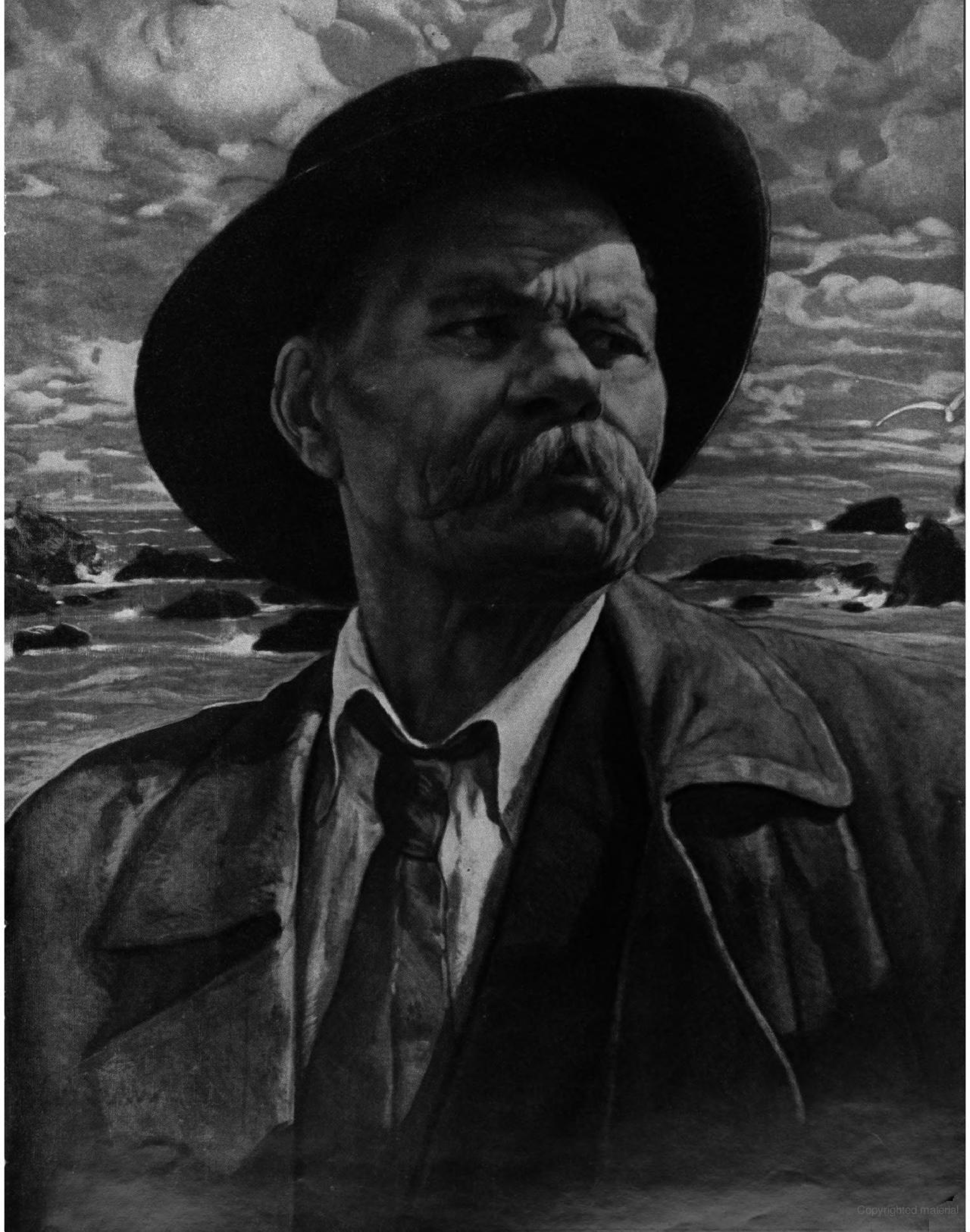
●

И. Бродский. ПОРТРЕТ А. М. ГОРЬКОГО.

На развороте вкладки:

А. Яр-Кравченко, А. Зарубин. «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ВАС».

(Встреча писателей на квартире у А. М. Горького 26 октября 1932 г.)



П. Корин. А. М. ГОРЬКИЙ.

ШКОЛА ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Частица горьковского сердца, живого и трепетного, освещает пламенем добра и света путь многих и многих молодых писателей.

Горькому принадлежит идея создания Литературного института.

В дни 100-летия Алексея Максимовича каждое из тех учреждений, библиотек, клубов, театров, которое носит имя Горького, и мы, Литературный институт имени Горького, хотим отчитаться перед великой памятью основоположника советской литературы. Факт остается фактом. Существует высшее учебное заведение, единственное в мире, существует и имеет вполне определенный адрес: Москва, Тверской бульвар, 25.

В глубине двора сохранилось большое здание, старинный особняк, принадлежавший в начале XIX века сенатору Яковлеву. Здесь в 1812 году родился великий русский революционный демократ и писатель А. И. Герцен. И так уж повелось по традиции, дом этот стал, особенно после революции, родным для писателей Москвы. Здесь бывали Брюсов, Маяковский, Есенин и другие литераторы, здесь читались стихи, страстно обсуждались животрепещущие проблемы становления советской литературы. И нет ничего удивительного в том, что в стенах этого прославленного Дома Герцена в 1933 году появились первые студенты только что народившегося Литературного института.

Лаконичен язык декрета, подписанного в Кремле М. И. Калининым:

«В ознаменование сорокалетия литературной деятельности Максима Горького Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, отмечая заслуги Максима Горького в области воспитания новых писательских кадров из рабочих и крестьян, постановляет:

1. Основать в Москве Литературный институт имени Максима Горького.

2. Литературный институт им. Максима Горького организуется:

а) как литературный учебный центр, дающий возможность писателям, творчески себя проявившим и в первую очередь писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого;

б) как лаборатория для изучения художественной литературы народов СССР...»

Теперь это уже история. За годы существования Литературного института накоплен большой опыт, сложился научный и студенческий коллектив. А начинали ведь почти на пустом месте. Еще В. И. Ленин предупреждал А. М. Горького о трудностях, связанных с организацией такого учебного заведения.

В. И. Ленин, как вспоминает Горький, «интересовался пролетарской литературой». «Чего вы ждете от нее?» Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам Запада и Востока, по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Г-м-гм,— говорил он, прищуриваясь и похохатывая.— Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо...

И вот мечта Горького сбылась. Выросли вместе с институтом и его научные кадры. У истоков творческих семинаров студентов были такие руководители, как Константин Федин, Алексей Сурков, Леонид Соболев, Константин Паустовский, Борис Ромашов, Владимир Луговской, Михаил Светлов, Вс. Иванов, Федор Гладков, Сергей Городецкий. Сейчас эстафету руководителей приняли другие писатели, популярные и широко известные народу. Это Владимир Лидин, Илья Сельвинский, Лев Кассиль, Сергей Вашенцев, Александр Коваленков, Николай Сидоренко, Валерия Герасимова, Георгий Березко, Кузьма Горбунов, Дмитрий Ковалев. Интересно, что такие руководители нынешних семинаров, как Сергей Смирнов, Борис Бедный, Сергей Наровчатов, Лев Ошанин, Евгений Долматовский, Григорий Бакланов, Виктор Розов, Владимир Соколов, Валерий Дементьев и другие, сами закончили Литературный институт, стали членами Союза писателей СССР и опытными воспитателями молодежи. Такова литературная преемственность, весьма закономерная и важная для закрепления творческих традиций и самобытности учебного заведения.

Весь строй жизни и творческой деятельности института подчинен главному: развитию способностей молодых, начинающих литераторов. У нас нет факультетов, нет деканатов, есть творческие лаборатории по жанрам. Студент, занимающийся в семинарах по драматургии, поэзии, прозе, критике, работает под руководством писателя-мастера в течение пяти лет. Он проходит одновременно широкую академическую программу, полностью отвечающую программе высшего учебного заведения. А в итоге создает диплом. Это книга стихов, это пьеса, это сборник статей, это рассказы и повести. Так в Литературном вузе в течение пяти лет формируется и воспитывается наша литературная молодежь.

Мы далеки от мысли, что Литературный институт — единственный источник пополнения нашей молодой литературы. Но не надо скрывать и того, что именно в Литературном институте учились Константин Симонов, Сергей Михалков, Антонина Коптяева, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Евгений Винокуров, Маргарита Алигер, Александр Межиров, Расул Гамзатов, Роберт Рождественский, Василий Федоров, Юлия Друнина, Чингиз Айтматов и многие другие, которые, украшая своим творчеством советскую литературу, добрым словом поминают годы, проведенные в стенах Литературного института. Это выпускники старшего поколения. Но и выпускники самых последних лет, когда наша молодежь только что заявляет о себе, могут представить много интересных, талантливых писателей нашей многонациональной советской литературы. Это и поэт Багандов из Дагестана, и Укачин из Горно-Алтайска, это и Кибиев из Ингушетии, и Таганов из Туркмении, и Панеш из Адыгеи, и Чуча с Украины. В литературе уже заметны имена таких недавних выпускников института, как Василий Белов, Иван Лысцов, Любовь Ваганова, Эрнст Сафонов, Владимир Карпенко, Анатолий Жуков, Евгений Антошкин, Руслан Киреев, Ольга Фокина...

Много способных молодых литераторов учится и теперь на очном и на заочном отделениях. В Литературный институт поступают преимущественно люди из глубин страны, из республик и областей. У нас сейчас учатся представители тридцати национальностей. Особенно мне хочется сказать о необыкновенно плодотворной работе по подготовке переводчиков с языков народов СССР на русский язык. В нашем институте работает шесть творческих семинаров: туркменский, киргизский, армянский, бурят-калмыцкий, белорусский и молдавский. А в новом учебном году мы будем еще иметь группу грузинско-абхазскую и мордовскую. Литературный институт готовит работников художественного перевода, которые уже не обращаются к подстрочникам, а переводят с оригинала произведения своих национальных писателей на русский язык и тем самым способствуют пропаганде многонациональной советской литературы.

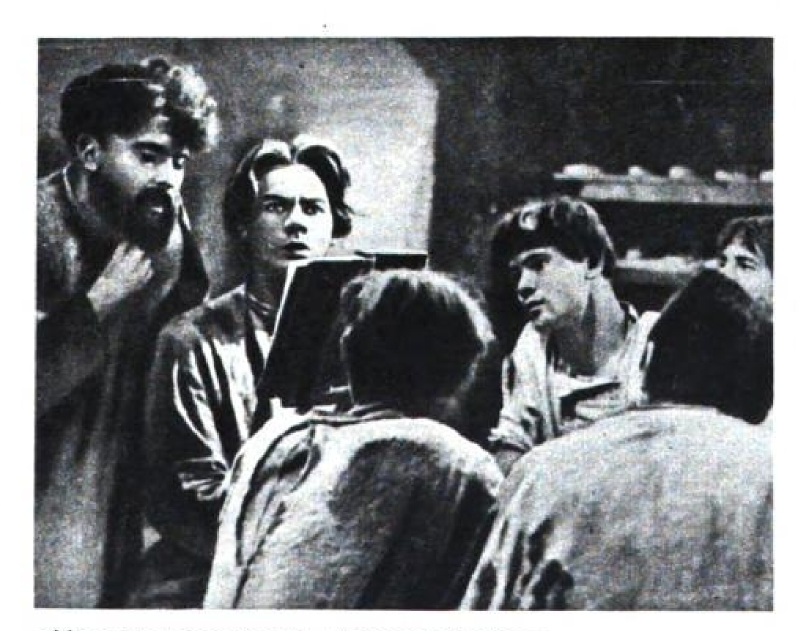
Более 10 лет тому назад при Литературном институте были открыты Высшие литературные курсы, на которых в течение двух лет занимаются повышением своего идейного и теоретического уровня писатели. Союзы писателей республик командируют на эти курсы своих представителей, которым создаются хорошие творческие условия для работы. С прошлого года в институте открыта аспирантура. Мы имеем группу хороших аспирантов, которые занимаются вопросами теории литературы — теории прозы, поэзии, драматургии, эстетики. Мы ставим своей задачей готовить новые молодые научные кадры, которым старшее поколение передает свой опыт и свои знания.

Мы знаем, какое ответственное дело поручено Литературному институту, мы знаем, что имя Горького обязывает к тому, чтобы воспитание творческой молодежи отвечало тем требованиям, которые предъявил молодежи Алексей Максимович, отвечало тем требованиям, которые ставит перед литературой наша партия.

Вл. ПИМЕНОВ,
ректор Литературного института имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР

В роли матери (Ниловны) — В. Барановская («Мать»).

ЖИВОЕ, ЗРИМОЕ СЛОВО



«Мои университеты». Алексей Пешков — Н. Вальберт.

Николай Баталов в роли Павла Власова («Мать»).

Акулина Ивановна — В. Массалитинова. Алексей Пешков — А. Лярский («В людях»).

В роли Алексея — А. Локтев («По Руси»).

Кто не восторгался гениальностью горьковского видения жизни!

Анри Барбюс называл его «великим светочем, открывающим новые пути всему миру», Ромен Роллан — «первым, высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим путь для пролетарской революции».

Стефан Цвейг говорил, что его творчеством сам народ «из собственной плоти сотворил себе уста», дабы поведать всему человечеству об униженных, угнетаемых и гонимых людях, о русском пролетариате, о русской народной жизни.

Именно горьковское видение мира и содержащиеся в его неувядаемых творениях картины народной жизни, глубочайшая достоверность отображения исторических условий, в которых на русскую общественную арену поднимался новый и подлинный хозяин жизни — рабочий класс, могучие характеры выведенных им людей из народа, их исторический оптимизм и вызвали такой необычайный интерес деятелей кино к их воплощению на экране, к их передаче в зримых образах средствами киноискусства.

Нет, кажется, у нас другого писателя, чьи произведения, особенно в послереволюционные годы, вдохновили бы стольких талантливых мастеров киноискусства на создание по их мотивам замечательных художественных кинолент, в которых запечатлены самые разные общественные слои старой России в наиболее драматические десятилетия ее истории — конца XIX — начала XX века.

Конечно, интересно было бы иметь общий перечень экранизированных произведений А. М. Горького, однако его не так-то легко составить, ибо многие ленты не только не сохранились, но и — в особенности короткометражные кинопроизведения — не всегда учитывались. Известно, например, что первая попытка воплотить горьковскую тему в кинематографическом произведении была предпринята еще в 1916 году, когда по заказу Дранкова, одного из малопочтенных русских кинематографических предпринимателей, режиссером Б. Глаголиным была осуществлена постановка фильма «Омытые кровью» по мотивам известного горьковского рассказа «Коновалов». Известно также, что фильм этот, едва появившись на свет, был тотчас же запрещен царской цензурой. После февральской революции фирма выпустила его на экраны, но в неузнаваемо искореженном виде и под новым, соответствовавшим духу времени названием — «Драма из жизни Григория Распутина».

Фильм этот не сохранился. Не сохранилась и поставленная примерно в то же время режиссером А. Чаргониным картина «Душа волжанина разбита» — первая экранизация повести «Фома Гордеев». К сожалению, не сохранились и поставленные уже в советское время, в 1919—1920 годах, фильмы «Трое» режиссера М. Наронова и «Мать» режиссера А. Разумного. Известно только, что фильм «Трое» хотя и был признан удачным, но из-за отсутствия пленки вышел на экраны лишь в 1922 году, а фильм «Мать», хотя роль Павла в нем исполнял замечательный русский актер И. Берсенев, оказался весьма слабым, иллюстративным произведением. Роль матери пришлась не по плечу актрисе Л. Сычевой, в созданном ею образе не было ни обаяния, ни стойкости, ни волевого начала, столь характерного для героини горьковской повести.

С той поры и по наше время советские киностудии выпустили свыше тридцати полнометражных художественных фильмов, представляющих собой экранизации наиболее значительных произведений А. М. Горького. Начало этой серии было положено замечательным фильмом режиссера В. Пудовкина «Мать», созданным в 1926 году по оригинальному сценарию Натана Зархи на киностудии «Межрабпом-Русь». В настоящее время этот фильм восстановлен, озвучен и в юбилейные дни вновь выходит на экраны страны.

Это была первая значительная работа молодого Пудовкина, и она обессмертила его имя. С необычайным успехом картина прошла по экранам страны и мира. Впервые в кино талантливым советским актером Николаем Баталовым был создан неотразимый и чистый образ рабочего-большевика. А образ простой женщины из рабочей слободки, образ любящей матери, принявшей из рук убитого сына революционное знамя и погибшей под копытами жандармских лошадей, созданный Верой Барановской, потрясал все без исключения массовые аудитории, где только не демонстрировался фильм. А. В. Луначарский видел в этом фильме «совершенную иллюзию жизненной правды». Поиски, по выражению самого Пудовкина, «доведенной до деталей искренности в актерской игре», поиски символических ассоциаций с назревающей революцией в волнующих кадрах бурного весеннего ледохода увенчались беспримерным творческим успехом. Пронизанная революционным пафосом и глубоко искренней любовью к человеку труда, картина оказалась поистине адекватной своему великому первоисточнику.

Поставленные в 1929 году фильмы «Дело с застежками» (режиссер А. Хохлова), «Каин и Артем» (режиссер П. Петров-Бытов) и некоторые другие послужили своего рода мостиком от «Матери» В. Пудовкина к знаменитой трилогии М. Донского, составившей новый этап в воплощении средствами кино горьковской темы.

Созданная в 1938—1939 годах горьковская трилогия М. Донского включала полнометражные фильмы «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты». Это были сложные, подлинно новаторские картины, в которых перед зрителями во всей ее неприглядности вставала суровая правда русской действительности конца XIX века. Эпиграф, предпосланный фильму «Детство Горького», гласил: «Оживляя прошлое, я сам с трудом верю, что все было именно так..., но правда выше жалости» (М. Горький). В картине был воссоздан не только быт того времени, в ней воссозданы незабываемые горьковские образы, словно сошедшие со страниц горьковских книг: бабушка Акулина Ивановна, роль которой исполняла замечательная русская актриса В. Массалитинова, дед Каширин (артист М. Трояновский), Цыганок (артист Д. Сагал), хозяин пекарни Семенов (артист С. Каюков). В последнем, третьем фильме трилогии серьезного успеха добился артист Н. Вальберт, создавший образ молодого Алексея Пешкова. Мне думается, что все, кто видел фильмы Донского, представляют ныне героев Горького в образах, созданных именно этими актерами, показавшими высокое искусство проникновения в сущность характера горьковского героя.

Позднее, уже после Великой Отечественной войны, Марк Донской вновь возвратился к горьковской теме и по одноименным произведениям Горького создал фильмы «Мать» (1956 г.) и «Фома Гордеев» (1959 г.).

Так для советского кинорежиссера М. Донского горьковская тема стала определяющей во всей его творческой жизни. Кажется, что даже в тех случаях, когда он и не обращается к произведениям великого писателя, как это было с фильмами «Сердце матери» и «Верность матери», он продолжает разрабатывать горьковскую тему.

В 1941 году вышел фильм «Дело Артамоновых», поставленный по одноименному роману А. М. Горького режиссером Григорием Рошалем и блестяще снятый оператором Леонидом Косматовым.

Фильм Г. Рошаля, несомненно, является весьма удачной киноинтерпретацией многопланового литературного произведения: история трех поколений «проклятого рода» Артамоновых символически предстает перед зрителями как возникновение, расцвет и гибель российского капитализма. В фильме много сильных, выразительных мест и оригинальных изобразительных решений, чему в немалой степени способствуют отличные актеры — исполнители главных и эпизодических ролей: Вера Марецкая, Владимир Балашов, Михаил Державин, Любовь Орлова, Григорий Шпигель и др. Ныне этот фильм восстановлен и вновь выходит на экраны.

Несколько раньше, в 1938 году, ленинградский режиссер А. Ивановский в собственной сценарной разработке поставил фильм «Враги». В 1956 году режиссер В. Браун по мотивам «Мальвы» и других ранних горьковских рассказов на Киевской киностудии имени А. Довженко создал фильм «Мальва». В том же году на киностудии «Мосфильм» режиссер Ф. Филиппов перенес на экран знаменитый рассказ молодого Горького «Челкаш». Кстати, через десять лет Ф. Филиппов вновь вернулся к горьковской теме и к 100-летию со дня рождения А. М. Горького создал по сценарию А. Симукова фильм «По Руси», основу которого составили «Двадцать шесть и одна», «Коновалов» и другие горьковские рассказы. Роль юного Алексея в этом фильме играет актер Алексей Локтев; ему, думается, удалось создать интересный внешний рисунок странствующего по жизни, ошеломленного ее человеческим многообразием и жестокостью, думающего и ищущего паренька из народа; однако сцены, требующие большой внутренней собранности и психологического раскрытия, не нашли в этом фильме убедительных решений.

Первый показ нового кинопроизведения Ф. Филиппова состоится в юбилейные дни в Москве, Горьком и других городах страны. В это же время на экраны выйдет фильм — экранизация раннего рассказа А. М. Горького «Скуки ради», поставленный режиссером А. Войтецким на киностудии имени А. Довженко.

Разумеется, здесь названы далеко не все кинопроизведения, созданные советскими кинематографистами по мотивам горьковских рассказов и повестей. Их перечень, однако, был бы и вовсе не полным, если бы мы не сказали и о том, что за минувшие годы кинорежиссерами Л. Луковым, Ю. Солнцевой, А. Фроловым, Т. Родионовой, А. Швачко, Ю. Музыкантом и Н. Рашевской и другими были перенесены на киноэкран спектакли крупнейших театров страны, поставленные по драматургическим произведениям писателя нашими выдающимися театральными режиссерами.

В действующем фильмофонде страны находятся уже многие годы и пользуются неизменным успехом фильмы-спектакли «Варвары» и «Васса Железнова» (Малый театр), «Егор Булычов и другие» (Театр имени Вахтангова), «На дне» (МХАТ), «Враги» (Ленинградский Большой драматический имени М. Горького), «Дети солнца» (Киевский драматический театр имени Леси Украинки) и др. Незадолго до юбилея народный артист СССР Б. Бабочкин осуществил постановку фильма «Дачники» по одноименной пьесе А. М. Горького. Этот фильм интересен, между прочим, еще и тем, что он представляет собой словно перенесенный в реальный мир, мир без театральных условностей и декораций, давно уже полюбившийся зрителям спектакль Малого театра.

Высокая горьковская художественная взыскательность и требовательность, глубокая народность его творчества налагают определенный отпечаток на наше киноискусство. Горьковские традиции в советском кино — это не просто фраза. В остром социальном звучании кинопроизведений, в разработке кинематографистами наиболее волнующих и самых существенных проблем личности и общества, в тесной связи индивидуальных творческих устремлений художника с беззаветным служением социалистическому идеалу, в художественной выразительности, простоте и оригинальности формы, в новизне содержания и его воплощения советские люди справедливо усматривают верность нашего киноискусства горьковскому видению мира.

Слово Горького ныне не только читают, слышат, но и в и д я т миллионы и миллионы людей. Воплощенное на экране средствами киноискусства, оно становится зримым и ощутимым. Представляется бесспорным, что В. Пудовкин, М. Донской, Г. Рошаль, Б. Бабочкин, А. Разумный, Л. Луков, П. Петров-Бытов и многие другие советские киномастера, работавшие над горьковской темой, показали и доказали, что Горький как писатель необычайно кинематографичен. Авторская речь его произведений предельно выразительна и афористична, описания предметны и исчерпывающе точны, характеры героев целостны, их язык индивидуализирован, а поступки всегда внутренне оправданы и аргументированы. Композиция любой горьковской вещи лишена ложной занимательности, но сюжетные ее связи хорошо прослеживаются и правильно истолковываются. О чем еще может мечтать истинный художник экрана, по большому счету оценивающий свою ответственность перед обществом и хорошо понимающий высокое предназначение самого массового из искусств!

«Я одобряю кинематограф будущего, который, безусловно, займет исключительное место в нашей жизни» — так еще в 1915 году говорил А. М. Горький. Он предсказывал искусству кинематографа необычайную популярность и широчайшее распространение. Он предвидел, что кинематограф будущего «проникнет в демократическую среду» и, «считаясь с требованиями и вкусами народа», станет сеять «разумное, доброе, вечное», что он «явится распространителем широких знаний и популяризатором художественных произведений».

О том, насколько глубокой и серьезной была оценка А. М. Горьким перспектив и объективной необходимости развития кинематографии в новых, уже советских условиях, свидетельствует хотя бы тот факт, что весной 1919 года он работает над большим, детально продуманным планом кинoинсценировок из истории культуры. Проф. Н. А. Лебедев, который упоминает об этом плане в своей книге «Очерк истории кино СССР», сообщает, что в то же время сам Алексей Максимович пишет сценарий из жизни первобытного общества, в котором показывает, как возникла идея божества, как человек начал говорить, как появилась письменность.

Ныне, понятно, трудно сказать, почему идеи А. М. Горького тогда не были осуществлены. Но имя Горького оказалось навечно связанным с киноискусством, и его суждения о роли и значимости кино в жизни общества имеют для нас теперь поистине непреходящее значение.

С Горьким, с экранизацией его произведений в наше киноискусство пришло героическое начало, пришли новые герои, люди, близкие и родные всем тем, кто трудится, борется, отдает всего себя достижению всеобщего торжества социалистических идеалов. Мы услышали дыхание этих людей, биение их могучих сердец, окунулись в неотразимую глубину их глаз. От встречи с ними, от соприкосновения с их чудесными образами каждый из нас стал духовно богаче, морально чище и начал лучше, чем когда-то, понимать, какая это прекрасная должность — быть на земле человеком.

Наша вера в творческую неистощимость человека труда, в разум народа приобрела еще большую силу.

И не кино сделало это.

Это сделал Горький в кино.

„ГОРЖУСЬ, КАК ОРДЕНОМ...“

17 марта 1933 года А. М. Горький, живший тогда в Сорренто, получил письмо от учащихся Ногликской школы на Сахалине. Послание сахалинских школьников шло очень долго, более двух месяцев. Это письмо глубоко взволновало великого писателя, в нем он увидел факт большого культурно-исторического значения: ведь на этот раз его корреспондентами были дети нивхов, орочон, тунгусов — дети народов, возрожденных к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией.

31 марта того же года на Сахалин было отправлено ответное письмо.

«Здравствуйте, ребята!

Получил ваше письмо. Посылали вы его января 10, а до меня оно дошло 17 марта,— вот как далено от вас я живу!

Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо — подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но — не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, орочон. Ведь не удивительно, что дети европейцев грамотны,— удивительно и печально, что среди них есть безграмотные. А вы — дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери; ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы — учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племен, откроете перед ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом — великая радость для меня и для вас...

Примеру рабочих русских следуют рабочие всего мира, постепенно организуясь на борьбу против капиталистов. И вы, молодежь племен Сахалина, тоже должны принять в плоть и кровь вашу это учение, освобождающее весь трудовой народ земли.

Вам — как всем — надобно понять, что вы учитесь не только для себя, не только для того, чтобы освободить сородичей и единоплеменников ваших из плена темной старины,— вы учитесь для того, чтобы включить вашу свободную энергию в работу всего трудового народа земли,— в работу завоевания власти трудящихся над миром, в работу уничтожения угнетателей, хищников, паразитов.

Желаю вам, дети, бодрости духа и неутомимости в труде постижения грамоты!»

М. Горький

31 III. 33 г. Сорренто. Италия.

Письмо Горького широко известно, полный его текст опубликован в 27-м томе собрания сочинений писателя. Естественно, возникает вопрос, а где же письмо сахалинских школьников? Его недавно удалось обнаружить в Центральном Государственном архиве А. М. Горького.

Письмо это замечательно. Как к самому дорогому человеку обращаются ребята к А. М. Горькому.

«Добрый день, дорогой Алексей Максимович!

В начале января месяца мы получили с материка газеты, из которых узнали о прошедшем юбилее Вашей сорокалетней работы. Перед этим мы читали Ваши книги и, чтобы доказать свою любовь к Вам, мы решили: 1) написать Вам письмо, в котором рассказать, как мы живем; 2) организовать в школе охотничью артель имени Горького; 3) поставить свою учебу так, чтобы не было ни одного второгодника и успешно освоить учебную программу...

Мы живем на Сахалине. Средне-Восточный туземный район, поселок Ноглики. В поселке есть культбаза и туземная школа. В школе нас учится в этом году 90 учеников. Школа существует четвертый год и в 27 году была в другом селении, до этого раньше школ для нас совершенно не было. Мы дети-туземцы. Гиляки, тунгусы и орочоны.

Нам не только рассказывают, но мы сами видим, что раньше, до Советской власти, о нас никто не заботился, а старались больше обманывать и лишь только в 1925—26 годах, т. е. когда от нас ушли японцы и стала Советская власть — власть наша — жизнь стала все лучше и лучше. У нас сейчас в стойбищах свои туземные Советы, свой райком, председателем которого является гиляк тов. Ахмадеев. Наши родители почти все организованы в колхозы (артели). Для туземцев сейчас отпустили много денег для строительства и концентрации. Концентрацию уже проводили. Ученики, за исключением двух новичков, все пионеры или комсомольцы. Всего пионеров 64 и комсомольцев в районе 31 человек. Если взять туземцев в 25 году и сейчас и поставить их рядом, то мы сразу увидим большую перемену. В 1925 году туземец был забит, запуган (японской нагайкой). Сейчас — веселый, жизнерадостный туземец, строитель социализма. Мы поняли, что партия большевиков есть партия наша и Советская власть — это власть наша.

Туземцы летом занимаются рыболовством, зимой охотой. Плохо у нас то, что мы оторваны не только от материка, но и от нашего центра Сахалина — Александровска. Газеты получаем очень редко — два, три раза в год. Но скоро к нам будет часто ходить аэроплан — станция уже строится... Раньше учиться мы не хотели, боялись, и родители нас не пускали, сейчас же летом мы не дождемся, когда начнем учиться, так как поняли, что это нужно для нас же самих.

Нам бы очень хотелось, если бы Вы к нам приехали и посмотрели бы нашу жизнь. Мы знаем, что Вы ребят любите, но если этого сделать Вам нельзя, то обязательно напишите письмо, мы будем очень рады. Мы хотели бы писать Вам чаще и чаще получать от Вас ответы...

Письмо кончаем писать, когда получим ответ, напишем больше и пошлем Вам подарок.

До свидания. Желаем Вам много, много жить, а также приехать к нам, пожить с нами.

Составляли письмо 5-я и 4-я группа.

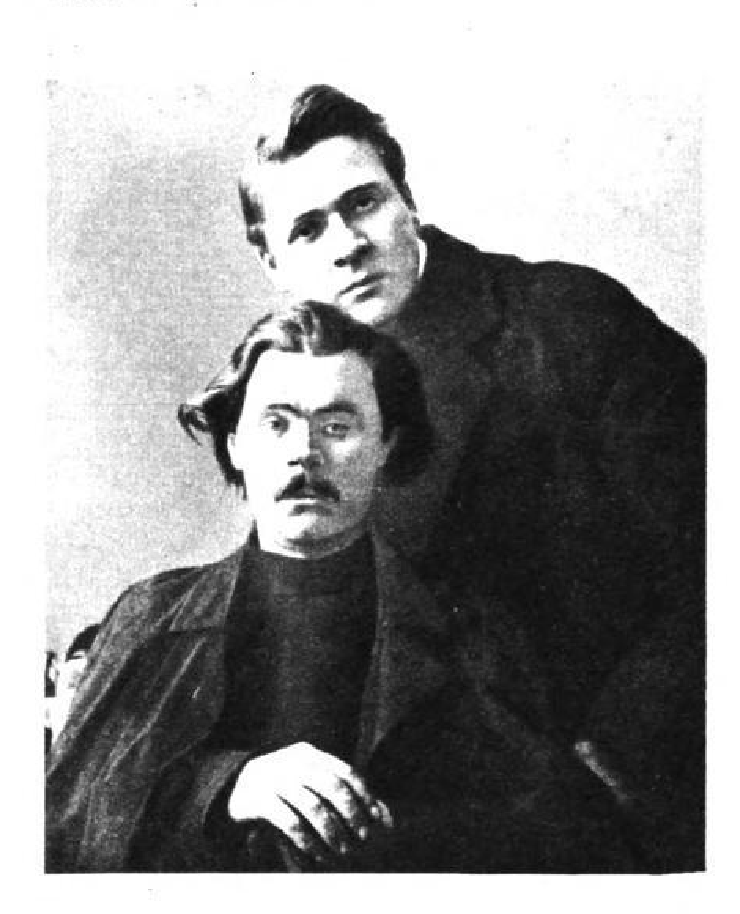
Зачитывали всем ученикам. Все аплодировали.

Председатель учкома.
Секретарь ячейки ВЛКСМ.
Председатель Совета базы.
10 января 1933 года».

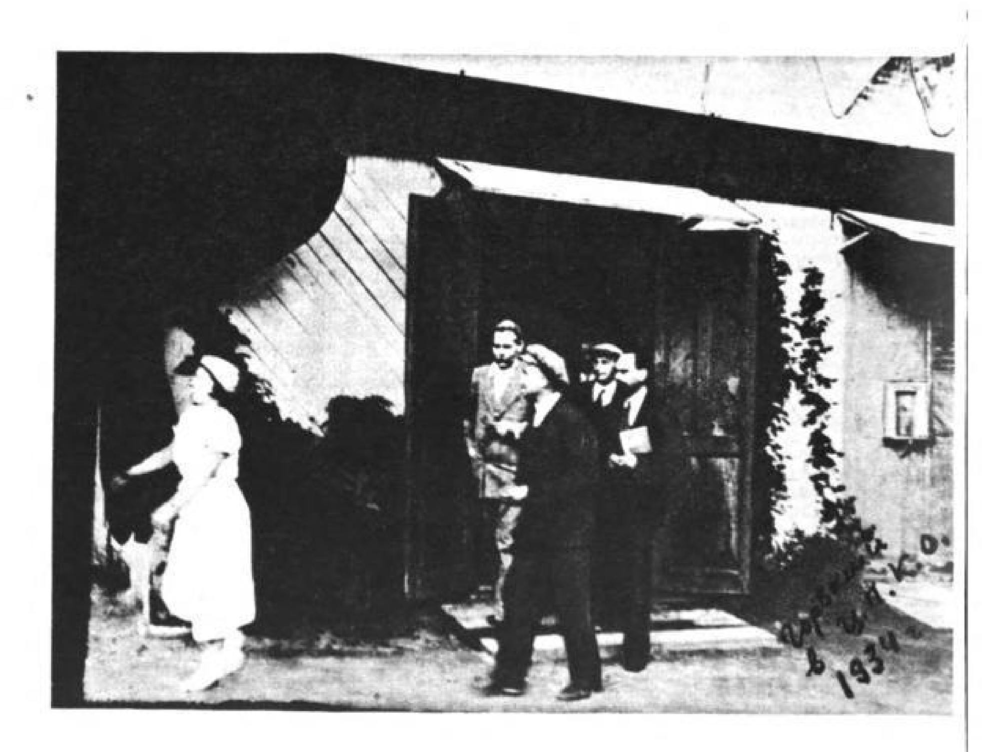
С той поры прошло без малого тридцать пять лет. Ноглики стали центром промышленного района. Здесь добывается нефть, заготавливается древесина, ведется добыча рыбы. Национальная нивхская рыболовецкая артель «Восток» — одна из самых богатых на северном побережье Сахалина. В Ногликах теперь две большие школы. Недавно школа-интернат для детей народов Севера переехала в новое светлое здание. Многие выпускники Ногликской школы-интерната учатся в Москве, Ленинграде, Хабаровске, Благовещенске. Бывшие воспитанники интерната работают учителями, врачами, операторами по добыче нефти.

Можно сказать, что сбылись слова Горького, который советовал в 1933 году ребятам из Ноглик «включить... энергию в работу всего трудового народа земли...»

Д. РАЧКОВ,
кандидат филологических наук.
г. Южно-Сахалинск.



ДРУЖБА ВЕЛИКИХ



Говоря об А. М. Горьком, нельзя не вспомнить о его друге Федоре Ивановиче Шаляпине. Поистине необычна и великолепна была дружба этих великих русских людей — глашатаев народной силы и красоты.

Дружба эта взаимно обогащала их, и Федор Иванович считал Горького самым близким и дорогим ему человеком, бесконечно верил ему.

Считаясь с мнением и вкусом Алексея Максимовича, он обратился к нему с просьбой подобрать книги для своей личной библиотеки. Горький охотно согласился, и библиотека Шаляпина обогатилась классикой русской и иностранной литературы, книгами по искусству, истории и философии. Особенно ценил Федор Иванович личный подарок Горького — Полное собрание сочинений писателя, где на странице первого тома была следующая надпись:

«Милый человек Федор Иванович! Нам с тобой нужно быть товарищами, мы люди одной судьбы. Будем же любить друг друга и напоминать друг другу о прошлом нашем, о тех людях, что остались внизу и сзади нас, тогда как мы с тобой ушли вперед и в гору. И будем работать для родного русского искусства, для славного нашего народа. Мы — его ростки, от него вышли и — ему все наше! Вперед, дружище! Вперед, товарищ, рука об руку!

М. Горький

Нижний. 30 августа».

По инициативе Горького и на средства моего отца, посылавшего Горькому деньги на революционное дело, была построена под Нижним Новгородом, в деревне Александровке, школа для бедных крестьянских детей (ныне на месте старой школы построена новая, и ей присвоено имя Шаляпина).

На сборы с концертов Федора Ивановича достраивался и Народный дом в Нижнем Новгороде (ныне Театр оперы и балета имени Пушкина), это тоже была идея Алексея Максимовича. Много еще друзья творили благородных дел, облегчая участь бедных и обездоленных людей.

Прошло с тех пор более полувека. Нет в живых ни Горького, ни Шаляпина, но память о них не меркнет, и я с благоговением храню томик со столь знаменательной надписью.

Ирина ШАЛЯПИНА

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ" (СПб., Невскій 92)

М. Горькій.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Неизвестная фотография А. М. Горького

В личном архиве Дмитрия Кедрина сохранилась фотография, сделанная неизвестным фотографом-любителем в день, когда Алексей Максимович Горький посетил выставку советской художественной литературы. Она была открыта в ЦПКиО в Москве накануне I съезда писателей.

Дмитрий Кедрин — тогда молодой и никому еще не известный поэт — работал здесь экскурсоводом. Он сопровождал Горького по выставке. Алексей Максимович не знал Кедрина в лицо, не знал, что этот скромный молодой человек в пенсне — автор стихотворения «Кукла», которое два года назад передал ему Всеволод Иванов, когда в редакции «Красной нови» возникли разногласия по поводу его публикации. Тогда благодаря вмешательству Горького стихотворение было напечатано, а во время встречи руководителей партии и правительства с группой писателей на его квартире Горький, как вспоминал Владимир Луговской, достал листок с отпечатанным на машинке текстом и сказал:

— Луговской, прочти, да получше.

Кедрин тогда тоже не знал, что его «Кукла» заслужила высокую оценку Горького,— ему сообщили об этом лишь в 1940 году. Гуманистические идеи великого пролетарского писателя, его высказывания о неиссякаемом таланте русского народа, о трагической судьбе одаренных самоучек были близки Кедрину на всем протяжении его нелегкого творческого пути и нашли отражение и в знаменитых «Зодчих», и в поэме «Конь», и особенно заметно в балладе «Мать», рассказывающей о материнской любви, что сильнее смерти.

В июне 1936 года Кедрин написал на обороте этой фотографии: «М. Горький на выставке «15 лет советской художественной литературы» в Парке культуры и отдыха в 1934 году. Впереди Глан, рядом Эфрос и другие работники оргкомитета и выставки». Скромность не позволила ему добавить, что среди «других» (справа в дверях, в кепке) и он сам — поэт Дмитрий Кедрин.

Эрлен КИЯН

Вокруг нижегородского «дна»

На нашей фотографии народный артист республики В. Я. Самойлов в роли Сатина и работники Горьковского речного порта Николай Ящерицын и Анатолий Зузлаев. Только что они посмотрели спектакль «На дне» и вот пришли к актеру за кулисы. Лишь театры и книги могут дать представление современным крановщикам, бульдозеристам, шоферам и другим портовым рабочим о том, какой была нищей и дикой жизнь их дореволюционных собратьев — крючников, грузчиков, бурлаков. Электрокары, автопогрузчики, подъемные краны и транспортеры заменили тяжкий физический труд, а масштабы работы стали такими, что никаким купцам не снилось. По четыреста тонн грузов перерабатывает за смену одна только бригада Анатолия Зузлаева, потомственного волжанина. Один дед его работал в порту, другой плавал матросом. Живет бригадир в новом доме недалеко от порта, а вскоре собирается справлять новоселье в отдельной квартире.

На другой день после спектакля Владимир Яковлевич Самойлов показывал молодым портовикам «натуру»: угрюмого вида красное здание, массивным кирпичом подпирающее белоснежную гору. Тут была знаменитая ночлежка, построенная миллионером Н. Бугровым. Говорят, что нары в ней обивали железом для «гигиены и прочности». Дом этот А. М. Горький хорошо знал, во что никак не мог поверить миллионер: «...что в ночлежном жили вы,— это мне слишком удивительно. Потому что я привык думать: из этого дома, как из омута, никуда нет путей».

Наискосок от бугровского дома — большое, с колоннами белое здание. Здесь помещалась чайная «Столбы», которую Горький организовал для бездомных и безработных, обитавших в ночлежках По праздникам в ней устраивались концерты.

А за «Столбами» до самой реки тянутся узкие, продуваемые ветром улицы и проулки складов, бывших купеческих лабазов и старых, обшарпанных домов. Названия тут тоже старые, вроде Кожевенной улицы, Магистратской, Рыбного... каким-то чудом уцелели здесь вывески вроде: «Пѣкарня», написанная через «ять». Воспринимается это все сейчас как деталь театрального интерьера, не хватает только босяков в лохмотьях. Художник и директор театра имени Горького, заслуженный деятель искусств РСФСР В. Я. Герасименко, прежде чем создать декорации к спектаклю «На дне», много и долго изучал этот сохранившийся уголок старого Нижнего. Однажды он встретился тут с высокой старухой. Женщина хорошо помнит время, когда в «Столбах» на две копейки давали ночлежникам чай, булку, кружок колбасы и они могли сидеть тут в тепле и читать книги до самого вечера. Старуха утверждала, что с ней как-то разговаривал сам Горький. Сейчас она живет в доме, что позади «Столбов», получает пенсию. В этом доме есть вход по наружной лестнице. Очень похожую лестницу можно видеть сегодня в спектакле. Она ведет к Костылеву, содержателю ночлежки...

Так в этом городе удивительно переплелись история с действительностью, сцена с жизнью. Прошлое предстает особенно многогранно в театре. Ведь в этом театре начиная с 1901 года была сыграна вся, за исключением одноактной пьесы «Дети», драматургия М. Горького.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото А. Гостева.

Внучка бабушки Кашириной

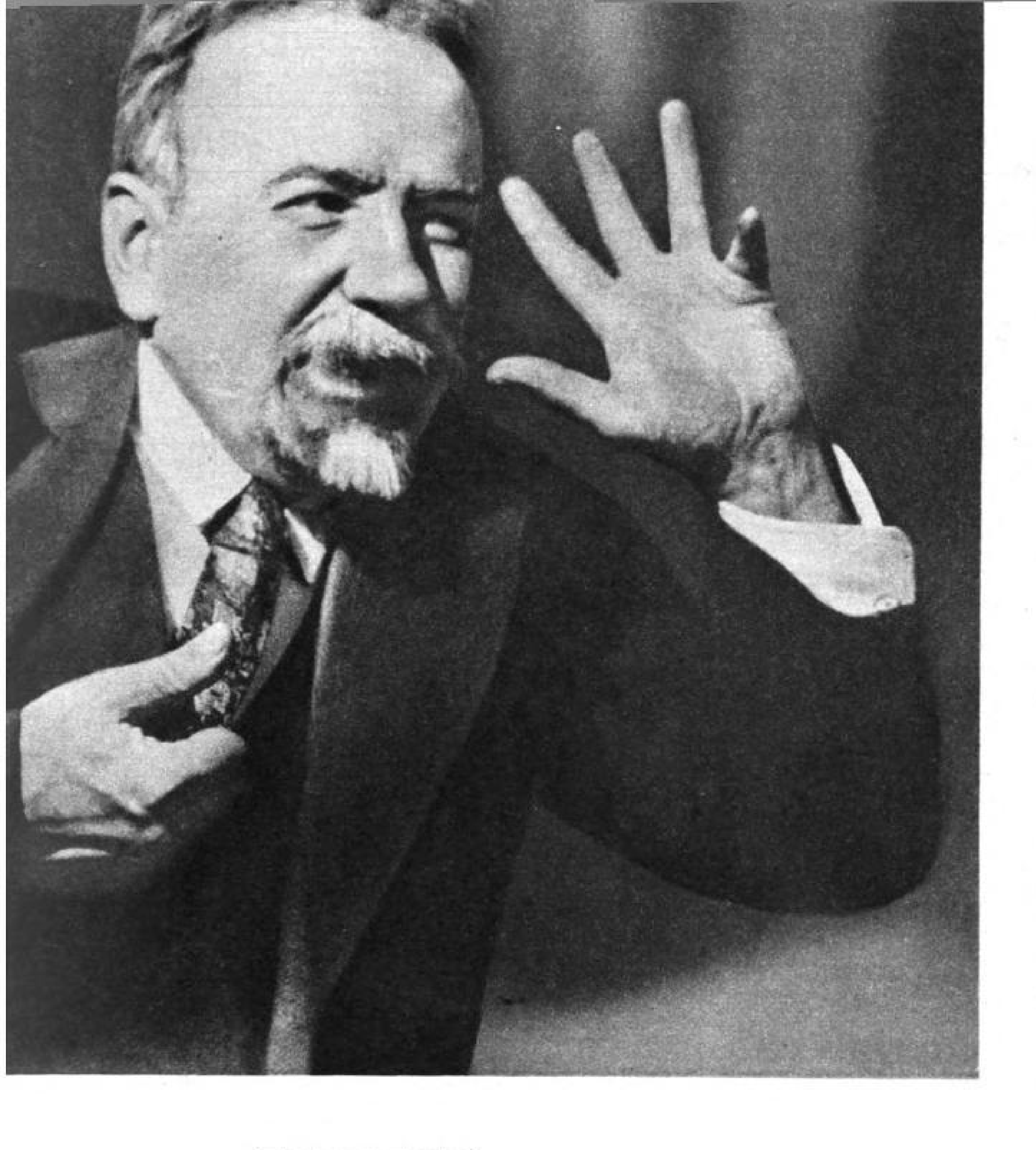
Проживает в городе Горьком, на улице Белинского, дом № 13, квартира 20, родственница писателя Евгения Владимировна Весовщикова-Фролова, по матери Каширина, внучка знаменитой бабушки А. М. Горького — Акулины Ивановны Кашириной.

Евгения Владимировна — дочь рабочего-медника на судостроительном заводе. Ей сейчас 87 лет, она родилась в 1881 году.

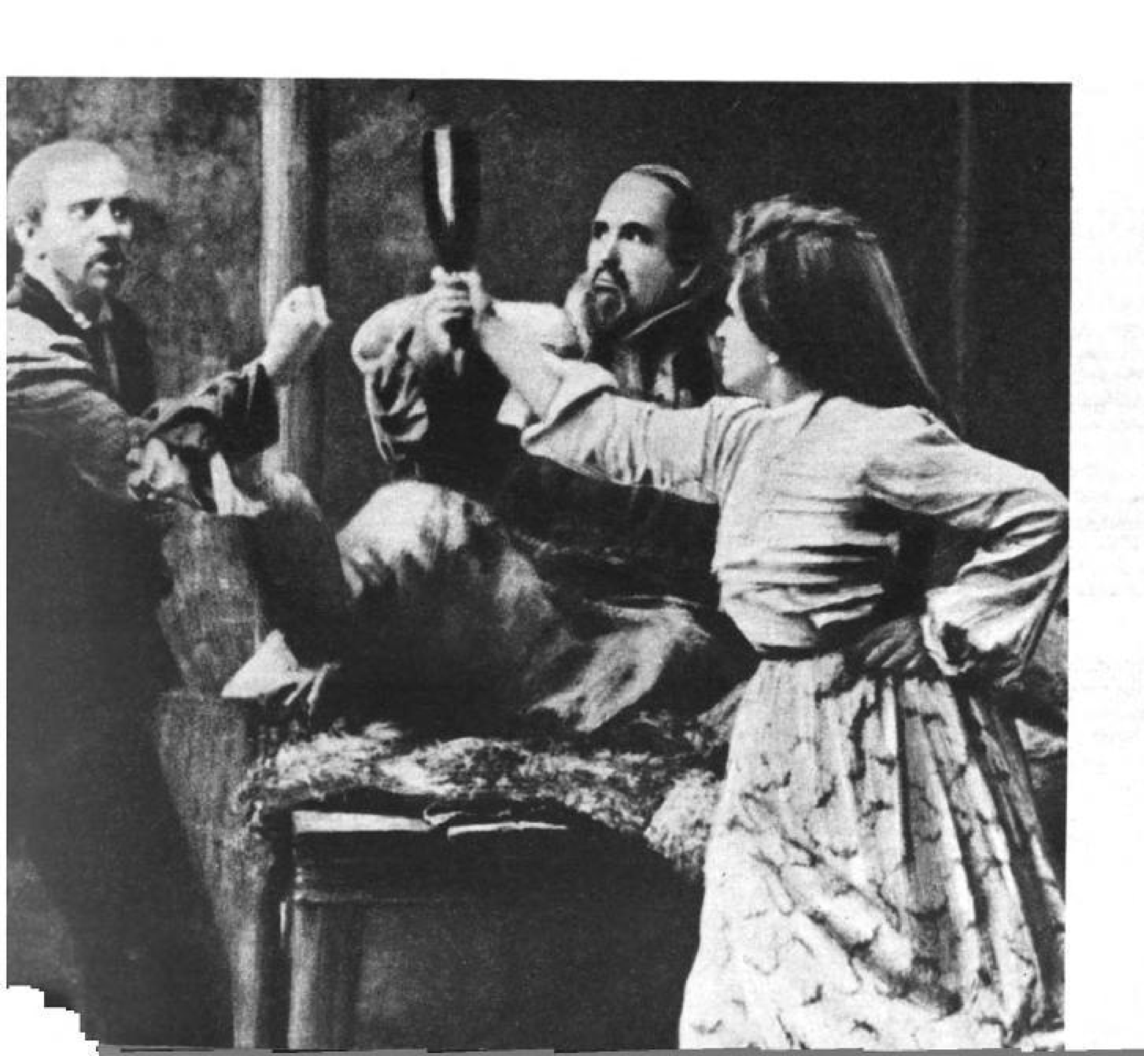
В 1899 году Алексей Максимович выдавал ее замуж за сормовского рабочего-котельщика И. В. Фролова. Он подарил ей приданое и был на свадьбе посаженым отцом.

Об этом Евгения Владимировна и сейчас вспоминает.

Н. ЗАБУРДАЕВ,
директор Музея А. М. Горького
в г. Горьком



ПРИЗНАНО ВО



Егор Булычов — Б. Щукин. Театр имени Евг. Вахтангова.

Горький среди исполнителей спектакля «Мещане». МХТ. 1902.

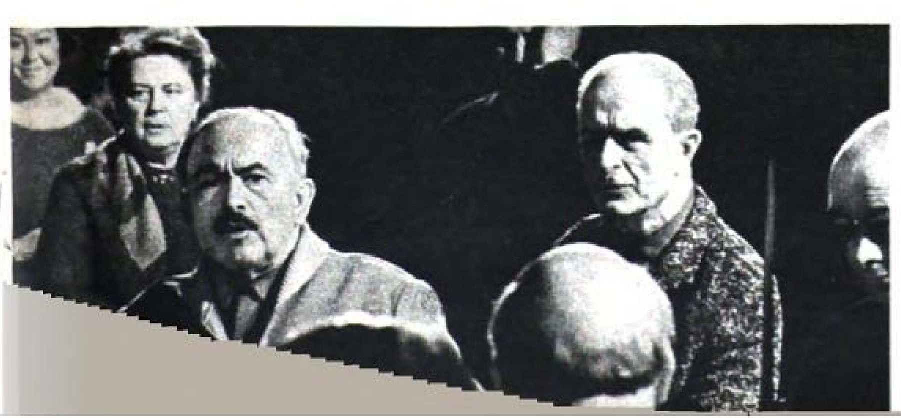
ВСЕМ МИРЕ

«На дне». МХАТ.
Настя — О. Книппер-Чехова.
Барон — В. Качалов, Татарин — А. Вишневский.

Прага. «Последние». Национальный театр.
Иван — Р. Грушинский.

Васса Железнова—В. Пашенная. Малый театр.

Старик — П. Гайдебуров. Ленинград.



На репетиции спектакля «Враги» во МХАТе.

И. ВЕРШИНИНА

На титульном листе большого кожаного альбома написано по-русски: «Музею МХАТ. В знак нашего уважения шлем Вам альбом снимков из спектакля «Накануне». Этот спектакль посвящен памяти режиссера И. Хидзиката, который был популяризатором советских пьес в Японии». Со всей страны для участия в спектакле приглашали исполнителей: ведущие актеры 10 японских трупп — воспитанники прославленного режиссера — играют основные роли. Их подписи-иероглифы стоят здесь на титуле.

Все это, бесспорно, очень интересно, только непонятно, почему именно МХАТу прислали этот подарок актеры Японии.

Не без любопытства рассматриваем фотографии.

Типичный русский купеческий дом — пестрые собранные занавески на окнах и дверях, на стене портреты в резных рамах, большой стол с цветастой скатертью, стулья, кресла, лестница наверх... Знакомая обстановка! Да ведь это дом Егора Булычова. А вот и его обитатели: Шурка — лукавая, озорная; тупая, самоуверенная Ксения; властная игуменья Мелания; оробевший и растерянный Трубач и, наконец, сам Булычов. К сожалению, мы не знаем этих актеров, но сразу узнаем горьковских героев. И приятно удивляет не только эта точность в трактовке образов, но и отсутствие в декорациях, париках, гримах, жестах, мизансценах какой бы то ни было «клюквы» — все достоверно и убедительно.

За рубежом немалый опыт в постановке Горького. Ведь еще Василий Иванович Качалов вспоминал, что во время гастролей Художественного театра по Европе в 1906 году, в Берлине, шли «Дети солнца» и «На дне» в постановке Макса Рейнгардта.

А из картотеки музея МХАТа мы узнаем, что на сценах Японии, кроме «Накануне» — постановка, объединившая две пьесы: «Егор Булычов...» и «Достигаев...»,— идут спектакли: «На дне», «Последние», «Достигаев...», «Враги»...

Здесь же в фондах музея нам показывают небольшие куклы на подставке: Лука, Настя, Сатин. Несмотря на тщательность костюма и даже кажущееся сходство с актерами МХАТа, техника исполнения выдает их японское происхождение. Эти куклы подарили недавно театру во время его гастролей в Японии, где, как всегда, большим успехом пользовалась драматургия Горького.

— Сейчас нас вновь приглашают на гастроли в Японию,— рассказывает Алла Константиновна Тарасова,— и снова просят Горького.

У нас в репертуаре три спектакля — «На дне», «Егор Булычов...» с Ливановым в заглавной роли и «Мещане». И вот сейчас возобновляем «Враги»,— продолжает Тарасова.

Когда в 1935 году Владимир Иванович Немирович-Данченко ставил «Врагов», работа над ролью Татьяны была первой моей серьезной актерской встречей с драматургией Горького. До этого я, правда, несколько раз сыграла Настю в «На дне». Это было во время гастролей театра в Америке в 23—24-м годах. Заболела Книппер-Чехова, превосходная Настя, и антрепренер, пригласивший нас, сказал: «Пусть играет хоть билетерша»,— лишь бы не отказываться от спектакля, который шел с огромным успехом. Билетерш мы с собой не возили, видно, поэтому на роль срочно стали вводить меня, начинающую актрису. Но Горького нельзя играть с пяти-шести репетиций, тем более в таком спектакле, как «На дне», о котором даже Ермолова писала, что «...после спектакля не могла опомниться две недели». Это Ермолова! Да и Горький говорил Качалову, игравшему Барона: «Это гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал». А Станиславский — Сатин! Шевченко — Василиса! Москвин — Лука!.. Все это вершина актерского и режиссерского искусства. И мне, совсем еще неопытной актрисе, предстояло войти в такой спектакль, к тому же без всякой подготовки. Конечно, партнеры мне очень помогали, и все же... роль эта не стала моей плотью, как стала Татьяна.

Только по-настоящему работая над пьесой, понимаешь, сколько дает Горький актеру. Немирович-

«Варвары». Ленинградский Большой драматический театр. Монахова — Т. Доронина.

«Дачники». Малый театр. Юлия Филипповна — Э. Быстрицкая.

«Дети солнца» в Киевском театре имени Леси Украинки. Протасов — М. Романов.

Данченко очень интересно репетировал «Врагов», создавая на сцене атмосферу, насыщенную страстями и гневом. Я долго не могла найти главное в Татьяне, и Немирович сказал мне: «Вы должны играть королеву, королеву!» Когда я сквозь эту призму посмотрела на то, как ведет себя Татьяна с окружающими, как разговаривает, я по-другому почувствовала и поняла образ. Владимир Иванович очень строго относился к точной передаче текста каждого автора. И на репетиции не только от актера, но даже от суфлера требовал неукоснительно следовать тексту. Не просто что говорит герой, а КАК. Как построена фраза — порядок слов, есть ли союз, где стоит предлог, это все очень важно для характеристики персонажа, особенно у Горького.

Сейчас я во «Врагах» играю Полину. Казалось, роль да и всю пьесу знаю наизусть — сколько раз мы играли этот спектакль! Признаться, Полину я не находила очень интересной. Но когда стала работать, вдумываться в каждую ее реплику, Полина мне открылась совершенно по-новому. Не беспомощная, безвольная жена Захара, а фабрикантша, хозяйка, взбалмошная, но уверенная в себе, в могуществе, силе, а главное, незыблемости своего положения.

Я помню таких людей,— продолжает Тарасова,— я их видела в юности. Они верили в силу своего класса, своего капитала, своих привилегий и долго не могли осознать, что революция все изменила, все сломала, и не на время, а навсегда. Такую Полину мне играть интересно.

...Звонок прерывает нашу беседу, которая идет в фойе театра в перерыве репетиции. Алла Константиновна торопится на сцену. Выход Полины, правда, не скоро, но как не посмотреть, а в случае необходимости не помочь Юрьевой, которая теперь играет ее Татьяну! Да и Гуляевой — Наде, Хромовой — Клеопатре у такой актрисы, как Тарасова, всегда есть чему поучиться.

В зале темно; только на режиссерском столике в проходе зажигается лампа. Видны силуэты сидящих актеров — это те, кто сейчас не занят на сцене,— Грибов, Кторов, Титова, Алексеев, Трошин, Пузырев, Губанов... Постановщик спектакля М. Н. Кедров. А на сцене знакомая по прежней постановке декорация художника Дмитриева.

«Враги» я считаю лучшим современным драматическим спектаклем и одним из лучших в истории Художественного театра»,— говорил Немирович-Данченко. Трудно молодым актерам входить в такой спектакль, но права Тарасова: «Время идет, и роли меняются». Предстоящая премьера «Врагов» в день 100-летия со дня рождения Горького — огромное событие для любого артиста МХАТа, играет ли он Захара Бардина или рабочего в массовке.

Готовятся к юбилею замечательного русского писателя и другие советские театры. Перечислять их — все равно что перепечатать из театрального справочника наименования всех драматических театров Союза.

Ну, а какие встречи с горьковскими героями предстоят за рубежом?

В Англии Лоренс Оливье репетирует Булычова. В ГДР Елена Вайгель блестяще играет Мать в инсценировке, которую еще Брехт сделал для нее. В Чехословакии Р. Грушинский — превосходный Иван в «Последних».

В Венгрии и Румынии Горький с афиши не сходит. Парижский театр «Одеон» недавно показал «Врагов».

И невольно снова возвращаемся к мхатовским «Врагам». Тридцать лет тому назад, в августе 1937 года, МХАТ открывал этим спектаклем свои гастроли в Париже. И сейчас, листая французские газеты тех дней, мы видим, что огромные статьи, рецензии, посвященные «Врагам», не сходят со страниц весь месяц: «После представления бурная овация длилась не менее 10 минут...», «Театр Елисейских полей переполнен» (это в августе в Париже!). А «Фигаро» писала:

«Конец третьего акта, когда Татьяна говорит о рабочих: «Эти люди победят»,— вызвал бурный энтузиазм зрительного зала».

Читая сейчас эти газеты, невольно вспоминаешь слова Горького, сказанные в 1933 году Станиславскому: «Благотворное влияние Вашего театра явно и признано во всем мире».

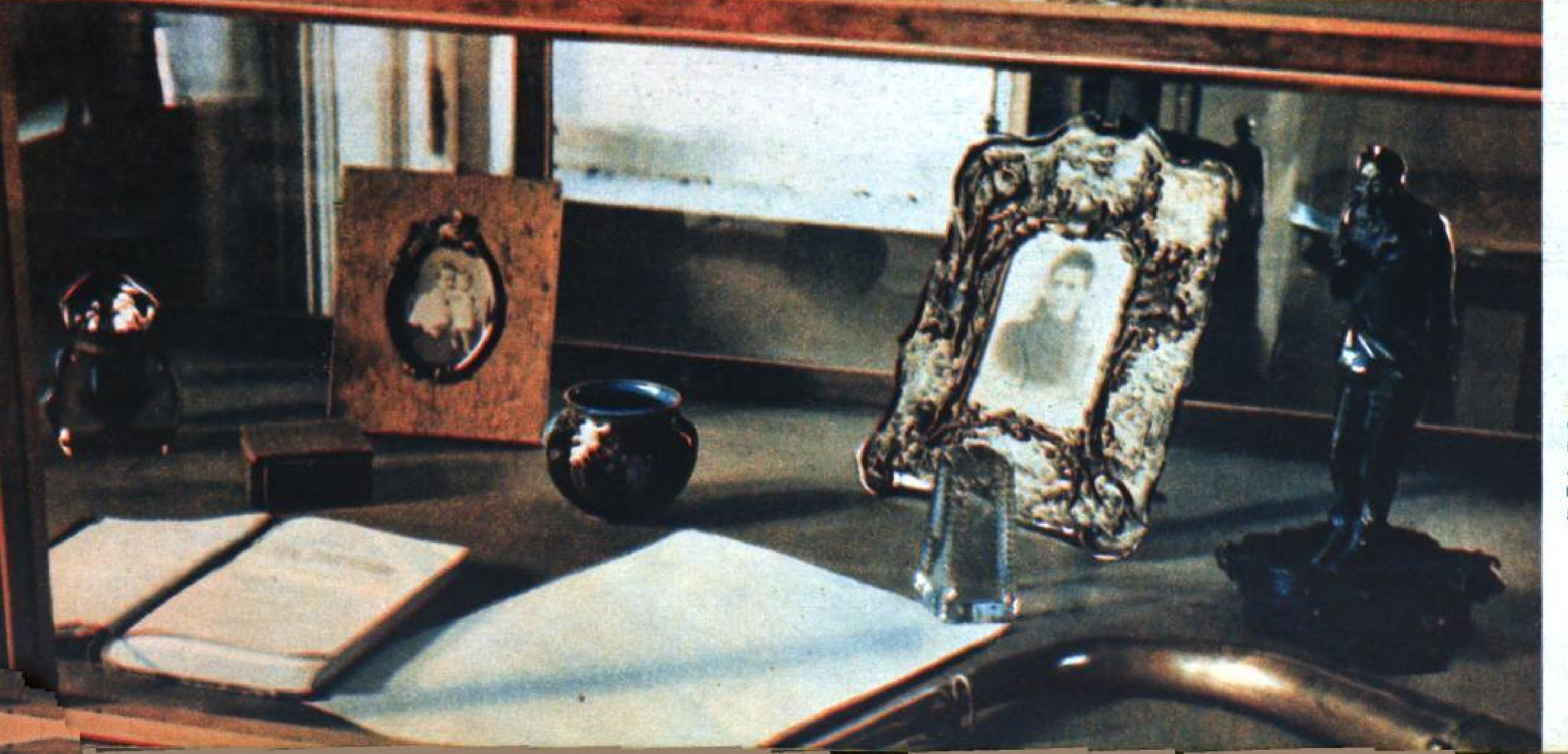
Сцена из спектакля «На дне» в Московском Художественном академическом театре имени Горького. Фото А. ГЛАДШТЕЙНА.

«Дачники» в Государственном академическом Малом театре.

Фото А. ГОСТЕВА.

Гусли Степана Скитальца. Пузатый медный самовар из «поповой бани». Полочка Максимки. Тюбетейка Катюши... Все эти вещи хранятся теперь в музее имени А. М. Горького в городе Горьком.

«Домик Каширина» на крутобоком Почтовом съезде... Почти сто лет назад жил здесь у деда Алеша Пешков.



За этим столом в последней нижегородской квартире писателя в доме Киршбаума были написаны «Дачники», «Человек» и обдумывалась «Мать»...

Мастеровой из Нижнего

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Есть что-то глубоко общее, кровное, что породнило город и человека. Может быть, вольная стать, гордый взмах соколиных крыльев? Помнится репинское: «Этот царственно поставленный над всем востоком России город совсем закружил наши головы». И видится мухинское: бронзовый человек на гранитной скале, распахнутая навстречу ветру крылатка, энергичный поворот головы. В нем воля и сила, во взгляде смелость и дерзость. Не человек встал над площадью, а гордая птица — Буревестник над волжскими далями!

Оттого и сам город, если бы он и не носил его имени, принадлежал бы ему, его бессмертной славе, его песне.

Не счесть тут мест, связанных с писателем. Я попытаюсь рассказать лишь об одном доме, известном как дом Киршбаума. В путеводителе указано, что Пешковы жили в нем в 1902—1904 годах, занимали весь второй этаж из десяти комнат и что это была последняя нижегородская квартира писателя. 1902 год... Сейчас 1968-й. Между ними пролегли эпохи. Застать тех, кто помнит горьковские времена,— пустая затея. Впрочем, неужели ничего не сохранилось с тех пор? А вдруг?..

Улица Семашко. Дома больше деревянные, дремотные, лениво сбегающие вниз, к площади Свободы. Дом Киршбаума, что на верхнем взгорке,— двухэтажный, в семь окон по фасаду, с обширным мезонином. Нижний этаж каменный. Под окнами высоченные, чуть не в два дома, тополя, обляпанные грачиными гнездами. Когда посадили их?

Парадный вход за углом дома в проулке. Сразу же лестница наверх — здесь дверь со множеством звонковых кнопок. Стучу в первую комнату направо. Вначале, когда переехали сюда Пешковы, она была кабинетом писателя. Но вскоре пришлось перевести кабинет в противоположный, самый дальний угол коридора. От посетителей не было отбоя, и Алексею Максимовичу совершенно невозможно было работать. Сейчас здесь живет мастер-повар Линев и его сын — студент Политехнического института. Линев показывает место, где стояло кресло-качалка, где — стол, и говорит это с такой убежденностью, точно видел он все это сам, хотя лет ему не больше пятидесяти. И тут он далеко не первый квартиросъемщик.

Еще одна комната — большая, солнечная, в два окна.

— Ну, конечно, здесь была детская! — «опознает» комнату Ольга Михайловна Лебедева, с которой мы ходим по квартире.— Стоял ящик с Катиными игрушками, и еще был диван. Если мы попадались Алексею Максимовичу на глаза, он хватал нас сразу обеих под мышки и тащил на диван. Пока мы там барахтались, Алексей Максимович басил: «Мала куча, мала!» Или выбегал во двор по черной лестнице и играл с нами в снежки.

Ольга Михайловна Лебедева — подруга Кати, дочери Пешковых, старше ее была всего на два года. (Катя умерла в 1906 году). Мать Ольги Михайловны — Олимпиада Захаровна Лебедева, урожденная Васильева, была своим человеком в доме Пешковых. Сама она работала швеей и, уходя утром из дому, отводила девочку на весь день к Пешковым. Кстати, Олимпиада Захаровна послужила прототипом милой Поленьки в «Мещанах». Брат Олимпиады Захаровны, Николай Захарович Васильев, был другом Горького еще с юных лет, с тех пор, когда Алеша разносил по домам румяные крендели и булки. Хорошо знал писатель и отца Ольги Михайловны, члена социал-демократических кружков, революционера, столяра-краснодеревщика Михаила Лебедева. Это он делал для Алексея Максимовича полки, шкафы и потайные ящики к письменному столу. Это за него вносил Горький акцизный залог, когда понадобилось столяру стать сидельцем винной лавки в деревне Понетаевке под Арзамасом. А в погребе той лавки находился типографский станок, приобретенный не без содействия писателя, на котором тайно печатались воззвания, листовки, экземпляры большевистской «Искры».

Мать Ольги Михайловны незадолго до кончины передала дочери все документы и материалы тех лет и продиктовала все, что помнила и знала сама.

Второй этаж дома при Пешковых стал своего рода неофициальным клубом, в котором собирались представители прогрессивной интеллигенции. Тут бывали Леонид Андреев и А. Б. Гольденвейзер, нижегородские подпольщики Я. М. Свердлов, А. И. Пискунов, Д. А. Павлов и А. В. Яровицкий. «К нам приходили,— писала позже Е. П. Пешкова,— приезжали, жили днями, а иной раз и месяцами писатели, общественные деятели, артисты, студенты, партийные работники, рабочие...» Ну, а если гостил сам Соловей Будимирович (Федор Шаляпин), то слушателей не вмещала столовая. Стояли в коридоре и, толпой, под окнами на улице. И филеры, забыв про свои обязанности, тоже стояли разинув рты и слушали.

— Алексей Максимович знал многих шпиков в лицо,— рассказывает Ольга Михайловна.— Однажды, идя по улице, он увидел одного конспиративного товарища, а тут маячил шпик. Как быть? Алексей Максимович вырвал из блокнота листок, что-то написал на нем и со словами: «быстро отнеси в участок», подал его шпику. Тот побежал и не успел даже разглядеть идущего вдали прохожего. А на листке было написано: «Уберите этого дурака».

Но вернемся к нашему дому. Осталось осмотреть самое заветное — рабочий кабинет писателя, ту комнату, в которой рождались «Дачники», «Человек» и вынашивалась идея «Матери». Раньше в кабинет можно было пройти общим коридором, теперь его перегородила стена с дверью на запоре. Чтоб попасть в кабинет, спускаемся черной лестницей и подымаемся на второй этаж отдельным ходом со двора. Долго звоним. Дверь открывает очень пожилой человек небольшого роста, седоголовый. О нем я уже кое-что знаю от Ольги Михайловны. Михаил Петрович Колмаков — старый коммунист, участник революций 1905 и 1917 годов. Перед уходом на пенсию был директором завода «Теплоход». Ольга Михайловна сейчас встречается с ним в Комитете старых нижегородцев.

Михаил Петрович проводит нас в угловую комнату, ту самую... С понятным волнением переступаем ее порог. Сколько раз на дню ходил тут Горький? Комната продолговатая, розовая, с широкой розовой голландкой. Я стараюсь себе представить, как все тут было тогда. Помогает старая фотография кабинета. Ага, вот тут, где сейчас шкаф, стоял письменный стол со статуэткой — Станиславский в роли доктора Штокмана (в те дни, к слову, на сцене двух театров — МХТа и Нижегородского — только что было поставлено «Дно», как автор называл свою пьесу «На дне»), с портретами Максимки и Чехова, чернильницей, карандашницей, пепельницей. На стене, под массивной полкой для книг,— портрет Льва Толстого. У окна, заставленного сейчас цветами, стоял круглый столик с мраморным верхом. По комнате вышагивал, покашливая, высокий, чуть сутуловатый человек с длинными, падающими мягкой волной волосами... Подходил к окну, смотрел в сад.

— Как давно вы тут живете?

— С тысяча девятьсот двадцать первого года. Был тогда начальником нижегородского Управления недвижимого имущества. Национализацию проводили. Думал, что не злоупотреблю властью, поселившись в этой комнате. Ничего здесь не перестраивал, сохранял все как было. Лепка на потолке с тех самых пор и лампа на том же месте. Только лампа была керосиновой, разумеется. Впрочем, у меня есть фонарь от пешковской лампы. Висел он не тут, в кабинете, а в спальне. Сберег.— Михаил Петрович зашаркал шлепанцами в коридоре.— Вот,— торжественно объявил он, неся перед собой зеленого тонкого стекла дынеобразный сосуд на шести медных цепях.— Вот сюда вставлялась пятилинейная лампа, а можно было закрепить и свечу. Воск еще есть, потрогайте.

— Вы уверены, что фонарь принадлежал Пешковым?

— А как же! Ко мне часто, пока живы были, заходили Дмитриев, фотограф, и Золотницкий, лечивший Горького. Они-то, увидев фонарь, и сказали мне, что его забыла, уезжая, Екатерина Павловна. Я лампой, конечно, не стал пользоваться. Спрятал. Сами понимаете, дорогая память.

— Может быть, вы и Горького знали? — с надеждой спрашиваю я.

— Как вам сказать, «знал». Я, конечно, видел его, встречал, слушал, даже разговаривал со мной Алексей Максимович. Но тогда мне было всего семнадцать лет. Только что приехал в Нижний, осваивался.

— Пожалуйста, Михаил Петрович, расскажите, при каких обстоятельствах это было.

— Издалека придется начинать, а то непонятно будет. Отец мой служил бакенщиком, где Клязьма в Оку впадает. Глухомань, полно дичи водилось. Однажды к нам на охоту приехал Свердлов с товарищами. Прокламации привез. Яков Михайлович сказал тогда отцу про меня: «Что ты его держишь тут, отпусти в Нижний». Так я в третьем году оказался в городе. Дядя мой работал тогда в компании пароходства «Надежда» котельщиком. И меня взял. В конторе, которую мы называли департаментом, могучая кучка тогда собралась. Тут работали Малченко, Сомов, Лежава... Все подпольщики и политические ссыльные. Малченко, знаете кто такой? Член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Работал вместе с Ильичем. А в конторе был главным механиком. Помню, пришел я к нему как-то по делу — в котле одного парохода трещину обнаружил. И надо было, чтоб инженер посмотрел этот котел. Сижу с ним, разговариваю. И вдруг Горький входит.

— Здравствуйте,— говорит он всем.

Контора была большая, целый зал. Помещалась на Нижнем базаре, в доме Водного транспорта. Все побросали работу, стали разговаривать с Горьким. Алексей Максимович, обращаясь к Сомову, еще пошутил: «Как дела, учитель?» Это тот самый казанский студент Сергей Сомов, за дружбу с которым и еще с Чекиным Горького посадили в 1889 году в острог. А теперь вот Сергей Григорьевич в тон писателю так же шутя ответил: «Только ученик перерос учителя».

Другой раз Алексей Максимович шел с ярмарки. Еще не видели его, а уже услыхали знакомый голос — окающий, низкий, глуховатый.

— Посмотрите, какая красота, какое изящное искусство! — восхищался он, держа на ладонях вытянутых рук петуха и попугая из дерева.

Очень любил он кустарные изделия.

Ну, а один раз я расхрабрился и пошел с дружком на Мартыновскую. Узнали, что Шаляпин приехал и остановился у Пешковых. Жил он в комнате рядом с кабинетом. Забрались мы в сад, сидим на скамеечке, ждем, когда запоет. Очень его послушать хотелось. А тут вдруг врач Золотницкий идет.

— Вы чего тут? — удивился он.— Идемте, книжек дадим.

Мы, конечно, застеснялись подыматься в квартиру. Через несколько минут видим: Алексей Максимович сам спускается с книжками в руках. Помню эти книжки: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, речи Ипполита Мышкина и Петра Алексеева на судах и «Буревестник»...

Шел как-то на рождество Алексей Максимович с Екатериной Павловной на елку к Долгополову, жил тот в Канавине, по Большому Бабушкинскому переулку. Я дежурил на улице. Мельком поздоровались — и все. Старались показать, что не знаем друг друга. А еще я стоял частенько в дозоре с Владимиром Буревым и Андреем Полтаракиным у дома Борейши. Там часто единомышленники собирались. Алексей Максимович ходил туда по обыкновению с Екатериной Павловной и Скитальцем. Как только что-нибудь подозрительное увидим — сразу предупреждаем условным стуком в окно. Скиталец брал тогда в руки гусли и запевал «За горами, за долами». Алексей Максимович обычно подпевал ему. Обстановка самая с виду мирная: на столе самовар кипит, хозяйка чай разливает. Гусли те Степана Скитальца, кстати, видели? В музее на улице Минина стоят.

Встречал Алексея Максимовича я и на самой пристани. Там была явочная точка. Виделся он там однажды и с Николаем Бауманом.

...Я поблагодарила Ольгу Михайловну и Михаила Петровича. Пора было уходить, а мне не хотелось. Хотелось что-то еще услышать и узнать. Думалось, что в таких вот старых нижегородских домах есть еще люди, которые, может быть, так же бережно охраняли Горького, как Михаил Петрович Колмаков, бывали у него в доме или просто видели и знали его. Я почему-то уверена, что многие тайнички обнаружатся, когда в бывшем владении Киршбаума откроется музей. Именно такое решение принял недавно горисполком. Очень хорошее решение. В Ленинграде на Мойке есть Музей-квартира Пушкина. В Ясной Поляне — Музей-усадьба Толстого. Теперь в городе на Волге, недалеко от Ковалихинской улицы, на которой родился Алексей Пешков, откроется Музей-квартира М. Горького. Она расскажет о том, как любил писатель свой город и как много для него делал.

И так каждый день...

Лидия БЫКОВЦЕВА,
кандидат филологических наук

Алексей Максимович написал колоссально много, хотя никогда не был кабинетным писателем. Он считал, что литератор обязан не только создавать книги, но и быть «участником всего того, что творится в стране».

Его общественно-революционная деятельность в дооктябрьский период, а в советские годы — работа в ЦЕКУБУ[1], организация ВИЭМа[2], поездки по стране, посещение заводов, новостроек, воинских частей, трудовых коммун, встречи с огромным количеством людей — свидетельство гражданской активности писателя.

Казалось, многообразные дела заполняли все его время. И поразительной представляется способность сочетать широкую общественно-политическую и литературно-организаторскую деятельность с творчеством, которое требует сосредоточенности и огромного внутреннего напряжения.

«Писать нужно каждый день», «Пишите больше, каждый день пишите»,— читаем мы в письмах Горького к начинающим писателям. И он не только призывал младших собратьев по перу трудиться упорно, работать систематически, он сам являл собой пример редкой волевой собранности, трудолюбия и работоспособности. Именно потому, что он писал регулярно, всегда, каждый день, он и успел сделать так много, а не потому, что писал быстро, легко, «с ходу».

Он умел находить «святые часы», чтобы делать основную работу — писать. Умел подчинить жизнь главному, что составляло ее смысл, цель. Талант для Горького — это «любовь к своей работе, уменье работать... отдавать всего себя, все свои силы избранному делу».

Он выработал твердый, раз и навсегда установленный режим работы, которого придерживался педантично, с упорством и настойчивостью.

Утром, когда часы показывали восемь, писатель выходил из своей комнаты. И начинал новый день с того, с чего обычно начинает его большинство людей,— с чтения газет. Собственно, утром Горький не читал, а лишь просматривал газеты, торопясь узнать, что делается в мире. Он отмечал все те статьи, которые следовало потом, во второй половине дня, внимательно прочитать.

Наскоро легко завтракал. Всегда одним и тем же: выпивал два сырых яйца с лимонным соком и чашку кофе.

В девять часов писатель садился за стол. И где бы он ни жил, обстановка кабинета не менялась. На письменном столе — привычные предметы, «орудия труда», аккуратно разложенные и расставленные им самим.

Он очень дорожил утренними часами и ревниво их оберегал. Не подходил к телефону. Никто не входил к нему в кабинет. Исключение составляли только маленькие внучки, появление которых всегда было приятно Алексею Максимовичу, поднимало его настроение.

Примечательная деталь: писатель даже брился вечером, чтобы не тратить на это драгоценные утренние минуты.

В два часа Алексей Максимович обедал. Затем шел подышать воздухом. Прогуливался или всего охотнее работал в саду, подрезал кусты, окапывал деревья, ухаживал за цветами.

В пять часов пил чай. И снова до восьми часов читал рукописи, редактировал, правил, писал рецензии, предисловия, письма.

После ужина — с восьми тридцати и до одиннадцати — у Алексея Максимовича бывали встречи с разными людьми, беседы с писателями, редакционные совещания, собрания.

В одиннадцать часов Горький слушал по радио последние известия и уходил к себе. Но на этом его рабочий день не кончался. Он трудился еще несколько часов, заканчивая ответы на письма, если их набиралось много.

Поздние вечерние часы он отдавал чтению. Переходил из кабинета в спальню, вешал лампу на крюк, специально вбитый у изголовья кровати, и, полулежа, высоко подложив под спину подушки, погружался в чтение.

Случалось, Горький увлекался, не замечая времени — листал страницу за страницей и не мог оторваться. Даже домашние не знали точно, когда он засыпал.

Страсть к чтению проявилась у будущего пи-

---

[1] Центральная комиссия по улучшению быта ученых, учрежденная в первые годы Советской власти под председательством Горького.

[2] Всесоюзный институт экспериментальной медицины, в 1944 году реорганизован в Академию медицинских наук.

сателя рано. И вряд ли можно назвать, кроме Горького, человека, в жизни которого книги сыграли такую же громадную, исключительную роль. Нижегородское Канавинское училище, как известно, было единственным учебным заведением, которое он посещал. А стал одним из образованнейших людей своего времени, обладателем феноменальных энциклопедических знаний.

«Совершенно потрясающее впечатление производит Горький и культурностью своей мысли,— писал А. В. Луначарский.— Это такая громадная начитанность, это такая громадная власть над языком, над всеми эпохами, над культурой... Культура здесь совершенно потрясающая».

Страстным, увлеченным читателем Алексей Максимович оставался до конца. В дни болезни, приведшей к трагическому концу, он читал «Наполеона» Е. Тарле. На многих страницах книги — его пометки красным карандашом. Последняя пометка примерно в середине книги, на странице 316. Дальше помет нет. Горький не успел дочитать книгу до конца.

Как бы долго ни длилось чтение, как бы поздно Горький ни засыпал, вставал он неизменно в восемь. И, таким образом, рабочий день писателя продолжался минимум 10—12 часов.

Он сам не раз свидетельствовал об этом: «...я пишу и читаю никогда не меньше 10 часов в сутки...»

Но не следует представлять Алексея Максимовича роботом, машиной, сверхчеловеком. Книги, природа, искусство, дружба наполняли и украшали его жизнь. Жизнелюбие составляло основу его личности.

Горький был большим любителем и знатоком изобразительного искусства. Живя в Италии, он с увлечением изучал итальянскую архитектуру, живопись, скульптуру. Не полагался только на свои глаза, на свою наблюдательность и восприимчивость, но дополнял впечатления сведениями, знаниями. Систематически выписывал, планомерно собирал книги по искусству, музейные путеводители, каталоги выставок. Время от времени, после долгих месяцев упорного, можно сказать, исступленного труда, он делал паузу, предпринимал поездки по стране, вновь посещал музеи, храмы, картинные галереи.

Вот, например, одна из таких поездок летом 1913 года. Писатель посетил Болонью, Венецию, Падую, Римини, Верону, Виченцу, Рим. Фрески Джотто в Падуе, спектакль оперы Верди «Аида» в античном амфитеатре Вероны произвели на него сильнейшее впечатление.

Свой последний день в Италии перед отъездом на Родину навсегда, теплый солнечный день 8 мая 1931 года, Алексей Максимович провел в музеях Неаполя, где до этого бывал несчетное число раз. В последний раз любовался он картинами Риберы, Тициана, Брейгеля.

А через несколько дней по пути на Родину Горький специально остановился в Стамбуле, чтобы осмотреть замечательный памятник византийского зодчества VI века Ая-Софию и побывать в стамбульском музее.

Приезжая даже на день-два в Ленинград, Алексей Максимович спешил заглянуть в Эрмитаж или Русский музей. И в каждом городе, где бывал, останавливаясь ненадолго, хотя бы проездом, считал за правило осмотреть музеи, картинные галереи, исторические или художественные памятники. В 1928 году, приехав в Армению, он наряду с посещением заводов, садоводческих колхозов, новых жилых домов с интересом осматривал древние памятники армянской культуры, побывал в Историческом музее Еревана, картинной галерее. Здесь произошло его знакомство с М. Сарьяном. На память об этой встрече художник подарил писателю картину — светлый, жизнерадостный пейзаж Армении. Алексей Максимович привез ее в Москву, в квартиру Екатерины Павловны Пешковой, где тогда жил, и по обыкновению, собственноручно повесил в самой большой комнате, в которой когда-то произошла памятная встреча с Лениным.

И. Репин, В. Серов, В. Васнецов, М. Нестеров, Н. Рерих, В. Ходасевич, П. Корин, Кукрыниксы, Б. Дехтерев, Д. Шмаринов... Перечислить художников, с которыми Алексей Максимович был знаком, дружил, которым помогал, невозможно. Совсем иначе могла сложиться судьба П. Корина, не повстречайся он с Горьким в очень нужный момент — в пору мучительных сомнений, трудностей, творческих исканий. Алексей Максимович прозорливо угадал ту особенность дарования Корина, которая еще не проявилась, о которой не подозревал сам художник. Он открыл в нем портретиста. Сейчас много великолепных коринских портретов: А. Толстой, Л. Леонидов, В. Качалов, К. Игумнов, М. Нестеров, С. Коненков, Н. Гамалея и, наконец, последние — М. Сарьян, Кукрыниксы, Р. Симонов, Ренато Гуттузо. Но и сейчас портрет А. М. Горького продолжает оставаться одним из лучших.

Кстати сказать, художник не успел тогда в Сорренто, куда он приехал по приглашению Алексея Максимовича, завершить работу над портретом. Он заканчивал его в доме Горького на Малой Никитской, так как в своей небольшой мастерской поместить не мог. Здесь портрет впервые увидела публика — литераторы, собравшиеся на историческое совещание 26 октября 1932 года.

В последней, московской квартире Горького на Малой Никитской царила атмосфера искусства. Здесь можно было встретить В. Качалова, И. Москвина, Л. Леонидова, А. Нежданову... Здесь читали вслух новые пьесы. Часто слышалось пение. Звучал рояль. Актеры, музыканты, певцы участвовали в домашних концертах у Горького.

Музыка сопутствовала писателю всегда. «Я очень люблю музыку»,— писал он глубокому знатоку ее Р. Роллану. А в письме к К. А. Федину утверждал: «Художнику слова вообще следует внимательно слушать музыку...»

Известно, каких композиторов и какие музыкальные произведения Горький любил. Особенно Бетховена, Грига, Баха, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Глинку.

Интересовался он и творчеством молодых композиторов, старался быть в курсе современной музыки. 8 июля 1935 года он вместе с гостившим в Москве Р. Ролланом слушал своеобразные творческие отчеты Д. Кабалевского, Л. Книппера, В. Белого, А. Веприка и др. Профессор Г. Нейгауз неоднократно исполнял писателю сочинения молодого Д. Шостаковича. Ю. Шапорин вспоминает, с каким интересом слушал Алексей Максимович оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» (в новой редакции — «Катерина Измайлова») в музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Ю. Шапорин играл Горькому отрывки из оперы «Декабристы», над которой тогда работал.

Алексей Максимович постоянно слушал музыку по радио и систематически прослушивал большое количество музыкальных и вокальных произведений в грамзаписи. Самыми «ходовыми» в его весьма значительной коллекции пластинок были: Пятая симфония Бетховена, Шестая симфония Чайковского, «Шехерезада» и «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, скрипичный концерт Брамса, концерт Мендельсона, «Вниз по матушке по Волге» и «Дубинушка» в исполнении Шаляпина. Часто слушал он в последнее время пластинку под названием «Табу» — с записью грустной мелодии ритуальной негритянской музыки.

Всю жизнь неизменно писатель любил Грига. Можно сказать, поклонялся ему. Мог слушать его всегда.

В 1906 году в Америке, в Адирондакских горах, Грига играл Горькому сопровождавший его в этой поездке Н. Е. Буренин. Каждый вечер. Три месяца подряд. После напряженного дня (писатель работал тогда над романом «Мать» и пьесой «Враги») Горький весь безраздельно отдавался звукам. Часто после игры он молча уходил. Даже не попрощавшись, не сказав обычного «доброй ночи». Точно боялся словом нарушить впечатление от прослушанного. Он садился к письменному столу, и появлялись страницы, показывающие, как Ниловна слушает Грига, как под воздействием музыки простая русская женщина начинает чувствовать, что нравственные силы ее растут, сердце наполняется любовью к людям.

На Малой Никитской писателю не раз играл Грига молодой в то время пианист Г. Гинзбург. По просьбе Алексея Максимовича музыкант значительно расширил свой репертуар: сделал концертную транскрипцию сюиты из «Пер-Гюнта», а также разучил почти все фортепьянные вещи Грига, в том числе горьковскую любимую — «Одинокий путешественник».

В доме Горького пела Нежданова. В 30-е годы, как и при встречах с писателем в Италии, все таким же неувядаемым был ее талант. Кроме оперных арий и романсов Чайковского, Глинки, Антонина Васильевна исполняла русские народные песни. Алябьевского «Соловья» и народную песню «Потеряла я колечко» певица по просьбе Горького повторяла.

К писателю приезжала выдающаяся исполнительница русских народных песен Ольга Васильевна Ковалева. Старинные лирические песни — о красоте русских лесов, полей, рек, о любви, о нелегкой женской доле,— которые Ольга Васильевна пела особенно задушевно,— волновали писателя.

Слушал Горький замечательную исполнительницу песен народов СССР И. П. Яунзем, высоко ценил ее мастерство, верную передачу национального колорита.

В доме писателя звучал голос редкой, неповторимой красоты — пела Надежда Андреевна Обухова. В ее широком репертуаре были русские народные песни, удалые цыганские, темпераментные и нежные неаполитанские: «Липа вековая», «Я вечор млада», «Степь да степь кругом», «Не брани меня, родная», «Санта Лючия», «Пой мне», «Злые чары»...

Любопытную запись, свидетельствующую о широте музыкальных представлений Горького, сделал композитор С. С. Прокофьев, который неоднократно встречался с писателем в 1932 году в Москве: «Я спросил его, какая же музыка теперь нужна?» «Вы сами должны знать это»,— улыбнулся Алексей Максимович. Я сказал: «Все говорят, что сообразно с нашей новой жизнью нужно писать музыку прежде всего бодрую и энергичную». Алексей Максимович прибавил: «Но также сердечную и нежную».

Горький ратовал за многообразие музыки и вместе с тем категорически отвергал музыку, лишенную глубокого содержания и живого чувства, был нетерпим к так называемой «музыке толстых», к формалистическим поделкам, подменяющим мелодию и гармонию какофоническим нагромождением звуков.

Постоянно перегруженный работой, писатель охотно отдыхал в кругу семьи, за обедом, вечерним чаем или ужином. Он очень дорожил этими часами, даже минутами, они были необходимы ему для разрядки, для душевного успокоения. Он требовал от домашних строгого соблюдения этих установленных часов, когда все должны были собираться вместе, и это была единственная строгость в свободном, легком строе дома.

Алексей Максимович часто приглашал к столу коменданта дома И. М. Кошенкова, любил, когда за столом присутствовал кто-нибудь из гостей. Заботливо всех угощал, был радушным, гостеприимным хозяином.

Сам он к еде относился сдержанно, ел мало, был нетребователен, неприхотлив.

Профессионально острым взглядом художника Е. А. Кибрик подметил, как держался писатель за столом: «Горький сидел прямо, покуривал сигарету из длинного мундштука, и удивительно изящно ел — небрежно, как бы не уделяя внимания процессу еды».

Большое оживление вносил остроумный, находчивый, неистощимый на выдумки сын писателя — Максим Алексеевич. Вместе с отцом он придумывал шуточные прозвища для домашних и близких друзей. Самого Алексея Максимовича называли «Дука» — от итальянского «герцог» — или «Прекрасные усы». Сын часто обращался к отцу просто по имени: «Алексей». Отец любовно и шутливо называл сына «Старик».

После ужина нередко играли в карты. Горький признавал только самые легкие, немудреные карточные игры — так называемую «тетку» и «подкидного дурака». Они давали отдых его усталому мозгу, помогали хоть на короткое время «отключиться», сделать перерыв в напряженной творческой работе.

Но, играя в карты, Алексей Максимович всегда увлекался. Играл азартно, огорчался, когда оставался в проигрыше. Иногда кто-нибудь проигрывал нарочно, чтобы доставить ему удовольствие, но делал это осторожно, незаметно, чтобы Алексей Максимович, не дай бог, не догадался.

Выдавались счастливые вечера, когда инициатива в начавшейся за ужином беседе переходила к Горькому. И он начинал вспоминать, рассказывать, неторопливо, увлекательно, захватывающе. О Нижнем Новгороде, о быте купечества, о выставках и ярмарках, об искусстве, художниках, писателях. Подлинные события в этих устных рассказах нередко переплетались с вымыслом, расцвечивались творческой фантазией. Но это не имело для слушателей значения. Они сидели как завороженные, стараясь не пропустить ни одного слова и ни одним звуком не нарушить очарование рассказа. Говорил Горький негромко, естественно и непринужденно, не прибегал к ораторским приемам и внешним эффектам.

Случалось, обстоятельства ломали установившийся порядок, нарушали привычный ритм жизни. Но даже в те дни, когда кто-нибудь приезжал, даже в дни I съезда писателей, когда, казалось, заниматься творческой работой было невозможно, Алексей Максимович старался не совсем выбиваться из режима, хоть понемногу, но писать каждый день.

Известно, что писатель почти всю жизнь страдал туберкулезом, «болезнью иезуитской», как он сам ее называл. Болезнь часто обострялась. Весной и осенью «обязательными» были бронхиты острейшей формы, протекавшие очень тяжело.

Горький вынужден был лечиться, находиться под наблюдением врачей. Но в схватке с болезнью, которую героически вел он более 40 лет, решающую роль играл он сам. Только колоссальным усилием воли, огромным напряжением сил удавалось ему выстоять, сохранить работоспособность.

Известно множество случаев: во время приступов болезни, когда повышалась температура, душил кашель и врачи запрещали работать, Алексей Максимович все равно не мог надолго оторваться от письменного стола, преодолевая естественную потребность отдохнуть.

Творческая энергия, интенсивность труда немолодого, больного писателя поражала даже специалистов-медиков, биологов. «Горький был интереснейшим для нас, биологов, явлением природы,— писал Н. Н. Бурденко.— И если бы некий биофизик смог сконструировать такой аппарат — конденсатор энергии, который суммировал бы творческую энергию Горького, то этот аппарат мог бы привести в движение неисчислимое количество двигателей. Нам всем, людям науки и искусства, необходимо слить воедино творческую энергию десятков миллионов, чтобы продолжить и завершить те человеческие, чрезвычайно человеческие мысли и мечты, которые нам оставил в наследство Максим Горький...»

Правда, в письмах Горького последних лет можно встретить жалобы: «Очень устал», «рука болит», «глаза слепнут», «спину ломит», «кашляю, как верблюд».

Но чаще, можно сказать, всегда, в его письмах видна поразительная, неистребимая сила духа великого труженика: «Работать хочется — как младенцу материнского молока!», «Страшно хочется жить, работать во всю силу и сверх силы!»

И он работал сверх силы. Не хотел терять ни минуты, проявлял неистощимую активность натуры, жизнелюбие, силу характера, волю к жизни.

«Умру, вероятно, «на ходу», в работе,— сказал он как-то.— Это приятно знать, ибо хворать я не умею и к пассивной позиции отношусь с ненавистью».

Пассивным Горький не стал даже в последние дни своей жизни. Буквально на смертном одре, героически подавляя физическую слабость, он нетвердой рукой записывал на маленьких листочках бумаги свои мысли, наблюдения, ощущения, делал заметки, какие имел обыкновение делать всегда.

Невозможно без волнения смотреть на эти записки. Слабый нажим карандаша, часто едва заметное начертание букв, сползающие вниз строчки.

Так, почти до конца, боролся могучий дух Горького, билась его пытливая мысль, продолжалась работа мозга. И смерть его воспринимается как последний труд, как деяние, как подвиг. «Только гений труда мог делать так много для человечества, как делал и сделал Горький»,— справедливо сказал К. А. Федин.

Великий пример заключен для нас в личности Горького, в его отношении к труду!

ШАХМАТЫ
под редакцией
международного
гроссмейстера
С. ФЛОРА.

НА ОЛИМПЕ

ЧТО ДУМАЕТ ЭКС-ЧЕМПИОН МИРА МАКС ЭЙВЕ О СИЛЬНЕЙШИХ ШАХМАТИСТАХ

Число турниров возрастает с каждым годом: ни один сильный шахматист не может себе позволить слишком большую турнирную паузу. В 1967 году было проведено более десяти крупных соревнований, а кроме того, целый ряд менее представительных. И хоть в этих соревнованиях победы добивались многие, но в общем-то соотношение сил не изменилось.

Яснее всего это было видно на примере кандидатских турниров. Если сравнить состав последнего кандидатского турнира 1965 года с составом предстоящего в нынешнем году, то мы увидим, что по составу участников они очень похожи. И в том и в другом случае мы встречаем имена Геллера, Ларсена, Портиша, Спасского, Таля.

Итак, шахматный мир характеризуется большой стабильностью, но, несмотря на это, возникают отдельные загадки, и проблемой номер один является Бобби Фишер. В то время, когда почти все шахматисты безупречно выполняют свои турнирные обязанности, с Бобби Фишером всегда что-нибудь случается. Это весьма достойно сожаления, и, как я слышал, именно в Советском Союзе глубоко разочарованы тем, что и на этот раз не состоится встреча между ним и виднейшими советскими гроссмейстерами. Есть даже такие шахматисты, которые упрекают тех, кто принимал решения в Сусе, приведшие к исключению Фишера из числа участников турнира. Во всяком случае, имеет смысл еще раз вернуться к фактам, причем я должен напомнить, что сам не был на месте событий и мои представления основаны на наблюдениях других.

Дважды на турнире в Сусе происходило нечто, не устраивавшее Бобби Фишера, дважды он протестовал после отклонений своих претензий, не являлся на игру. И поэтому ему дважды вписали ноль. В промежутках между этими событиями он продолжал играть, словно ничего не произошло, не признавая своих поражений, полученных за нарушение регламента. В конце концов после долгих дебатов Бобби как будто заявил о своей готовности признать оба поражения и продолжать борьбу до конца. Насколько меня информировали, оргкомитет согласился с этим, но выдвинул само по себе логичное требование, чтобы Фишер своевременно явился на начинавшийся тур. Поскольку Фишер физически не мог успеть на тур из того места, где он находился, его окончательное исключение из турнира стало фактом.

Следовало ли, однако, комитету учесть вынужденное опоздание, с тем чтобы дать Фишеру последний шанс? Я думаю, вряд ли. Комитет занимается не только делами Фишера, но и других участников. Каждый играет с полным напряжением сил, и постоянные перемены — играть, не играть — могут выбить любого из колеи. Стоит только вспомнить положение Решевского. В начале тура он садится за доску, а появление его противника Фишера под вопросом. Решевский должен ждать час, чтобы записать очко, согласно регламенту, или, если его противник появится,— бороться не на жизнь, а на смерть. Томительная неясность. Минуты протекают медленно. За двадцать минут до конца появляется Бобби и, однако, не садится сразу за доску. Неопределенность продолжается. Играть или не играть? Еще через десять минут решение принято: Бобби играет. Он потерял 50 минут времени на обдумывание, но Решевский потерял гораздо больше: свою готовность к борьбе, настроение, уверенность. Решевский проигрывает, не получив никаких шансов, чем я, однако, не хочу принизить достижение Фишера. Он играл великолепно не только эту партию, но и весь турнир. Без указанных инцидентов, которые привели к его исключению из турнира, он, вероятно, повторил бы свое блестящее достижение в Стокгольме в 1961 году.

Видимо, поучительно вспомнить историю турнира в Скопле. Там Фишер незадолго до начала межзонального турнира пожинал новые лавры. Первые туры протекали нормально. Фишер укладывался в регламент, он проиграл Геллеру, но выиграл, однако, несколько отличных партий и вновь продемонстрировал прекрасную форму. Затем что-то ему вдруг перестает нравиться: югославские шахматные фигуры имеют не тот оттенок, зрители слишком экзальтированны, слишком назойливы. Фишер хочет играть другими фигурами и в отдельном зале. Он протестует и грозит. Комитет не считает возможным удовлетворить его требования. Фишер не появляется в следующем туре и получает соответственно ноль от Кнезевича. В последующих турах он, однако, играет, словно ничего не произошло. Затем в оргкомитет поступает совместная просьба Фишера и Кнезевича отменить предыдущее решение и провести партию между ними в один из свободных дней. Комитет соглашается. Мир восстановлен. Турнир в своей первоначальной форме спасен. Возможно, Фишер надеялся на подобное же повторение в Сусе?..

На другом конце оси времени находится 56-летний экс-чемпион мира Михаил Ботвинник. Как и Фишер, он воздерживается от участия в турнирах ФИДЕ. Ботвинник не согласен с тем, что ФИДЕ отобрало у него право на реванш, после того как он с успехом использовал это право в 1958 и 1961 годах против Смыслова и Таля. Нельзя, однако, себе представить, что д-р Ботвинник — человек большой объективности и высокого интеллекта — отстранится от официальных турниров только лишь из-за различия во взглядах на вопрос о первенстве мира. Для этого должны быть более глубокие причины. У меня создалось впечатление, что ФИДЕ совершила оплошность, не посоветовавшись с самим Ботвинником по этому важному для него вопросу.

Экс-чемпион мира, однако, не отказался от участия в турнирах. Его достижения в 1967 году замечательны. Как и д-р Ласкер в его возрасте, Ботвинник по-прежнему в числе наисильнейших. Его сенсационная победа в Пальме над рвущимся вперед Ларсеном подтвердила высокий уровень его мастерства. И действительно достойно удивления то, что ни его стратегические качества, ни тактическое искусство не подвластны влиянию возраста, что характерно для большинства гроссмейстеров, перешагнувших рубеж пятидесяти лет. Повторение Ласкера? Но можно предполагать, что Ласкер будет превзойден.

В начале этой статьи я поставил себе задачу затронуть и объяснить некоторые вопросы. Бобби Фишер—проблема с вопросительным знаком. Экс-чемпион мира Ботвинник — проблема с восклицательным знаком. Ну, а нынешний чемпион мира Петросян? Вокруг его имени в последнее время было немало споров. Может быть, эти споры вызваны тем, что турнирные результаты Петросяна за годы его второго чемпионского правления далеко не впечатляют, в то время как в 1964 и 1965 годах он добился отличных успехов? Но нельзя забывать того, что за некоторыми исключениями (Ласкер, Алехин) турнирные результаты чемпионов мира во время их правления никогда не были выдающимися. Даже великий Капабланка выиграл в период своего расцвета, между 1921 и 1927 годами, лишь два из четырех больших турниров.

Относительные неуспехи чемпионов мира имеют свои основания. Противники стремятся сделать с ними бесцветную ничью либо борются с максимальным напряжением сил. Кроме того, следует учесть, что стиль Петросяна в первую очередь отвечает духу матчей, где ставится совсем другая задача. Когда на турнире в Венеции (ноябрь 1967 года) оба лидера — Доннер и Эванс — несколько опережали Петросяна, они в одном радиоинтервью шутили, что им повезло, ибо против них играет слабейший советский гроссмейстер! В этой шутке есть доля истины. Петросяну стоили мучительного напряжения победы над более слабыми противниками, тогда как Доннер и Эванс легко с ними расправлялись. И получилось так, что Доннер смог отметить триумф всей своей жизни, опередив чемпиона мира Петросяна на целое очко! Но делать из этого и ему подобных фактов вывод, что Петросян вскоре станет пятым экс-чемпионом мира, было бы совершенно неправильно. В последующие месяцы может все измениться. Петросян будет больше анализировать и восстановит свою хорошую форму. Но прежде всего матч — это не турнир. Чемпион мира Петросян готов к прыжку!

Другой вопрос, который иногда задают: не идут ли назад советские шахматы? Поводы для этого вопроса многообразны. Сравним, например, межзональный турнир в Амстердаме 1964 года с недавно окончившимся турниром в Сусе, и мы увидим, что в Амстердаме все советские участники намного превосходили остальных, за исключением Ларсена. В Сусе, напротив, Корчному и Геллеру удалось с большим трудом занять желанные места. Гипслис отстал, а Штейн должен был уступить восьмое место С. Решевскому.

Датский гроссмейстер Ларсен стал победителем с солидным преимуществом. Если мы вообще окинем взглядом турниры последнего времени, то мы не всегда встретим во главе таблицы представителя первой шахматной державы. В Гаване — Ларсен, в Монако — Фишер, в Виннипеге — Дарга и Ларсен, в Амстердаме — Портиш, в Скопле — Фишер, в Кремсе — Унцикер и в Венеции — Доннер. Отставание налицо. Будем надеяться, что это — временное, преходящее явление.

Для шахматной державы нет ничего более изматывающего, чем длительный успех. Последние 20 лет приносили Советскому Союзу одну блестящую шахматную победу за другой. Подобные длительные серии успехов действуют усыпляюще на честолюбие. Всегда и везде ожидается победа, ощущение ее притупляется. Трудно добиваться максимума, если достаточно и меньших усилий. Там, где отсутствует священное «надо», опасность отставания становится актуальной. Мне кажется, что советская шахматная организация может остановить эту тенденцию и возродить былую славу.

Быть может, я рано забил в тревожный колокол? В конце концов первенство мира в руках советских шахматистов и в кандидатском турнире советские гроссмейстеры имеют четыре места. Но лучше предостеречь раньше, чем когда это будет поздно. Французы говорят: один предупрежденный стоит двоих. Пусть же эта поговорка окажется верной и при нынешних обстоятельствах.

В прошлом имя Ларсена уже неоднократно упоминалось с похвалой. Бент Ларсен с 1956 года считается одним из ведущих шахматистов, хотя после своего неожиданного успеха на шахматной олимпиаде в Москве его форма не была устойчивой. Но именно в последние годы Ларсен стабилизировал свой стиль и свои успехи. Это началось с Амстердамского межзонального турнира, где он поделил первое место со Смысловым, Спасским и Талем. И в кандидатском турнире 1965 года Ларсен выступал успешно: он победил Ивкова (5 : 2) и уступил Талю лишь после упорнейшей борьбы (4,5:5,5). Неправильное решение в последней партии оказалось для него фатальным. Но он выиграл матч у Геллера и занял в кандидатском турнире третье место.

Однако лишь в прошлом году выяснилось, насколько сильнее и увереннее стала игра Ларсена. Стоит только взглянуть на его турнирные успехи в 1967 году: первый в Гаване (отрыв в 1,5 очка), первый в Сусе (также с отрывом в 1,5 очка), дележ первого места в Виннипеге, дележ второго места в Данди (первым был Глигорич), дележ третьего места в Монако (первый Фишер, второй Смыслов). После всех этих блестящих результатов казалось, что Ларсен закончит 1967 год еще более импонирующим образом. На турнире в Пальме в первых 13 турах он набрал ни много ни мало — 11,5 очка, одержав победы над Ивковым, Глигоричем, Портишем, независимо от того, играл ли он черными или белыми. С Доннером он сделал ничью весьма примечательным образом. Совершенно без всякой нужды он пожертвовал ферзя за две легких фигуры и затем приступил к столь решительным действиям, что голландский гроссмейстер вынужден был бороться за ничью.

Повсюду восхищались уверенностью и силой натиска датчанина, но затем неожиданно наступил поворот судьбы: поражение в партии против Ботвинника, о чем уже шла речь, видимо, несколько обескуражило датчанина, ибо он в последующих двух партиях против слабых противников набрал пол-очка из двух. При этом следует, однако, заметить, что в партии с Мединой он стал жертвой случайности, которая, выражаясь языком Монте-Карло, может произойти в одном случае из тысячи. Ларсен имел начисто выигранную позицию. Он отобрал у своего противника несколько пешек, а затем выиграл ферзя за ладью и слона. Две сильных проходных пешки, казалось, быстро решат исход борьбы, тем более что Медина попал в сильный цейтнот: на десять ходов у него оставалось несколько минут. У Ларсена было много времени. Но вместо того чтобы спокойно подготовить выигрыш, опытный турнирный боец Ларсен впал в знакомую ошибку: он начал играть ход в ход, чтобы принудить своего противника к быстрой капитуляции. И тут произошло чудо. При небольшом количестве фигур на доске король Ларсена неожиданно попал в матовую сеть, вырваться из которой не было возможности. Благодаря этому борьба за первое место против ожидания вдруг резко обострилась. Последний тур начался при равенстве очков: Ларсен, Ботвинник и Смыслов имели по 12. Из всех трех у Ларсена был самый слабый противник, но, несмотря на это, дела его были не очень хороши. Его противник Коррал, однако, избрал неверный план и проиграл. Ботвинник сделал ничью с Ивковым, а Смыслов — с Глигоричем. И Ларсен снова стал единоличным победителем. Своеобразное проявление высшей справедливости после его неудачи в предпоследнем туре.

После подобного перечисления подвигов Ларсена возникает вопрос: не является ли Ларсен, а не Фишер лучшим козырем против Петросяна? После событий в Сусе Ларсен должен будет показать, на что он способен в предстоящем кандидатском турнире. Скоро выяснится, сумеет ли он эффективно использовать в матчах свое, бесспорно, выросшее мастерство. Если сумеет, то «горе» Талю и Спасскому и в конечном счете Петросяну!

В этой статье я не рискую давать прогнозы относительно исхода поединков кандидатов на матч с чемпионом мира Петросяном. В ближайшие месяцы, очевидно, мы больше узнаем об их форме, подготовке и т. п., и тогда я охотно воспользуюсь возможностью подробнее обсудить эти проблемы. А пока я желаю всем читателям «Огонька» всего наилучшего как за шахматной доской, так и за ее пределами.

5

Брянск, Брянск. Значит, все-таки не случайно он сюда затесался. Аксенова едет в командировку в Ровно, возвращаясь назад, останавливается на день в Брянске. Никто не знал, что она туда собирается. Вернувшись, никому не сказала о том, что была там. Через шестьдесят часов ее застрелили на пустынной тропинке во Владыкине из снайперской винтовки, украденной в Брянске и в Брянске же купленной неизвестным. Слишком много совпадений. Никто из прошедших по делу людей в Брянске не живет. И все-таки искать надо, видимо, там.

Его надо искать хоть на ощупь, перебирая руками по стене. Дверь должна быть где-то здесь, совсем, совсем рядом. В Брянске? Вероятно. Но после записей в блокноте с фамилией Хижняк идет жирная черта. И такая же черта перед ровенскими записями. Так что скорее этот Хижняк в Ровно, чем в Брянске. О чем там в блокноте?.. «Микробы проказы живут пятнадцать лет... Нацизм открыл слив для всех человеческих нечистот... Трусость — детонатор жутких поступков...» Это в предпоследнем блокноте. А в последнем, из сумки? Подожди, подожди, там есть что-то похожее. Так: «...Страх растворяет у труса все человеческое... Белые от злобы глаза...» Рисунок человеческой фигуры со свастикой на рукаве. А там было про нацизм. Может быть, это не случайно? Виселица почему-то. «Корчится бес». Нет, уверен, что все это связано какими-то глубинными каналами с Хижняком. Так где же он, Хижняк, в Ровно или в Брянске? Интересно, это у него «белые от злобы глаза»?.. Искать надо начинать с Ровно. Думаю, там Аксенова решила ехать в Брянск. Пойдем, старик, по стене. Дверь должна быть рядом.

СЛЕДУЮЩАЯ ПЯТНИЦА

1

— Просыпайся, молодой человек! Чай проспишь.

Тихонов открыл глаза и сразу зажмурился: так ослепительно сверкало солнце в безбрежной белизне полей. Он потер руками глаза, привычно провел ладонями по лицу, тряхнул головой.

Пожилая проводница добродушно улыбалась, стоя в дверях купе.

— Ну что, умываешься, как киска после еды?

— Для красоты. А кстати, мамаша, вы не знаете, почему «после еды»?

— Как же. Сказка есть такая. Поймала кошка мыша и приготовилась его кушать. А мышь давай ее совестить: как же ты, мол, не умывшись, есть собираешься?

Послушалась кошка, отпустила мыша и стала умываться, а он — ноги в руки... Теперь кошки только после еды умываются. А ты вот можешь чай свой проумывать...

— Чай — бог с ним,— засмеялся Тихонов.— Мне бы мыша своего не проумывать.— Оперся на полку и спрыгнул вниз.

В туалете под полом вагона особенно громко бормотали колеса, изредка взвизгивая на крутых поворотах. Тихонов долго полоскался и фыркал под холодной водой, докрасна вытер лицо и руки, причесал жесткий ежик волос. Посмотрел в забрызганное зеркало и подумал: «Побриться бы сейчас в самый раз». Но бритвы не было. Впрочем, не было у него с собой не только бритвы. Вообще ничего не было. Он не успел заскочить домой и уехал на вокзал прямо с Петровки. Проводница, проверяя у дверей вагона билет, удивленно спросила:

— А багаж?

Тихонов ухмыльнулся:

— Иметь некрасивые чемоданы — признак дурного тона. Поэтому я обхожусь без них.

Проводница взглянула на него подозрительно и сунула билет обратно:

— Третье купе.

Стас вошел в купе, лег на полку, и гудок электровоза слился с его первым хриплым, сонным вздохом...

Вместе с ним в купе ехало трое: старичок бухгалтерского вида и молодая женщина с дочкой лет восьми. Девочка читала книжку «Сказка среди бела дня», старательно водя пальцем по строкам, мать вязала. Старичок непрерывно заглядывал в какой-то справочник и все время что-то вычислял карандашом на бумажной салфетке, удовлетворенно похмыкивая время от времени. Отрывался от этого занятия он только для того, чтобы послушать по радиотрансляции последние известия.

Тихонов, усевшись в углу, с удовольствием пил крепкий сладкий чай, пахнувший немного дымом.

Проводница снова открыла дверь, с сомнением посмотрела на него.

— Печенье брать, конечно, не будешь?

Чтобы немного поддержать свою поломанную на корню репутацию, Тихонов спросил:

— А бутербродов с черной икрой у вас нет случайно?

— Не бывает,— гордо сказала проводница.

— Жаль, ах, жаль. Пяточек к завтраку сейчас было бы уместно. Несите тогда печенье. Две пачки...

Девочка оторвалась от книжки, посмотрела на Тихонова строгими глазами.

— Дядя, а ямщик — это извозчик?

— Извозчик,— кивнул Стас.— Извозчик-дальнорейсовик.

Старичок, прижав палец к губам, сказал:

— Тише!

«Маяк» передавал сообщение о том, что произошел военный переворот в Гане. Дослушав, старик поднял на лоб перевязанные бинтом очки и озабоченно сказал:

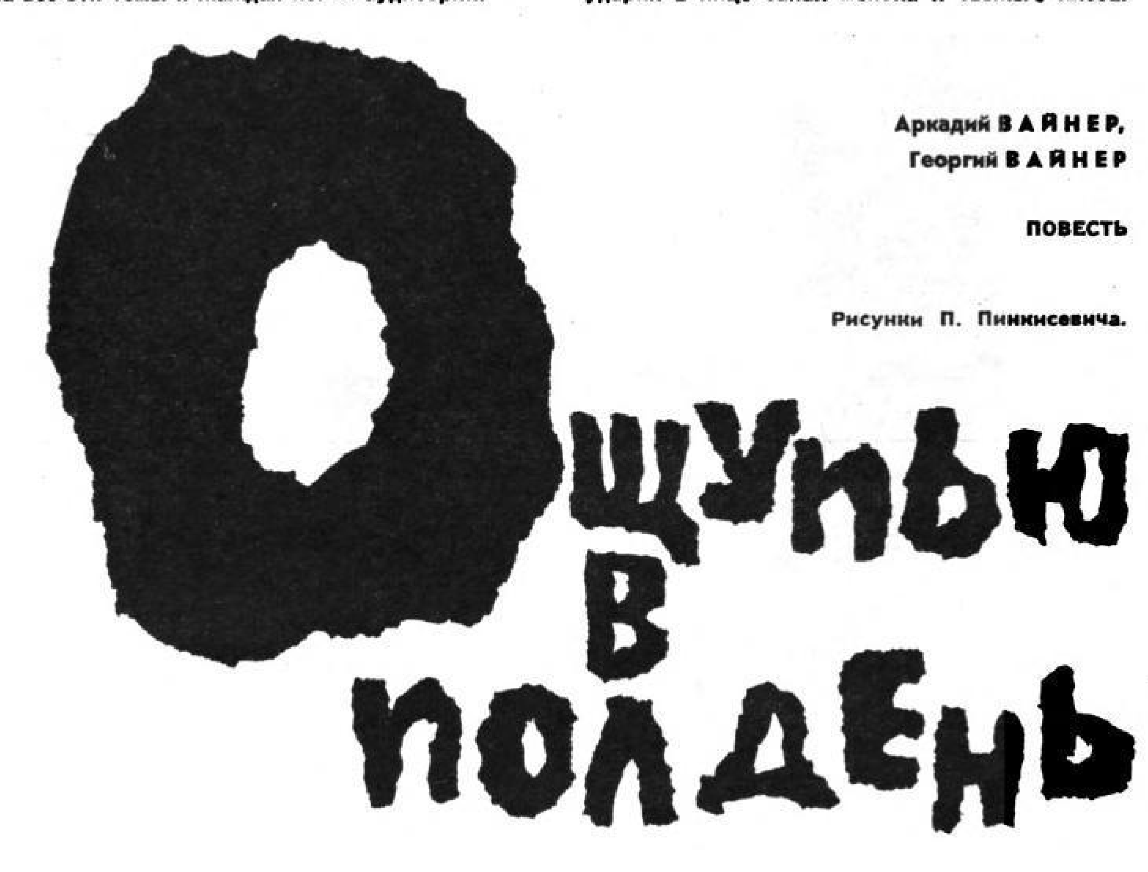
— Да-а, все-таки силы реакции во всем мире еще сильны!

— Ужасно,— согласился Стас и серьезно спросил: — Подсчитываете ресурсы для их уничтожения?

Старик улыбнулся, и лицо его, потеряв выражение озабоченности, вдруг стало добрым, почти ласковым. Он показал на справочник.

— Это великая книга. Это сводный железнодорожный справочник за нынешний год. Придумывая неожиданные маршруты перевозок, можно с помощью этого справочника обеспечить индивидуальными арифметическими задачами каждого школьника страны. Например, сколько будет стоить и сколько потребуется вагонов, чтобы перевезти из Мурманска во Владивосток пятьсот тонн апельсинов, тысячу тонн нефти и тысячу восемьсот кубометров леса? А-а?— сказал он торжествующе.

— Действительно, страшно интересно возить апельсины из Мурманска во Владивосток,— сказал Стас. Женщина с вязаньем улыбалась. Видимо, старичок уже вдоволь побеседовал с ней на все эти темы и жаждал новой аудитории.



Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. Пинкисевича.

— Вот посмотрите и убедитесь сами,— протянул он Стасу справочник.

— Сейчас, доем только печенье,— покорно сказал Стас. От ознакомления со справочником, видимо, было не отвертеться. Он полистал толстую, отлично изданную книгу. С картами, графиками, подробными расписаниями. Стас остановился на крупномасштабной карте-плане Киевской железной дороги, стал внимательно всматриваться и тихо охнул.

— Что? Говорил я вам, что не оторветесь?— ликовал старикан.

— Не оторвусь, не оторвусь,— быстро сказал Стас, лихорадочно листая справочник в поисках карты административного деления. Наконец нашел, посмотрел, вернулся обратно и сравнил с картой-планом и ногтем отметил точку на административном разноцветье маленького портрета страны.

Дверь отъехала в сторону, и проводница сказала Тихонову:

— Через десять минут — Ровно. Вам сходить...

За окном замелькали пакгаузы, старая водокачка, вагоны — дома путейских рабочих. На стрелках судорожно забились, затарахтели колеса...

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО

ТЕЛЕГРАММА

Москва, Петровка, 38, Шарапову.

Незамедлительно сообщите в адрес Ровенского уголовного розыска, кому была выдана в народной библиотеке имени Чехова книга Рэя Бредбери «Фантастические рассказы». Книга подарена библиотеке читательницей Суламифь Яковлевной Сайкиной.

ТИХОНОВ.

2

Человека по фамилии Хижняк Тихонов нашел быстро. Депутат райсовета Анна Федоровна Хижняк работала старшей аппаратчицей на заводе в Ровно.

— Недели две назад с ней разговаривала журналистка из Москвы,— сказал Тихонову председатель месткома.— Хотела написать о ней и не успела — трагически погибла. В газете сообщение было вместе с очерком о нашем заводе. Хорошо, душевно написала. Как же это она погибла? Под машину попала?

— Есть много разных способов трагически погибнуть,— пожал плечами Стас.— А как увидеться с Анной Федоровной?

— Она сегодня должна была вернуться из Киева. К сыну ездила на зимние каникулы — он у нее студент-дипломник. Адрес в личном столе найдете.

Хижняк жила в старой части города, в небольшом деревянном доме. Когда Тихонов вылез из такси, уже перевалило за полдень. Он постучал в дверь, обитую дерматином и тряпочными полосками, и кто-то теплым, мягким голосом крикнул в доме:

— Подождите, подождите, сейчас открою!..

Загремела щеколда, и из-за открытой двери ударил в лицо запах молока и свежего хлеба. У женщины было молодое, еле тронутое морщинками лицо и совершенно белые волосы. Туго затянутые в косу на затылке, они сидели на голове, как серебряный шлем.

— Анна Федоровна?

— Да. А вы ко мне?

— Я хотел поговорить с вами...

Полы в комнате были белые, дощатые, выскобленные до стерильной чистоты. Тихонов посмотрел с сомнением на свои облепленные снегом ботинки, но женщина добродушно засмеялась:

— Заходьте, заходьте. Все одно — убирать, во всем дому грязь. Только сегодня приехала — у сына в гостях десять дней была.

На стене висела фотография красивого смуглого парня, и Тихонову вдруг показалось, что он уже где-то видел это лицо.

— Простите, Анна Федоровна, а когда вы поехали к сыну?

— Во вторник прошлый. А что?— встревожилась женщина.

— Нет, я просто так спросил.— Тихонов понял, что она не знает о смерти Тани — в дороге разминулась с газетным сообщением. Он помедлил и сказал:

— Анна Федоровна, я из Московского уголовного розыска. Привело меня к вам печальное событие...

— Что? Случилось что?— Хижняк стала медленно бледнеть.

— Вы помните Таню Аксенову?

Хижняк что-то хотела сказать, но горло сдавило, она сглотнула тяжелый ком, кивнула.

— Одиннадцать дней назад она погибла...

— Убил. Убил! Убил, проклятый!..

3

Стас огляделся. Ночная улица была пустынна, голые черные ветви деревьев покачивались под порывистым холодным ветром, редкие неяркие

Окончание. См. «Огонек» №№ 7—12.

фонари с трудом рассеивали вокруг себя мрак. Стаса знобило. На вокзал, надо скорее на первый же поезд. Как назло, ни одного такси не видать. Тихонов шел размашистым шагом, все быстрее и быстрее, потом побежал. В груди что-то противно екало и свистело, остро закололо под лопатной. «Пуля болит, сволочь,— подумал Стас.— Ничего, она не опасная. Больно потому, что она на плевру давит. Нет, она уже не опасная. Как это Лебединский сказал? Она «иннапсулировалась». Слово противное. Ничего, еще метров пятьсот пробежать можно. Скоро все уже кончится... Надо успеть на московский ночной экспресс...» Он бежал и бежал, уговаривая себя потерпеть еще до следующего фонаря, потом до следущего и еще до одного. Брызгал из-под ног грязный жидкий снег, глухо цокали подковки на каблуках, и над переулком разносился сухой хрип легкого, разорванного пулей два года назад...

В комнате милиции на вокзале сидел мужчина в сером ковернотовом костюме.

— Из Москвы? Надо помочь — поможем. А вы пока присядьте.

Тихонов опустился на полированную, очень неудобную скамейку с резной надписью «МПС», прикрыл глаза. Он тяжело дышал, вытирая ладонью пот с лица. Мужчина снял трубку и негромко сказал:

— Зина! Майор Сударев позвонил. На семьдесят первый один билет в двухместное купе, быстренько! Как это нет? Знаю, знаю, для проводниц оставляете, чтобы их пассажиры не беспокоили... А если проверю? Что? Нашлось уже? Ну и чудненько. Сейчас к вам товарищ Тихонов подойдет.

Повернулся к Стасу, объяснил:

— Подойдете к седьмой кассе, получите билет в отдельное купе. Я вижу: вам давно пора спокойно выспаться...

— Спасибо... Помогите мне добраться до горотдела. Мне очень срочно надо позвонить по междугородной.

— Элементарно,— сказал Сударев и вызвал дежурного сержанта.

— Пахомов, заведи мотоцикл, подбрось товарища на Гончарную.

Через десять минут Стас уже разговаривал по телефону с начальником Ярцевской колонии.

— Опознание провели,— бился в мембрану далекий окающий голос.— Плечун без всяких сомнений опознал на фотографии номер три человека, который купил у него винтовку...

Тихонов положил трубку и снова разгладил на столе телеграмму Шарапова.

«КНИГА РЭЯ БРЕДБЕРИ «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ» ВЫДАНА 26.I — 1966 г. Т. С. АКСЕНОВОЙ».

СЛЕДУЮЩАЯ СУББОТА

1

К Брянску поезд подошел в шесть часов утра. Было еще темно, и только на востоке рассвет начал размывать густую синеву неба, стирая с него звезды, как капли со стола. На перроне царили сутолока, гомон, метались фонари проводниц. Тихонов вышел на вокзальную площадь, огляделся и направился к автобусной станции. Кассирша с сожалением сказала:

— Ваш автобус ушел двенадцать минут назад. Следующий отправляется в десять ноль пять.

Тихонов про себя чертыхнулся, спросил:

— А согласовать автобусное расписание с железнодорожным никак невозможно?

Девушка развела руками:

— Это не от меня зависит.

— Я понимаю. Просто, когда спешишь, торжествует принцип максимальной пакости.

— Какой, какой принцип?

— Максимальной пакости: бутерброд всегда падает маслом вниз.

Девушка улыбнулась:

— А если все-таки вверх?

— Значит, он упал неправильно...

Тихонов шел малолюдной улицей, негромко ругался и размышлял, где ему провести оставшиеся четыре часа. На углу ярко светилась вывеска «Баня». Пожалуй, это был хороший выход из положения. В вестибюле остро пахло земляничным мылом и березовыми вениками. Тихонов заплатил за ванный номер, вошел в небольшую кафельную комнатку, щелкнул замком, пустил горячую воду. Вода с шипением бежала по эмалевым стенкам ванны, закручивалась в булькающий пузырчатый водоворот у стока. Стас снял пиджак, опустившись на кожаный диванчик, устало слушал бормотание и шелест воды. На живот тяжело давила рукоятка пистолета, вылезшая из открытой полукобуры.

От нервного возбуждения он всю ночь не сомкнул глаз, и теперь сонная одурь теплым паром заволакивала голову. Стас быстро разделся, влез в воду, и оцепенение утренней дремоты проглотило его, как болотная ряска смыкается над брошенным камнем...

...Учителя Коростылева он встретил жарким июльским полднем, прогуливаясь с майором Садчиковым по улице Горького. У Стаса еще дергался глаз, контуженный пулей Крота-Костюка, но настроение было прекрасное, и Садчиков подсмеивался над ним.

— В п-погонах новых щегольнуть охота?

Коростылев стал совсем старый. Он сказал:

— Эдик Казарян уже ведущий конструктор. А Слава Антонов стал кандидатом наук. Атомщик.

Стасу послышалось в голосе Коростылева осуждение. И он, словно оправдываясь, с вызовом сказал:

— А я стал капитаном!

Садчиков усмехнулся:

— Каждый к-кулик свое местожительство хвалит.

Коростылев спросил его:

— И вы там же работаете?

Садчиков кивнул. Стас, как будто извиняясь за то, что Садчиков не кандидат атомных наук, сказал Коростылеву:

— Он уничтожил банду знаменитого Прохора...

Учитель помолчал. Ветер трепал его редкие седые волосы, и Стас боялся, как бы они все не улетели. Потом Коростылев сказал:

— Я доволен тобой. Вы делаете очень важное — караете зло. Прощать содеянное зло так же преступно, как и творить его.

— М-мы не караем. Закон карает. М-мы только ловим,— сказал Садчиков и отвернулся.

Стас почему-то разволновался тогда и, чтобы скрыть это, сказал:

— Все замечательно. Одна беда — не можем определить свое место в споре между физиками и лириками...

Вода в ванной остыла, и Стас проснулся от холода. Он пустил на себя из душа струю горячей воды, гибкой и упругой, как резина. Потом вылез и долго сидел на диванчике, завернувшись в простыню, осторожно поглаживая багрово-синеватый шрам на груди. Не спеша оделся, взглянул на часы: стрелка подползла к девяти. Он перекинул через плечо ремешок с петлей, достал «макарова», оттянул затвор, дослал патрон. И повесил пистолет в петлю слева под мышкой. Вспомнил, как когда-то Шарапов сказал бандиту Валетнику: «У трусов пистолет создает чувство ложной уверенности...»

...Автобус, перемалывая толстыми шинами бугры наледей, въехал на площадь. Кондукторша сказала:

— Пойдете прямо по этой улице, за третьим кварталом направо — улица Баглая.

Тихонов огляделся. Часы на здании горисполкома показывали половину второго. Прилично потрясся в автобусе.

Стас направился в горотдел милиции. За двадцать минут он договорился с начальником уголовного розыска, как расставить людей, когда прислать машину. Вышел на улицу и вдруг с удивлением заметил, что больше нет ни азарта погони, ни возбуждения, ни страха. Он очень устал. Это трудно — карать зло. Сейчас он пойдет и возьмет этого бандита. И все произойдет буднично, даже если тот попробует стрелять. Он посмотрел на вялое зимнее солнце, беззащитное, на него можно смотреть, не щурясь, провел холодной ладонью по лицу и вспомнил, что так же прикоснулась к его лбу Танина мать, повернулся и пошел на улицу Баглая. Он даже не посмотрел, есть ли в доме двадцать девять черный ход, а прямо постучал в дверь и сказал вышедшей женщине:

— Здравствуйте. Хозяин дома?

— Заходите, он скоро придет. Суббота сегодня — он в баню пораньше пошел.

Тихонов подумал: «Прекрасное совпадение. Мы, не сговариваясь, хорошо подготовились к встрече». Женщина открыла из прихожей дверь в столовую, пропустила Стаса, сказала:

— Жена я. Нина Степановна зовут.

— Очень приятно. Тихонов, корреспондент из Москвы.

— Пообедать хотите или самого подождете?— Из кухни доносился запах пирогов и жареного мяса.

— Спасибо. Мы лучше сначала побеседуем,— сказал Стас и снова подумал: «Диеты у нас с ним разные...»

Нина Степановна сказала:

— Сам-то важен стал. Недавно уже приезжала к нему корреспондентша. Из Москвы тоже. Не застала только — в районе был.

— Знаю,— кивнул Стас.— Из нашей газеты. С вами разговаривала?

— Да, проговорили три часа. Не дождалась, расстроенная была. А сам, то же самое, как рассказала о ей, расстроился, что не застала. Да, знамо дело, всем разговоры приятные вокруг себя охота слышать, да и работяга он большой — статья об нем авторитету бы прибавила...

— Это уж точно,— сказал Стас.— Корреспондентка книжку у вас здесь не забывала? Просила захватить, если сохранилась...

Хлопнула входная дверь. Тихонов выпрямился, как лопнувшая пружина, сунул руку под пиджак, щелкнул предохранителем «макарова». Женщина сделала шаг к двери.

— Стойте!— свистящим шепотом сказал Стас.— Стойте на месте...

Женщина обомлела. Распахнулась дверь.

— Заходите, Ерыгин, я вас уже час дожидаюсь.

Вошедший автоматически сделал еще один шаг, сказал: «Здрасте»,— и судорожно обернулся.

Стас больно ткнул его стволом пистолета под ребро и сорвавшимся на фальцет голосом крикнул:

— Ну-ка, ну-ка, без глупостей!— Вздохнув, сказал:— Я за вами две недели не для того гоняюсь, чтобы сейчас еще кросс устраивать...

Женщина, оцепенев от ужаса, прижалась к стене. Из кухни нанесло чад подгорающего мяса.

— Вы, Нина Степановна, займитесь пока на кухне, а мы с вашим супругом побеседуем.

На крыльце затопали тяжелые шаги. Стас, прижав к бедру наведенный на Ерыгина пистолет, отскочил к столу, чтобы видна была входная дверь. Громыхнула щеколда, и вошли три милиционера. Стас облегченно вздохнул и подумал: «Вообще-то глупость, конечно, была — идти за ним одному. Он же меня соплей перебить может. Расчет на внезапность оправдался...»

— Что, Ерыгин, здесь, говорить будем или прямо в Москву поедем?

Ерыгин разлепил сразу запекшиеся губы, хрипло сказал:

— Не о чем мне с тобой говорить...

2

Тихонов вышел на трап первым, за ним — Ерыгин, которого придерживали сзади два оперативника. Они шли из носового салона, и пассажиры, выходившие из двери у хвоста самолета, удивленно и испуганно смотрели на эту молчаливую группу. Внизу, у первой ступеньки трапа, стоял, расстегнув пальто, заложив руки в карманы, широко расставив ноги, Шарапов. И Тихонову вдруг захотелось побежать по лестнице ему навстречу, обнять и сказать что-нибудь такое, чего завтра ни за что не скажешь. Не спеша спустился, усмехнулся, протянул руку.

— Здорово, Владимир Иваныч,— кивнул через плечо.— Доступ к телу свободный.

Шарапов и не взглянул на убийцу. Не отпуская руки Стаса, он смотрел своими чуть раскосыми монгольскими глазами на него. Потом сказал медленно, и слова будто падали на бетон тяжелыми мягкими гирьками:

— Я рад, сынок, что это тебе удалось,— он сделал паузу и добавил, хотя Стас заметил, что Шарапову не хотелось этого говорить:— Если бы ты его не взял, тебе жить дальше было бы тяжело...

Аэропорт был похож на огромный светящийся кусок сахара. Прожектора высвечивали серебристые сигары самолетов, искры вспыхивали на полосках снега между бетонными плитами, тускло светились огни в черном лаке оперативных «Волг». Шарапов посмотрел в мертвое, будто сгоревшая лампа, лицо Ерыгина и сказал оперативникам:

— Поезжайте с ним в первой.

Ерыгина посадили в машину, вырвался белый дымок из выхлопной трубы, и машина рывком ушла в ночь, на шоссе, в Москву. Шарапов открыл дверцу второй «Волги».

— Влезай, я за тобой.

Шофер Вася сказал:

— Здравствуйте, Станислав Павлович! Мы вас заждались.

— Не говори, два дня не было,— улыбнулся Стас и почувствовал, что все кончилось, что он дома...

Мелькали черные деревья на обочинах, вдалеке горели огоньки на шпиле университета. «Волга» со свистом и шелестом летела по пустынному ночному шоссе. Голос Тихонова звучал надтреснуто:

— В принципе мы с тобой не ошиблись, Шарапов, предположив, что причина смерти Тани скрыта в ее личной жизни. Но мы с тобой не знали этого человека и поэтому канцелярски сузили понятие личной жизни. Ты понимаешь, для Тани не было чужих болей и бед, они становились ее личными бедами, частью ее личной жизни. Так и получилось, когда она познакомилась с Анной Хижняк. А жизнь Хижняк — страшная трагедия, за которую надо было бы само по себе расстрелять этого бешеного пса. Вот послушай. Анна Хижняк вышла замуж за местного счетовода Ерыгина прямо перед войной. И как только в Здолбунов — это под самым Ровно — пришли немцы, он сам отправился к ним и предложил свои услуги. Парень он был здоровый, красивый и незадолго до войны стал чемпионом города по стрельбе. Ерыгина взяли в карательные войска СД, и он прославился неслыханной жестокостью. Скоро он уже командовал расстрелами евреев, советских и партийных работников. Мне рассказала Хижняк, что он выстраивал шеренгу и с большого расстояния из карабина беглым огнем валил людей через одного. Это называлось у него «расчет на первый-второй». В середине 1942 года он получил серебряную медаль «За заслуги перед рейхом» и нашивки ротенфюрера. Ерыгин каждый день приходил в дом ее матери, куда Анна убежала от него с крошечным ребенком, издевался над нею и бил. А когда понял, что она не вернется к нему, сдал ее в фельджандармерию как связную партизан. Шесть дней просидела она в камере, ожидая виселицы. На седьмую ночь в Здолбунов нагрянули партизаны, сожгли дотла комендатуру, перебили всех немцев и полицаев, а арестованных освободили. Она ушла с шестимесячным сыном к партизанам, уверенная, что этого изувера убили вместе с остальными бандюгами. Да, видимо, выжил, сволочь, сменил фамилию, окопался, женился и осел на глубине.

Прошло двадцать четыре года, и в руки Анны Федоровны случайно попадает газета с групповым снимком передовиков. И в одном из них узнает Ерыгина. Причем подписи под снимком нет. Знаешь, как дают иногда — «участники совещания обсуждают...». Это произошло за неделю до встречи с Таней. А Таня должна была о ней очерк написать. И, видимо, здорово она умела с людьми разговаривать. Поговорили, поговорили, не выдержала Хижняк, расплакалась и рассказала ей все. А до этого — никому ни полслова. Там, понимаешь, возникла страшная коллизия. Сын вырос, в этом году кончает Киевский университет. И до сего дня уверен, что отец его геройски погиб на фронте. Она специально после войны все бросила, уехала из Здолбунова, чтобы кто-нибудь не рассказал пацану о том, кем был его отец. Я ее хорошо понимаю: это для парня была бы никогда не заживающая рана. И вот рвется Хижняк на части — надо бы пойти, заявить, проверить, не ошиблась ли она. А с другой стороны, боится — вдруг не подох он тогда, жив, арестуют его — процесс громкий, в газетах все. Сын, счастье единственное, проклянет ее за то, что скрыла от него такое. А через месяц — распределение у парня. И все же Таня убедила ее, что молчать нельзя. Но поскольку Хижняк не была полностью уверена, что на фотографии именно Ерыгин, Таня вызвалась по дороге заехать и проверить — это же по пути, два с половиной часа на автобусе от Брянска.

Вот так появился лишний день в командировке Аксеновой. Таня сошла с поезда в Брянске, по газетному фотоснимку с помощью местной редакции легко установила Ерыгина и поехала к нему...

Машина промчалась мимо щита с надписью «Москва», зашелестела по Ленинскому проспекту. Шарапов слушал сосредоточенно, ни разу не перебил.

...На месте его не оказалось — в районе был. Аксенова объяснила жене, что она — корреспондент, стала беседовать с ней. И тут Таня допустила ошибку. Жена, очень простая, тихая женщина, добросовестно пересказала Ерыгину содержание их разговора. Как я понял, его насторожили три вопроса Тани: давно ли они женаты, где он был во время войны и жил ли раньше Ерыгин в Здолбунове.

Таня сама не была уверена в том, что она нашла подлинного Ерыгина. Очень тонкая, деликатная, она не решилась обратиться в официальные органы с предложением проверить подозрения Хижняк. Боялась оскорбить человека таким жутким предположением. Тем более, жена сказала, что он дня через два собирался поехать по делам в Москву. Таня оставила для него записку со своим телефоном и попросила срочно позвонить ей по очень важному делу.

И тогда он положил в чемодан купленную в Брянске у воришки винтовку...

Тихонов помолчал, долго смотрел в окно, потом сказал:

— Я вот все думал — зачем он купил тогда винтовку? На всякий случай? Вряд ли. Прошли недавно большие процессы над пойманными изменниками, и он точно знал, что ни под какую амнистию не подпадет...

«Волга» с визгом прошла поворот с бульвара и выскочила на уже безлюдную ночную Петровку, затормозила у ворот. Шарапов и Тихонов вылезли, постояли, глубоко вдыхая холодный чистый воздух. Шарапов достал пачку сигарет, спросил:

— Может, закуришь?

Тихонов пожал плечами.

— Давай, испорчу одну за компанию.

Они стояли, прислонясь к ограде, и курили, и постовой удивленно смотрел на них. Шарапов бросил окурок в снег, взял Тихонова за руку:

— Пошли, сынок. Еще немного.

Они поднялись в кабинет Шарапова, и он, не снимая пальто, подошел к телефону, коротко бросил:

— Ведите.

Сидели, молчали, смотрели друг на друга и думали, каждый о своем, оба об одном и том же. До тех пор, пока в коридоре не раздался тяжелый размеренный стук шагов. Так шагает конвой.

Он вошел в дверь боком, так и стоял посреди комнаты, сбычившись, с ненавистью глядя на них. Молчали долго, и Тихонов потом не мог вспомнить: сколько было это долго — час или минута. И все в комнате было пронизано такой взаимной ненавистью, что Стасу показалось, будто окна не выдерживают ее тяжести и тонко дрожат.

Наконец Шарапов сказал:

— Ну, Лагунов-Ерыгин, будешь каяться или пойдешь в суд на одних доказательствах?

Лагунов хрипло выдохнул:

— Какие еще, к хренам, доказательства у вас есть?!

— Расскажи ему, Тихонов, про доказательства.

Стас, не поднимая глаз от пола, и методически отстукивая ногой такт, монотонным голосом, будто читая обвинительное заключение, рассказывал:

— Четырнадцатого февраля, в понедельник, около половины шестого, вы позвонили Тане Аксеновой в редакцию и уговорили ее приехать к вам в гостиницу. Заодно, мол, забрать и забытую ею книжку. Это было через несколько минут после того, как Козак уехал. Таня приехала около семи часов. За это время вы достали из чемодана, собрали ствол и приклад винтовки. В это время дежурная по этажу сдавала белье, в коридоре ходило много народу, поэтому приход Тани остался незамеченным. Вы беседовали с ней немногим более часа, и Таня окончательно поняла, что никакой вы не Лагунов, а именно скрывавшийся больше двадцати лет Ерыгин. Но она не сумела этого скрыть от вас, и вы поняли, что прямо из гостиницы она пойдет в прокуратуру. Тогда вы окончательно решили, что терять вам нечего — за прошлые зверства все равно полагался расстрел. Вы уже знали, что, выйдя из гостиницы, Таня пойдет перед вашими окнами по пустырю. Затворив за ней дверь, вы заметили, что в коридоре по-прежнему нет дежурной. Вы заперлись, включили на полную мощность радио, погасили в комнате свет, отворили верхнюю фрамугу и встали на стул, оперев ствол винтовки на оконный переплет. Вы хотели застрелить Таню на середине пустыря — это место просматривается лучше всего. Но прямо за нею по тропинке шел мужчина по фамилии Казанцев, и он сразу бы увидел, как она упала. Поэтому вы дождались, когда он обогнал ее метров на пятнадцать, и нажали спусковой крючок. В этот выстрел было вложено все ваше бандитское мастерство. Впрочем, вы и не сомневались, что убьете ее наповал. Опыт большой. Выстрел услышать никто не мог — у этих винтовок негромкий бой,— а шум радио погасил и его. После этого вы разобрали винтовку, спрятали под пальто ствол и приклад, тихо открыли дверь и выглянули в коридор. Там все еще никого не было. Вы захлопнули дверь, быстро подошли к столу дежурной и оставили ключ от номера. Потом вернулись назад — к черному ходу, спустились по лестнице вниз и вышли во двор, а оттуда — на стоянку такси около гостиницы «Заря». По дороге засунули в глубокий сугроб ствол и приклад. Из взволнованных разговоров прохожих об убийстве на пустыре вы поняли, что беспокоиться вам нечего — вы послали пулю точно.

Сев в такси, вы отправились в Большой театр. Вы приехали в начале десятого и полчаса ожидали конца спектакля, после чего спросили у кого-то из выходящих зрителей программу и билет. Снова взяли такси и вернулись в гостиницу. Здесь вы уже постарались максимально обратить на себя внимание горничной Гафуровой, вплоть до того, что пели: «О, дайте, дайте мне свободу». План удался, и Гафурова впоследствии охотно подтвердила ваше алиби. После этого вы решили не дергаться, а сидеть и ждать.

Вообще-то вам ничего другого и не оставалось, потому что — я уверен — вы не смогли узнать у Тани, как она нашла вас. Если бы вы поняли, что на след навела Хижняк, вы тотчас же поехали бы в Ровно, чтобы убрать этого опасного свидетеля.

В разговоре со мной вы осторожно и ловко намекнули на Козака, а потом успокоились окончательно. Правда, здесь вам помог сам Козак. Своей дурацкой хвастливостью он чуть не сбил меня с толку, когда наврал, что книга Бредбери принадлежит ему. К сожалению, я поздновато сообразил, что он просто хотел продемонстрировать свою интеллигентность...

И все-таки несколько ошибок вы сделали. Вы слишком настойчиво акцентировали, что ваш Кромск — в Орловской области. Когда я поинтересовался этим, то узнал, что Кромск хоть и в Орловской области, но расположен гораздо ближе к Брянску, чем к Орлу. И зря вы так на виду держали книгу, подаренную московской библиотеке Суламифью Яковлевной Сайкиной. Но все это детали. О них разговор будет потом. Сейчас мы вас спрашиваем: вы хотите рассказать нам о своих преступлениях?

— Хочу,— сглотнул слюну Лагунов.— Хочу. Хочу сказать, что мало, мало вас стрелял! Сколько смогу...

— Не сможешь, гад!— сказал Шарапов.— Отстрелялся!— И кивнул конвою:— Уведите...

Затихли в коридоре шаги. Шарапов посмотрел на Тихонова. Стас сидел, закрыв глаза, шевеля неслышно губами...

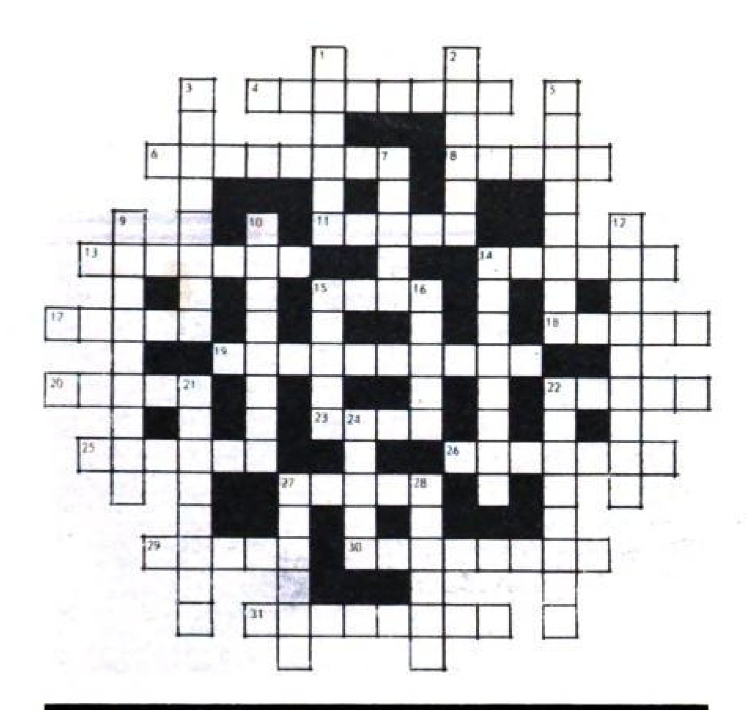
— Поехали домой, сынок.

— Сейчас,— встрепенулся Стас.— Подожди только минутку, я хочу зайти к себе, посмотреть одну бумажку...

Стас подошел к своей двери, вставил в скважину ключ, повернул, но замок не открывался. Он дергал его влево-вправо, вверх-вниз, но замок не открывался. Сломался совсем. Кружилась голова. Стас решил присесть на мгновение на скамейку в коридоре, чтобы перестала дрожать рука, и спокойно открыть замок.

Он сел, привалился к стене. Камень приятно холодил затылок. «Сейчас, посижу еще чуть-чуть и встану»,— бормотал Стас, и веки пухли, тяжелели, голова клонилась на плечо, и губы расплывались в улыбку...

Так и застал его Шарапов, спящим, со счастливым лицом у дверей кабинета, где плохо открывался замок.



КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Украинский писатель. 6. Польский танец. 8. Способ печатания. 11. Актриса МХАТа. 13. Лагерь для автотуристов. 14. Созвездие северного полушария неба. 15. Остров в Средиземном море. 17. Укрепленное на древке полотнище с надписями, эмблемами. 18. Река в Киргизии и Казахстане. 19. Гриб. 20. Парусное судно. 22. Роман Б. Пруса. 23. Венгерский композитор. 25. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 26. Основной вид графики. 27. Народный духовой инструмент. 29. Сетка для ловли рыб, насекомых. 30. Вечнозеленый полукустарник. 31. Советский кинорежиссер и кинодраматург.

По вертикали:

1. Полный набор столовой или чайной посуды. 2. Сахаристый продукт. 3. Ремень для ношения оружия. 5. Вещество, приготовленное для химического исследования. 7. Металлические щипцы. 9. Цветок. 10. Самый крупный удав. 12. Отражательный телескоп. 14. Хозяйство для выращивания животных. 15. Приток Дуная. 16. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 21. Передовой отряд. 22. Ягода. 24. Плодовое субтропическое дерево. 27. Руководитель высшего учебного заведения. 28. Порт на Волге.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

3. Магдебург. 8. Гадулка. 9. «Разгром». 11. Олеандр. 14. Кашалот. 16. Гладков. 17. Дикой. 18. Ассистент. 19. Нетто. 20. Парад. 22. Тектоника. 23. Крона. 24. Экспорт. 25. Деревня. 26. Барнаул. 28. Самолет. 30. Сторона. 31. Батисфера.

По вертикали:

1. Базилио. 2. Фрейзер. 4. Дюма. 5. Буер. 6. Галилей. 7. Комбайн. 10. «Наливайко». 12. Аристофан. 13. Континент. 15. Трактат. 16. Готланд. 21. Дворжак. 23. Картина. 26. Балобан. 27. Леопард. 29. «Тучи». 30. Скиф.

На первой странице обложки: Алексей Максимович Горький. 1934 год.

Фото Ольги Игнатович.

На последней странице обложки: Памятник А. М. Горькому в городе Горьком.

Фото М. Озерского (АПН).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

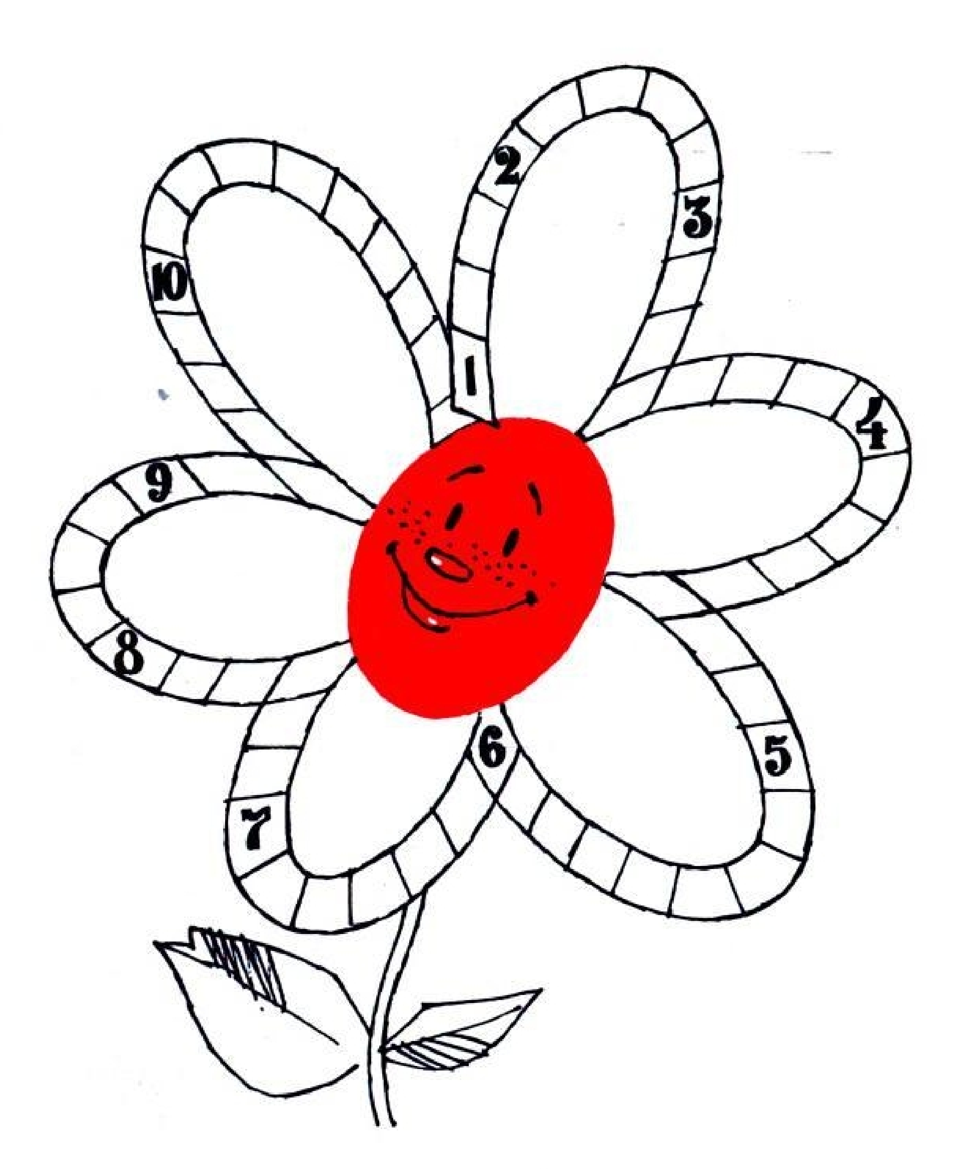
Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00379. Сдано в набор 4/III-68 г. Подписано к печ. 19/III-68 г. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 591. Заказ № 697.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



ИЗОЧАЙНВОРД

Этот изочайнворд нарисовал художник Б. Боссарт.

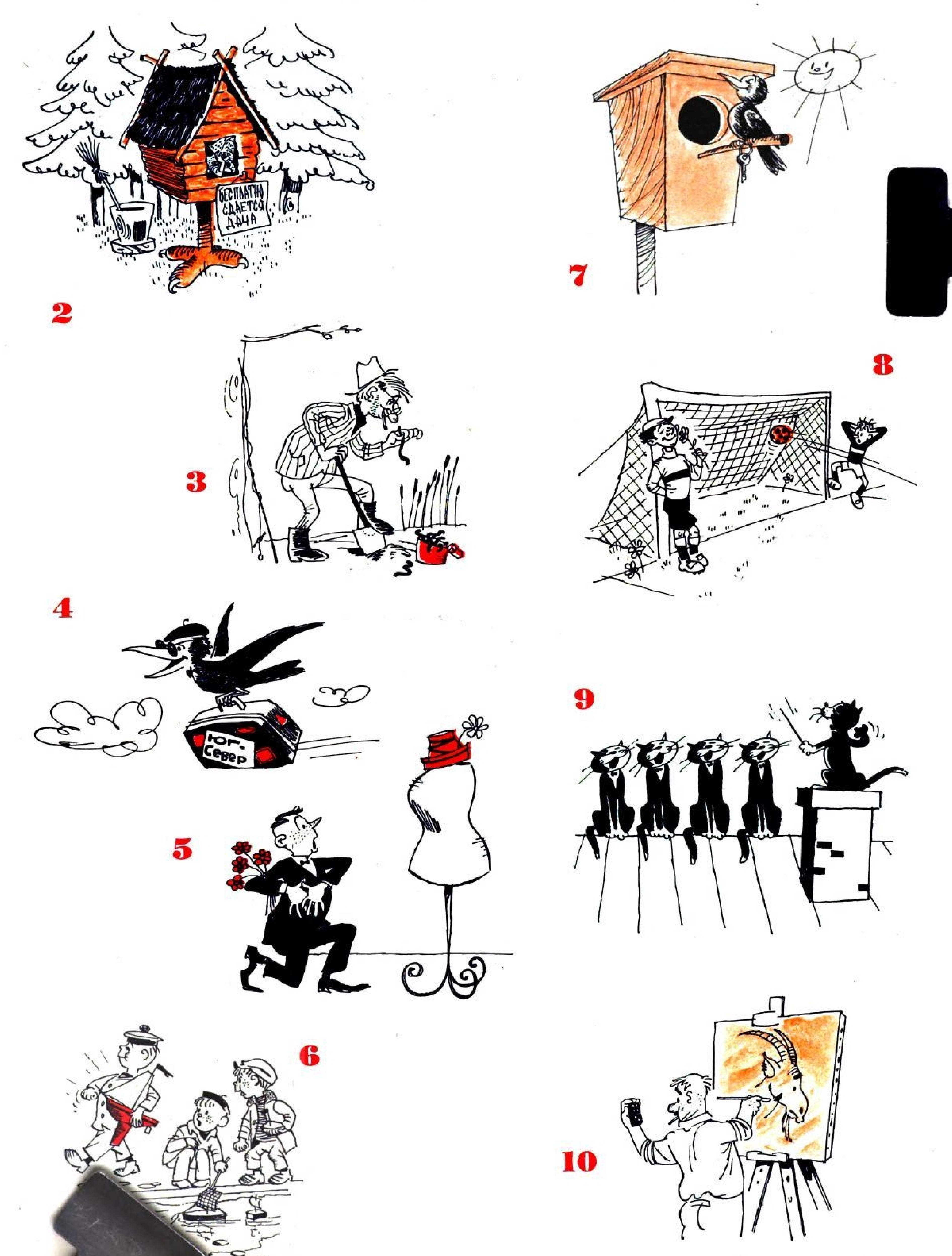
Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

1. Намек. 2. Конкурент. 3. Теоретик. 4. Кросс. 5. Сюрприз. 6. Заочник. 7. Комментатор. 8. Регби. 9. Инструктор. 10. Роман.

ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ ПРИСЛАЛИ:

Н. С. Губанов, В. М. и Л. С. Замараевы, М. Н. Карташев, В. В. Зуева, С. Т. Баташев, А. А. Чернова, К. и З. Тимофеевы, А. А. Саидов, С. Т. Резниченко, К. П. Кудрявцев, Л. И. Сальман, П. К. Минасов, И. В. Шатров, З. С. Ермилина, семья Лютиковых, В. и Н. Бочаровы, В. В. Коновалов, Н. Н. Ткаченко, Ю. Г. Игнатов, М. О. Пашутин.


2
БЕСПЛАТНО СДАЕТСЯ ДАЧА
3
4
Юг.
Север
5
6
7
8
9
10

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663